

ISSN 1684-1581 (online)

ISSN 1562-2495 (print)

Социологический журнал

2025

Том 31

1

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2025 Том 31 № 1

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным
Выходит четыре раза в год
Москва

Журнал издается при поддержке
Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козырева Полина Михайловна
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Козлова Лариса Алексеевна
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Бари Донна, доктор философии, профессор, Университет штата Пенсильвания, США

Богомолова Татьяна Юрьевна, кандидат социол. наук,
Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Вельц Франк, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

Горшков Михаил Константинович, доктор филос. наук, академик РАН,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Докторов Борис Зусманович, доктор филос. наук, профессор,
независимый исследователь, США

Зарицкий Томаш, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Константиновский Давид Львович, доктор социол. наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Костелецкий Томаш, профессор, директор Института социологии
Академии наук Чешской Республики, Чехия

Мягков Александр Юрьевич, доктор социол. наук, профессор,
Ивановский государственный энергетический университет, Россия

Оберемко Олег Алексеевич, кандидат социол. наук, доцент,
Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Ослон Александр Анатольевич, кандидат техн. наук,
Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Свидерски Эдвард М., почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

Федоров Валерий Валерьевич, кандидат полит. наук,
Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Черныш Михаил Федорович, доктор социол. наук, член-корр. РАН,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Editor in Chief, NRU “Higher School of Economics”,
Doctor of Sociological Sciences Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief, Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Candidate of Philosophical Sciences, Russian Federation
Associate Professor

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University, USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences,
Novosibirsk State University; Institute of Economics and Industrial Engineering of the
Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Independent Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS), University of Warsaw (UW),
Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostelecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology,
Czech Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Ivanovo State Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences,
Foundation “Public Opinion” (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences,
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM),
Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS,
Doctor of Sociological Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с.37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. Николаев В.Г. «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17.
Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chicago School of Sociology: Collection of Translations*. Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISS publ., 2015. P. 5–17. (In Russ.)
2. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *What do we know about freelancers? Sociology of free employment*. Moscow: Publ. House of HSE, 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What do Platforms do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2025. ТОМ 31. № 1

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1

EDN: YAAACJ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. Масловский

- 9–24 Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Симакова, А.О. Аверьянов, И.С. Степуть, Е.А. Хотеева

- 25–46 Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных установок молодежи Арктической зоны России

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Т.И. Горина, З.Е. Дорофеева, О.Д. Натсак

- 47–72 Субъективное благополучие женщин из полных и неполных семей

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

Р.А. Щербаков

- 73–91 Риски цифровизации: систематизация научного поля

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А.В. Аганова, И.В. Катерный

- 92–109 Моральный статус искусственного интеллекта: в поисках социологической перспективы

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Н.А. Шматко, Ю.В. Маркова

- 110–123 «Социальное пространство» П. Бурдьё:
история конструирования понятия

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Корытникова

- 124–139 Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова:
методологические принципы

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

- 140–160 К методологии междисциплинарного исследования биографии
социальной общности

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Д.Б. Литвинцев

- 161–167 Жилищная прекарность как социологическая проблема.
Рецензия на книгу “Precarious Housing in Europe: a Critical Guide”
под редакцией Р. Мюнх, А. Зиде

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL
2025. TOM 31. № 1
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1**

THEORY AND METHODOLOGY

Maslovskiy, M.V.

- 9–24 Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities
and the Models of Globalization

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Simakova, A.V., Averyanov, A.O., Stepus, I.S., Khoteeva, F.A.

- 25–46 Northern Identity as a Factor of Restraining
Youth Migration: Attitudes in the Russian Arctic Zone

SOCIOLOGY OF FAMILY

Gorina, T.I., Dorofeeva, Z.Y., Natsak, O.D.

- 47–72 Subjective Wellbeing of Mothers
from Married and Single-Parent Families
(Based on RLMS–HSE data for 2004–2023)

SOCIOLOGY OF INTERNET

Shcherbakov, R.A.

- 73–91 The Risks of Digitalization:
Systematization of the Scientific Field

INVITATION TO DISCUSSION

Aganova, A.V., Katernyi, I.V.

- 92–109 The Moral Status of Artificial Intelligence:
in Search of a Sociological Perspective

HISTORY OF SOCIOLOGY

Shmatko, N.A., Markova, Yu.V.

- 110–123 “Social Space” of Pierre Bourdieu:
History of Concept Construction

BIOGRAPHY RESEARCH

Korytnikova, N.V.

- 124–139 Nonlinear Biographical Analysis of B.Z. Doktorov:
Methodological Principles

Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A.

- 140–160 Towards the Methodology of Interdisciplinary Research
on the Biography of a Social Community

REVIEWS, SUMMARIES

Litvintsev, D.B.

- 161–167 Housing Precarity as a Sociological Problem.
Review of the Book “Precarious Housing in Europe:
A Critical Guide” Edited by S. Muench and A. Zide

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1
EDN: GNLQEC

М.В. МАСЛОВСКИЙ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ, ТЕОРИИ МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНОВ И МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация. В мировой социологии получили распространение несколько вариантов теории множественных модернов. Один из них опирается на цивилизационный анализ Ш. Эйзенштадта, выделяющий социокультурные основания различных типов современного общества. Кроме того, в работах Й. Арнасона, Й. Терборна, П. Вагнера представлены теории альтернативных, переплетенных и последовательных модернов. В статье содержится аналитический обзор данных теорий. Выделяется использование указанных подходов для анализа социальных трансформаций в России и СССР. Отмечается, что сторонники теории множественных модернов указывали на многообразие форм и направлений глобализации. Однако в целом в исследованиях глобализационных процессов с позиций социологии и глобальной истории преобладали иные подходы, недостаточно учитывавшие множественность таких процессов и конкуренцию между ними. В рамках одного из направлений теории множественных модернов характеризовалась альтернативная модель глобализации, примером которой выступало распространение советской версии модерна. Как подчеркивает Й. Арнасон, коммунистический модерн представлял собой глобальное явление, а его динамика являлась существенной частью глобализационного процесса в XX в. Особый акцент в трудах этого социолога делается на цивилизационных аспектах советской версии модерна, стремившейся в ходе глобального соревнования с западным миром к созданию всеобъемлющей культурной модели. Но в итоге цивилизационные ресурсы советской модели оказались недостаточными. В работах Арнасона ставится также вопрос о том, в какой степени современный Китай может претендовать на формирование альтернативной модели глобализации.

Ключевые слова: социальная теория; историческая социология; цивилизация; множественные модерны; глобализация; советское общество.

¹ В основе статьи — выступление автора на юбилейном Методологическом семинаре памяти Г.С. Батыгина «Социальное познание сегодня: изменяющаяся социология в изменяющемся мире» (13 ноября 2024 г.).

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Для цитирования: Масловский М.В. Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1) EDN: GNLQEC

Введение

На фоне происходящих в сегодняшнем мире экономических и геополитических трансформаций представители различных социальных наук все чаще обсуждают тезис о завершении эпохи глобализации или, по крайней мере, об окончании какой-то стадии этого процесса. Получают распространение такие термины, как «деглобализация» и «постглобализация». Однако следует учитывать, что они нашли более широкое признание в экономической науке и политологии, чем в социологии [27]. Если экономисты нередко связывают начало периода деглобализации с мировым кризисом 2008 г., то политологи упоминают 2016 г., ознаменовавшийся первой победой Д. Трампа на президентских выборах в США и голосованием по Брекситу в Великобритании, хотя отмечалось также, что поворот к постглобализации наметился уже после терактов 11 сентября 2001 г.

Усиление деглобализационных тенденций предполагает, что сложившиеся на рубеже XX и XXI вв. подходы к изучению глобализации едва ли могут служить надежным ориентиром при анализе происходящих в настоящее время социальных изменений. По-видимому, для более глубокого понимания таких изменений требуется привлечение иных теоретических ресурсов. В качестве одного из перспективных направлений следует назвать социологический цивилизационный анализ и связанные с ним теории множественных модернов. Представители различных версий данной теории указывали на многообразие форм и направлений глобализации, а также на препятствия и ограничения, которые сопутствовали этим процессам. Вместе с тем теории глобализации и множественных модернов нередко характеризовались как противоречащие друг другу или даже взаимоисключающие. Остается дискуссионным вопрос о возможности объединения этих теоретических направлений для объяснения сегодняшней динамики глобализации и деглобализации.

Целью данной статьи является демонстрация возможностей использования теорий множественных модернов для изучения процессов глобализации, включая ее альтернативные варианты. В первой части статьи дается аналитический обзор основных направлений теории множественных модернов, представленных в современной социологии. Во второй части сопоставляются исследования глобальных изменений с позиций исторической социологии и глобальной истории. Третья часть статьи посвящена анализу особенностей альтернативной советской модели глобализации в исторической социологии Й. Арнасона.

Многообразие теорий множественных модернов

Формированию новых социологических теорий модерна предшествовали дискуссии о многообразии путей модернизации. Для Т. Парсонса и его ближайших последователей было характерно представление о наличии единственного

варианта модернизации, которому должны следовать все общества, вставшие на этот путь. Альтернативный неомарксистский подход, выделявший три различных пути модернизации, предложил Б. Мур в своем труде «Социальное происхождение диктатуры и демократии», опубликованном в 1966 г. С позиций неовеберианской исторической социологии функционалистскую версию теории модернизации критиковал Р. Бендикс, отвергавший идею о том, что в ходе этого процесса все общества должны пройти через одни и те же последовательные стадии развития. По его мнению, процесс модернизации в каждом случае обладал специфическими чертами, связанными с историческими условиями формирования данного общества [13, с. 31–35].

Как показывает В. Кнебль, переход от «дискурса о модернизации» к «дискурсу о модерне» состоялся в западной социологии в середине 1970-х годов [23, с. 319]. В этот период наблюдались существенные различия в оценках состояния модерна в работах социальных теоретиков. Так, выступавший с консервативных позиций Д. Белл указывал на угрозу того, что социальные институты современного капитализма могут быть подорваны гедонистической потребительской культурой. В отличие от этого, в рамках левого «дискурса о модерне», представленного трудами Ю. Хабермаса, кризисные явления в западных обществах связывались с тем, что модерн еще не в полной мере реализовал свой эмансипаторный потенциал. Вместе с тем большинство теоретиков исключали из своего анализа такие явления, как «войны, расизм и Холокост», которые объявлялись пережитками домодерного прошлого либо относились лишь к отдельным регионам, где в силу контингентных причин произошел сбой модернизационного процесса [23, с. 321].

Дискуссии по проблематике модерна получают развитие в 1980-е и первой половине 1990-х гг. в работах таких теоретиков, как Э. Гидденс, У. Бек и А. Турен. В ходе этих дискуссий вовлеченные в них авторы предлагали «все более красочную картину сложного явления, именуемого “модерном”, и развивали интересные (хотя часто и противоречивые) аргументы относительно исторического происхождения модерна и его различных стадий» [23, с. 323]. Вместе с тем, как подчеркивает Кнебль, указанные теории в целом сосредоточили внимание на западных обществах при почти полном забвении «остального мира» [23, с. 324]. Лишь к концу 1990-х гг. наступает новый этап в развитии теорий модерна, связанный с плюрализацией данного понятия.

В работах социальных теоретиков можно найти различные определения модерна. Одним из наиболее удачных представляется определение, предложенное канадским философом Ч. Тейлором, который понимает под модерном «исторически беспрецедентную амальгаму новых практик и институциональных форм (наука, технологии, промышленное производство, урбанизация), новых образов жизни (индивидуализм, секуляризация, инструментальная рациональность) и новых форм недуга (отчуждение, утрата смысла, ощущение надвигающегося распада общества)» [29, с. 91]. Очевидно, институциональные формы модерна оказываются сходными в разных обществах. Вместе с тем распространение индивидуализма, секуляризация, а также особенности сочетания инструментальной и субстантивной рациональности определяются специфическим для каждого общества культурным наследием. Подобным же образом с культурным контекстом связаны и современные «формы недуга».

Понятие множественных модернов нередко ассоциируется в первую очередь с идеями Ш. Эйзенштадта. Как полагал этот социолог, ранние версии теории модернизации, предполагавшие существование единого пути к модерну, оказались теоретически несостоятельными и не подтверждались эмпирическими данными. Эйзенштадт не принимал представление о том, что институциональные формы западного модерна и его культурная программа с присущими ей гомогенизирующими тенденциями должны быть заимствованы всеми «успешными» модернизирующимися обществами. С точки зрения предложенного им подхода, различные цивилизационные основания порождают многообразные культурные программы модерна и процессы модернизации, прежде всего в политической сфере. Как подчеркивал этот социолог, институциональные формы, которые складывались в незападных обществах на протяжении XX в., безусловно, являлись модерновыми, хотя опирались на собственные традиции таких обществ и могли существенно отличаться от западных образцов [20].

В работах Эйзенштадта модерн характеризовался как новая цивилизация либо даже как новый тип цивилизации [21]. Особенностью современных обществ выступает, с его точки зрения, возрастающая человеческая автономия, что проявляется в усилении воздействия на окружающий мир и растущем стремлении к пониманию его устройства, а также в расширении возможностей преобразования общества. «Видение автономии становится вполне сформировавшимся цивилизационным паттерном посредством его транслирования в политические и, более опосредованно, в экономические институты и практики» [1, с. 30]. В то же время справедливо отмечалось, что концепция модерна как нового типа цивилизации была «лишь в самых общих чертах и подчас весьма противоречиво очерчена Эйзенштадтом» [3, с. 122].

Критики Эйзенштадта ставили под сомнение предполагавшуюся его теорией связь современных социальных трансформаций с уходящими в глубь веков религиозными традициями. Отмечалось, что Эйзенштадт не уделял достаточного внимания процессам межкультурного взаимодействия, в том числе воздействию незападных цивилизаций на формирование западного модерна [23, с. 326]. Следует учитывать, что Эйзенштадт предложил лишь один из вариантов теории множественных модернов, ставший объектом различных интерпретаций. Наряду с этим в мировой социологии разрабатывались теоретические модели «переплетенных» (entangled), «последовательных» (successive) и альтернативных модернов [2; 31; 32]. Различные сочетания указанных подходов использовались для анализа социальных процессов на европейском континенте, в России и СССР, а также и в других обществах, в том числе в странах Латинской Америки [6; 19; 33].

Й. Арнасон выделяет пять уровней, на которых могут рассматриваться множественные модерны. Первым является уровень национальных государств. Так, неоднократно обсуждались параллели и контрасты между путями формирования современного общества в Великобритании и во Франции. Второй уровень представляют региональные паттерны модерна, как, например, Скандинавия или Центральная Европа. Третий уровень относится к цивилизационному наследию как источнику различий между типами модерна. В связи с этим рассматривалась, в частности, конфуцианская цивилизация с центром в Китае, влияние которой распространилось на всю Восточную Азию. В качестве четвертого уровня выде-

ляются «альтернативные модерны». Согласно Арнасону, альтернативный модерн может считаться «паттерном, или системой, структурированной по принципу противоположности прежней системе и претендующей на широкие исторические <...> смысл и значимость» [2, с. 105]. Основным примером в данном случае выступает коммунизм как особая разновидность современного общества. Кроме того, к указанному перечню добавляется уровень «глобальных модернов» как различных конфигураций экономических, политических и культурных паттернов. Особенно коммунистическая версия альтернативного модерна стремилась к глобальному распространению в период после окончания Второй мировой войны.

В связи с этим представляет интерес применение теории модерна для анализа российской и советской истории. М. Дэвид-Фокс характеризует четыре подхода к российскому/советскому модерну, которые можно встретить главным образом в англоязычной исторической литературе. Во-первых, существует тенденция к отрицанию понятия модерна при обсуждении российской истории, особенно периода с 1850-х по 1950-е гг. Во-вторых, присутствует тенденция рассматривать модерн как общее явление и сосредоточиваться на том, что объединяло Россию и СССР с другими современными государствами. Третий подход опирается на работы Эйзенштадта и его коллег, которые характеризовали советский коммунизм как альтернативную версию модерна. Наконец, четвертая позиция, которая также предполагает множественность модернов, выделяет их переплетение и взаимодействие [6, с. 21].

Понятие «переплетенные модерны» первоначально использовалось для анализа взаимодействия Запада с незападными обществами с позиций постколониального подхода. Социологический анализ данного понятия предложил Й. Терборн, по мнению которого следует различать два типа переплетений модернов. Во-первых, существуют разнообразные формы переплетения с определенной традицией, поскольку разрыв с прошлым всегда оказывается неполным, а традиции обладают той или иной степенью «пластичности». Внутренняя динамика переплетения в рамках определенного общества предполагает не линейную диффузию институтов и культурных форм, но их избирательную рецепцию, сопровождаемую побочными последствиями. Результатом переплетения становится, например, сочетание «предпринимательского капитализма, всепроникающей религиозности и сложного этнического состава населения в США, радикального социализма, классической поэзии и имперского протокола в маоистском Китае» [30, с. 302]. В конечном итоге, согласно Терборну, в результате переплетений возникают многообразные гибридные формы современного общества.

Во-вторых, существуют «геоисторические» переплетения, связанные с различными путями к модерну, среди которых западный путь выступает лишь одним из возможных вариантов. Терборн считает необходимым не только учитывать сам факт переплетения различных обществ, но и то, что такое переплетение складывалось в том числе посредством войн и геноцида. В ходе взаимодействия с Западом одни общества были полностью им подчинены, тогда как другие пытались создать альтернативные версии модерна. Терборн выделяет особенности формирования модерна в странах Нового Света, на колониальных территориях, а также в странах, вставших на путь «реактивной модернизации» в ответ на внешнюю угрозу со стороны Запада. Наконец, он добавляет к указанным вариантам «гибридные пути», представленные Россией и Китаем [16, с. 98–105].

Концепцию «последовательных модернов» сформулировал П. Вагнер, сосредоточивший внимание на социальных изменениях в странах Западной Европы на протяжении XIX–XX вв. При этом он характеризовал модерн как одновременно нормативный проект и новое состояние общества. В 2010-е гг. Вагнер разрабатывает исследовательскую программу глобальной сравнительно-исторической социологии (мир-социологии) [34]. Такой подход позволяет выйти за рамки европоцентризма и учитывать многообразие современных обществ. Этот социолог указывает на наличие длительных исторических взаимосвязей между Европой и другими регионами мира, повлиявших на формирование различных типов модерна. В частности, он обсуждает историческую динамику таких стран, как Южная Африка и Бразилия. Согласно Вагнеру, изучение «новых обществ» может способствовать «концептуальным инновациям в социальной и политической теории и в сравнительно-исторической и политической социологии» [33, р. 99]. Однако рассмотренные им случаи включают, скорее, модификации европейских культурных и институциональных паттернов, но не альтернативные проекты модерна.

По мнению Вагнера, недавнюю историю и сегодняшнюю ситуацию в мире можно оценивать сквозь призму интерпретаций модерна, отличающихся значительным региональным разнообразием и опирающихся на предшествующий исторический опыт. «Преобладающая в том или ином регионе интерпретация модерна всегда оказывается результатом исторического опыта и его интерпретации» [4, с. 225]. Рассматривая период с 1960-х гг. до настоящего времени, он отмечает, что в начале указанного периода преобладавшие интерпретации модерна отличало стремление к «стабилизации экономических и политических отношений, ограничению культурных различий и “замораживанию” существующей ситуации, допускающему лишь равномерные и предсказуемые изменения» [34, р. 115]. В западных обществах существенные изменения происходят в конце 1960-х гг. В частности, Вагнер характеризует события 1968 г. как неудавшуюся политическую революцию, но состоявшуюся культурную революцию. Начиная с рубежа 1980–1990-х гг. получает распространение «социальное воображаемое», основанное на идеях глобализации и индивидуализации. Предполагалось, что между отдельным индивидом и глобальным уровнем практически отсутствуют какие-либо промежуточные институты. Вместе с тем, как утверждает Вагнер, подобная интерпретация модерна оказывается во многом неадекватной, о чем свидетельствуют экономические кризисы, экологические проблемы, конфликты по поводу исторической справедливости.

Таким образом, в мировой социологии сформировались различные версии теории множественных модернов. Однако следует учитывать, что между их авторами складываются порой непростые взаимоотношения. В частности, работы Арнасона по проблемам цивилизационного анализа могут быть интерпретированы как непрерывный диалог с Эйзенштадтом [22, с. 18]. В то же время Терборн крайне редко ссылается на Эйзенштадта и игнорирует вклад Арнасона в разработку теории альтернативных модернов. В свою очередь, Вагнер не принимает цивилизационный подход Эйзенштадта, а с Арнасоном ведет вполне доброжелательную интерпретативную полемику [35]. Во всяком случае, интеграция всех перечисленных подходов остается нерешенной задачей теории множественных модернов, хотя и были сделаны определенные шаги в этом направлении [1, с. 151–152; 17, с. 435–437].

Историческая социология глобализации и глобальная история

Золотым веком социологических теорий глобализации были 1990-е гг. К концу этого десятилетия сформировались ведущие теоретические направления в глобализационных исследованиях. Среди сложившихся в указанный период теорий преобладали два основных подхода. Некоторые исследователи стремились выявить одну доминирующую логику глобализации, как правило, делая акцент на развитии мировой капиталистической экономики. Примером такого подхода выступает мир-системный анализ. В рамках другого направления исследований процессы глобализации определяются несколькими различными факторами, несводимыми друг к другу. Но и в этом случае акцент обычно делался на структурных факторах. Так, в модели множественных глобализаций М. Манна глобальное распространение сетей экономической, политической и военной власти оказывается более значимым, чем соответствующие процессы в сфере культуры, которые к тому же ограничиваются идеологической властью [12]. Формулировка концепции глобализации, подчеркивающая роль культурных факторов в этом процессе, представлена в работах Р. Робертсона [26]. Для исследований глобальных процессов особенно плодотворным оказалось предложенное этим социологом понятие глокализации [27].

Ранние версии теории глобализации фокусировали внимание прежде всего на новейших процессах глобальных изменений, происходивших с 1980-х гг. В некоторых случаях авторы таких теорий обращались к анализу ближайших предпосылок этих изменений, а также проводили параллели с ростом глобальных экономических взаимосвязей во второй половине XIX – начале XX в. Но в целом историческое измерение было недостаточно представлено в преобладавших в 1990-е гг. подходах к изучению глобализационных процессов. Эта ситуация начинает изменяться в 2000-е гг. по мере распространения и роста влияния глобальной истории [8]. Как замечает немецкий историк С. Конрад, поскольку «в наше время стало модно усматривать в “глобализации” ключ к пониманию настоящего, пора оглянуться на прошлое, чтобы исследовать исторические истоки этого процесса» [9, с. 17]. Следует отметить, что даже если «мода» на теории глобализации прошла и ключ к пониманию настоящего в них более не усматривают, задача изучения исторических истоков данного процесса в любом случае остается на повестке дня.

В целом историография глобальной истории широко представлена в публикациях зарубежных исследователей, а также в отдельных работах отечественных ученых [7; 8]. Не претендуя на целостный охват данного направления, обратимся к его характеристике в работе С. Конрада. Как он показывает, в недавних исследованиях могут быть выделены три основных подхода к пониманию глобальной истории. Во-первых, данное понятие может означать изучение истории в мировом масштабе. Как правило, акцент при этом делается на каком-то отдельном явлении, которое прослеживается на протяжении всей мировой истории, как, например, «истории переселения народов и торговли; глобальные истории природы и религии; истории войны и мира. Примеры такого рода бесчисленны» [9, с. 24]. По мнению Конрада, особенно значительных успехов добились глобальные истории империй, которые прослеживают становление имперских формаций в различные исторические пери-

оды. В связи с этим следует упомянуть, что одна из наиболее значительных ранних работ Ш. Эйзенштадта была посвящена политическим системам империй, а в трудах Й. Арнасона представлена модель «имперской модернизации» [25, с. 179–180]. Тем не менее в работах представителей глобальной истории данные подходы, как правило, не рассматриваются и в целом «взаимное отчуждение историков и социологов все еще затрудняет диалог между ними» [1, с. 15].

Второе понимание глобальной истории фокусируется на обмене и взаимосвязях между различными обществами, нациями, цивилизациями. С таких позиций изучаются разные темы, включая перемещения людей, товарообмен на больших расстояниях и распространение идей. В то же время размах сетей и связей не обязательно достигает планетарных масштабов [9, с. 24]. Наконец, третье понимание глобальной истории, к которому склоняется Конрад, предполагает «некую форму глобальной интеграции — регулярных и устойчивых взаимообменов, существенно повлиявших на становление соответствующих стран. Во все времена велись обмены через границы, но их характер, их влияние на общество зависели от степени системной интеграции в глобальном масштабе» [9, с. 27]. Такой подход, по-видимому, ориентируется на социологические теории глобализации, сложившиеся в 1990-е гг.

Следует отметить, что Конрад подвергает критике цивилизационный подход Эйзенштадта и его последователей, якобы выделяющих каждую цивилизацию как «самодостаточную единицу», развитие которой «полагается эндогенным и зависимым только от ее отличительных культурных особенностей» [9, с. 86]. Тем самым, по мнению немецкого историка, игнорируется история взаимодействий рассматриваемой цивилизации. Но такая интерпретация лишь отчасти применима к подходу Эйзенштадта. По мнению В. Шпона, «цивилизационные комплексы», которые рассматривал израильский социолог, характеризовались в том числе «межцивилизационными и трансцивилизационными взаимосвязями и взаимодействиями» [28, с. 286]. Кроме того, Конрад явно не учитывает в данном случае вклад предложенной Б. Нельсоном и дополненной Й. Арнасоном модели межцивилизационного взаимодействия [1, с. 71–74], а также концепции переплетенных модернов.

Представители современной исторической социологии отмечали, что идея множественных модернов не является диаметрально противоположной понятию глобализации; скорее, следует говорить о различных глобализирующих тенденциях, связанных с определенными версиями модерна. Этот подход, который в общих чертах был обозначен Эйзенштадтом, допускает возможность множественности глобализаций и продолжающееся соперничество между ними. В таком случае представления о том, что процессы глобализации ведут к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. С точки зрения Эйзенштадта, в ходе европейской экспансии сложились не только мировая экономическая система, но также политическая и культурная системы, обладавшие собственной динамикой. Результатом этого стала плюралистичная глобальная конфигурация, в рамках которой происходили конфликты как внутри отдельных систем, так и между ними. Однако, по мнению Й. Арнасона, который в целом разделяет подход Эйзенштадта, понятие системы в данном случае едва ли применимо. Скорее речь может идти о «множественных глобальных контекстах», хотя «акцент на различных измерениях глобализационных процессов и отсутствии какой-либо априорной координации между ними в любом случае является оправданным» [1, с. 185].

На основе теории множественных модернов характеризовались также различные этапы глобализации. Так, Й. Терборн выделяет шесть ее последовательных волн [16, с. 60–81]. Первая из них связана с распространением мировых религий в IV–VIII вв. Вторая волна охватывает XVI — начало XVII в., что совпадает с первым этапом колониальной экспансии европейских держав. Третья волна относится к глобальному соперничеству Великобритании и Франции с середины XVIII в. до окончания наполеоновских войн. Четвертая начинается в середине XIX в. и продолжается до Первой мировой войны. Пятая волна охватывает период между двумя мировыми войнами и глобальное противостояние эпохи холодной войны. В данном случае на фоне экономической деглобализации формируется глобальная политика. Наконец, шестая волна — это новейшая глобализация с начала 1990-х гг. С точки зрения Терборна, с момента мирового финансового кризиса 2008 г. можно говорить о завершении шестой волны глобализации. Если экстраполировать предложенный им подход на сегодняшнюю мировую ситуацию, то, по-видимому, речь будет идти о новом этапе оживления глобальной политики в условиях усиления тенденции к деглобализации в экономической сфере.

Советская модель модерна как форма глобализации

Как подчеркивают авторы программной статьи, которая открывает тематический номер журнала «Социологии власти», посвященный исторической социологии, «полноценное изучение опыта советского модерна на различных этапах его исторической эволюции может быть продуктивным лишь в перспективе сравнительно-исторической социологии, принимающей во внимание как опыт западных версий модерна, так и особенности революционных процессов на Глобальном Юге и Востоке в XX в.» [5, с. 25]. В то же время необходимо учитывать, что распространение на протяжении «краткого XX в.» коммунистической версии модерна выступало одним из аспектов множественности глобализаций.

В мировой исторической социологии наиболее глубокий анализ глобальной динамики советской модели модерна осуществил Й. Арнасон. Такой анализ представлен в ряде его работ — с вышедшей в 1995 г. статьи «Советская модель как форма глобализации» до опубликованной в 2020 г. книги «Лабиринт модерна» [1, с. 182–213; 18]. Следует отметить, что в последние несколько лет тема альтернативной советской глобализации привлекла внимание зарубежных и российских историков, но в их работах акцент делается прежде всего на экономическом измерении глобализации советской системы [10; 15; 24]. В отличие от этого, Арнасон характеризует особенности глобальной динамики альтернативного модерна в сферах экономики, политики и культуры. Для середины 1990-х гг., когда он сформулировал эти идеи, такой подход был, безусловно, новаторским. Однако в тот момент предложенная им теоретическая модель не получила широкого признания со стороны представителей (пост)советологии.

С точки зрения Арнасона, следует обратить внимание на глобальное воздействие советской версии модерна, претендовавшей на универсализм и всемирно-историческое значение. «Описывать советскую модель как “форму глобализации” значит предполагать, что ее следует рассматривать на фоне длительного

процесса, рамки которого она задает, и что, в противоположность общепринятой точке зрения, она являлась не просто препятствием или жертвой глобализации. Советские стратегии развития и экспансии должны анализироваться как ответы на глобальные проблемы, альтернативы глобального масштаба и инициативы с глобальными последствиями» [1, с. 184]. В целом советская модель представляла собой глобальное явление, а ее динамика была «существенной частью глобализационного процесса в XX веке» [1, с. 211].

В своем исследовании советской версии модерна Арнасон выделяет такие ее аспекты, как роль социального движения, имперская структура советского государства и цивилизационные характеристики альтернативного модерна. В работах социолога рассматривается динамика международного коммунистического движения, которое постепенно становится инструментом глобальной стратегии советского государства. Тем не менее, несмотря на крайнюю «инструментализацию» движения, оно играло важную роль в самопрезентации советского режима. Связь с международной организацией, действовавшей в разных регионах мира, «создавала интерпретативные рамки, позволявшие партии-государству артикулировать свои амбиции внутри страны и за ее пределами» [1, с. 192–193]. Глобальная перспектива позволяла представить направляемую государством трансформацию советского общества как «решающий вклад в дело мировой революции» [1, с. 193].

Имперский характер советской модели проявился в том, что большевистский проект был связан с более ранним паттерном имперской модернизации. При этом, как полагает Арнасон, лишь властная структура имперских масштабов была способна сделать правдоподобным тезис о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. «Проект самодостаточной радикальной трансформации являлся фундаментально несовместимым с идеологическими основаниями и историческим контекстом режима, но сама его геополитическая массивность (“социалистическая шестая часть суши”) помогла в решении этой проблемы» [1, с. 193]. В дальнейшем советская имперская структура распространилась на страны Восточной Европы.

Советская модель приобрела глобальный масштаб после окончания Второй мировой войны. Превращение СССР в одну из двух сверхдержав, формирование политических режимов советского типа в странах Восточной Европы и Восточной Азии, а также дальнейший рост мирового коммунистического движения создали новую историческую ситуацию. В результате «глобальный охват советской модели стал значительно более полным, чем на стадии ее формирования. В некотором смысле только теперь советское государство стало реально, а не потенциально определять глобализационные процессы» [1, с. 198]. Вместе с тем, как подчеркивает Арнасон, в указанный период СССР оказался в условиях более высокого уровня международного соперничества.

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерна. Как он указывает, глобальное соревнование с западным миром основывалось на претензиях на создание всеобъемлющей культурной модели. При этом «уверенность советских лидеров в превосходстве своей системы — различным образом отражавшаяся как в реформистских, так и в консервативных стратегиях — усиливалась ее идеологическими успехами» [1, с. 194]. В то же время западные наблюдатели преувеличивали масштабы и потенциал альтернативной версии модерна.

Однако, по мнению Арнасона, в конечном итоге цивилизационные ресурсы советской модели оказались недостаточными. Это в полной мере проявилось в период перестройки в СССР, когда не оправдалась вера руководства страны в «объединяющую и ассимилирующую мощь советской социокультурной модели» [1, с. 209].

В последние годы Арнасона все больше занимает проблема, которая может быть обозначена (перефразируя название известной книги русского философа) как «истоки и смысл» китайского коммунизма. Следует отметить, что общая оценка коммунизма как всемирно-исторического явления, как правило, основывалась главным образом на изучении советского и восточноевропейского опыта. Происхождение и эволюция китайской модели коммунизма в меньшей степени стали объектом теоретического анализа. Однако Арнасон неоднократно подчеркивал необходимость теоретического осмысления исторической динамики китайской модели альтернативного модерна. В связи с этим представляет интерес представленный социологом анализ переплетения его советской и китайской версий [14].

Модернизационная траектория китайского коммунизма демонстрирует «особенно сложное сочетание антитрадиционализма, преемственности и возврата к традиционным истокам» [18, с. 3]. С точки зрения Арнасона, в сегодняшнем Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия уже не может считаться лишь вариантом советской модели. Вместе с тем, как замечает Й. Терборн, только будущее покажет, насколько успешным может оказаться союз между коммунистической партией и «возрожденной неоконфуцианской цивилизацией» [31, с. 239]. До недавнего времени Китай, в отличие от СССР, не претендовал на альтернативную модель глобализации. В экономической сфере существовало тесное переплетение с глобальным капиталистическим модерном. В политической сфере не наблюдалось стремления распространить институты однопартийного коммунистического режима на соседние страны, за исключением Тайваня, который расценивается китайским руководством как мятежная провинция единого государства. Подобным же образом контролируемое партией сочетание марксизма-ленинизма и конфуцианской цивилизационной традиции не предполагало широкого экспорта этой идеологической модели.

Как полагает Арнасон, глобальные амбиции сегодняшнего китайского государства «далеки от советских прецедентов периода холодной войны, однако наблюдатели отмечают растущую тенденцию противопоставлять успехи Китая упадку Запада и указывать на китайский путь как на образец для развивающихся стран» [2, с. 105]. По-видимому, в дальнейшем можно ожидать усиления глобализирующих тенденций китайской версии модерна не только в экономической сфере. Как показывает, в частности, А.В. Ломанов в обзоре новейшей китайской литературы по проблемам цивилизации и модерна, в ней подчеркивается как цивилизационная специфика страны, так и «китайский план модерна», который отличается от исторических предшественников. Утверждается, что Коммунистическая партия Китая открыла новый тип «цивилизационного модерна», превосходящий западную модель [11]. По-видимому, в условиях быстро меняющейся ситуации в сегодняшнем мире пройдет не так много времени между формулировкой соответствующих теоретических положений и усилением глобализирующих тенденций альтернативной версии модерна в ее китайском варианте.

Заключение

В целом теории глобализации и множественных модернов не должны считаться взаимоисключающими. Более того, идея множественных модернов позволяет скорректировать преобладавшие до недавнего времени односторонние подходы к анализу глобализационных процессов. Как показал представленный в данной статье аналитический обзор, новые социологические теории модерна не только выделяют многообразие форм глобализации в различных сферах общественной жизни, но и допускают возможность распространения ее альтернативных вариантов. В частности, необходимо учитывать глобальные аспекты исторической динамики советской версии модерна, которые в основном игнорировались как в ранних формулировках теории глобализации, так и в исследованиях представителей глобальной истории. Обращение к цивилизационному анализу как направлению современной исторической социологии, по-видимому, позволяет преодолеть недостатки указанных подходов.

Следует также поставить вопрос о значении теории множественных модернов в ее различных вариантах для исследований современного российского общества. Представляется, что в данном случае лишь в довольно ограниченных пределах применима теория Эйзенштадта, которая подчеркивает роль культурной программы, определяющей направление развития той или иной версии модерна. По-видимому, более перспективным было бы использование сочетания элементов теорий Терборна, Вагнера и Арнасона. В связи с этим представляет интерес осуществленный Терборном анализ форм переплетения современных обществ. Особенно следует выделить переплетение модернов, когда речь идет о сохранении и воспроизводстве в сегодняшнем российском обществе некоторых черт советской системы. Может быть востребован также подход Вагнера к интерпретациям модерна, опирающимся на предшествующий исторический опыт. Предложенный Арнасоном анализ альтернативного модерна, по-видимому, является актуальным для дискуссий не только о характере советской модели, но и о ее историческом наследии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** m.maslovskiy@socinst.ru

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1.
P. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1)**

Research Article

MIKHAIL V. MASLOVSKIY¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS.

Office 504, 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya st., 190005, Saint Petersburg, Russian Federation.

CIVILIZATIONAL ANALYSIS, THEORIES OF MULTIPLE MODERNITIES AND THE MODELS OF GLOBALIZATION

Abstract. In world sociology there are currently several versions of the theory of multiple modernities. One of them draws on S. Eisenstadt's civilizational analysis which highlights the socio-cultural foundations of

various types of a modern society. In addition, theories of alternative, entangled and successive modernities are presented in the works of J. Arnason, G. Therborn and P. Wagner. The article presents an analytical review of these theories. The use of different combinations of the aforementioned approaches for analyzing social transformations in Russia and the USSR is highlighted. It is noted that followers of the multiple modernities theory argued that globalization could take various forms and go in many directions. However other approaches prevailed in most studies of globalization processes in sociology and global history, although they did not dedicate sufficient attention to the multiplicity of such processes and the continuing rivalry between them. From the multiple modernities perspective the Soviet version of modernity has been characterized as an alternative mode of globalization. As Arnason emphasizes, communist modernity was a global phenomenon and its dynamics were an important part of 20th century globalization processes. This scholar focuses on civilizational aspects of the Soviet version of modernity which ultimately proved to be unsustainable. Arnason also poses the question whether modern-day China could form an alternative model of globalization.

Keywords: social theory; historical sociology; civilization; multiple modernities; globalization; Soviet society.

For citation: Maslovskiy, M.V. Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1)

Acknowledgments. The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-01067 “Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Maslovskiy — Doctor of Sociological Sciences, Leading researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
Phone: +7 (812) 316-34-36. **Email:** m.maslovskiy@socinst.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой, А. Степанова; Сост., послесл. М. Масловского. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с. EDN: [OMAUNS](#)
Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. Transl. from Eng. by D. Karasev, M. Maslovskiy, A. Stepanov, Yu. Prozorova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2021. 304 p. (In Russ.)
2. Арнасон Й. Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века / Пер. с англ. А. Степанова // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 105–130. EDN: [BUJUOC](#)
Arnason J. The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the 20th Century. Transl. from Eng. by A. Stepanov. *Neprikosnovennyyi zapas*. 2022. No. 1 (141). P. 105–130. (In Russ.)
3. Браславский Р.Г., Козловский В.В. Цивилизационный поворот в социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 116–125. DOI: [10.31857/S013216250028309-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2) EDN: [REMUWH](#)
Braslavskii R.G., Kozlovskii V.V. Civilizational Turn in Contemporary Sociology: The Contribution of S.N. Eisenstadt. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 10. P. 116–125. DOI: [10.31857/S013216250028309-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2) (In Russ.)
4. Вагнер П. Макс Вебер и модерн XXI века / Пер. О. Кильдюшов // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 212–230. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-4-212-230](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230) EDN: [TWUADT](#)
Wagner P. Max Weber and 21st Century Modern. Transl. by O. Kildyushov *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 212–230. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-4-212-230](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230) (In Russ.)

5. Дмитриев Т.А., Кильдюшов О.В. Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34) EDN: [WIAUSJ](#)
Dmitriev T.A., Kildyushov O.V. Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34) (In Russ.)
6. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44. EDN: [ZCJGUR](#)
David-Fox M. Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016. No. 4. P. 19–44. (In Russ.)
7. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Пер. с англ. О. Воробьевой; Науч. ред. М. Кукарцева. М.: Канон+, 2012. — 432 с. DOI: [10.4324/9781315844480](https://doi.org/10.4324/9781315844480)
Iggers G., Wang E. A Global History of Modern Historiography. Transl. from Eng. by O. Vorobeva. Moscow: Kanon+ publ., 2012. 432 p. DOI: [10.4324/9781315844480](https://doi.org/10.4324/9781315844480) (In Russ.)
8. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. — 464 с. EDN: [YIFTUX](#)
Ionov I.N. *World History in the Global Age: New Historical Consciousness*. Moscow: Akvilon publ., 2015. 464 p. (In Russ.)
9. Конрад С. Что такое глобальная история? / Пер. с англ. А. Степанова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 312 с.
Conrad S. What is Global History? Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2018. 312 p. (In Russ.)
10. Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь Мир, 2019. — 184 с. EDN: [VNQWBJ](#)
Lipkin M.A. *The Council for Mutual Economic Assistance: The Historical Experience of an Alternative World Order*. Moscow: Ves Mir publ., 2019. 184 p. (In Russ.)
11. Ломанов А.В. Общечеловеческий Китай и абстрактный Запад // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 207–226. DOI: [10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226) EDN: [HWCDDN](#)
Lomanov A.V. All-Humanity China and Abstract West. *Rossiia v globalnoi politike*. 2025. Vol. 23. No. 2. P. 207–226. DOI: [10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226) (In Russ.)
12. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Дело, 2018. — 672 с.
Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 4. Globalizations, 1945–2011. Transl. from Eng. by A.V. Lazarev; Scientific ed. by D.Y. Karaseva Moscow: Delo publ., 2018. 672 p. (In Russ.)
13. Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 31–44. EDN: [PCNMIT](#)
Maslovskii M.V. Contemporary Theories of Modernity and Modernization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2008. No. 2. P. 31–44. (In Russ.)
14. Масловский М.В. Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 97–112. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.5) EDN: [OGCRAS](#)

- Maslovskii M.V. Analyzing the “Entanglement” of the Soviet and Chinese Models of Alternative Modernity in J. Arnason’s Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 97–112. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.5) (In Russ.)
15. Санчес-Сибони О. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева / Пер. с англ. К. Фомина. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика, 2022. —407 с. DOI: [10.1515/9781644699713](https://doi.org/10.1515/9781644699713)
Sanchez-Sibony O. Red Globalization. The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Transl. from Eng. by K. Fomin. St Petersburg: Academic Studies Press publ./Bibliorossika publ., 2022. 407 p. DOI: [10.1515/9781644699713](https://doi.org/10.1515/9781644699713) (In Russ.)
16. Терборн Й. Мир: руководство для начинающих / Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; Науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. — 336 с.
Therborn G. *The World: A Beginners’ Guide*. Transl. from Eng. by E.M. Gorbunova, L.G. Titarenko; Scientific ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Publ. House of HSE, 2015. 336 p. (In Russ.)
17. Arnason J.P. Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia. *European Journal of Social Theory*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 435–451. DOI: [10.1177/13684310050506422](https://doi.org/10.1177/13684310050506422)
18. Arnason J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020. 209 p.
19. Delanty G. *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 338 p. DOI: [10.1057/9781137287922](https://doi.org/10.1057/9781137287922)
20. Eisenstadt S. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29. DOI: [10.1177/03058298000290031201](https://doi.org/10.1177/03058298000290031201)
21. Eisenstadt S. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 320–340. DOI: [10.1177/026858001016003005](https://doi.org/10.1177/026858001016003005)
22. Knöbl W. Contingency and Modernity in the Thought of J.P. Arnason. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 9–22. DOI: [10.1177/1368431010394502](https://doi.org/10.1177/1368431010394502)
23. Knöbl W. The Sociological Discourse on “Modernization” and “Modernity”. *Revue Internationale de Philosophie*. 2017. No. 3. P. 311–329. DOI: [10.3917/rip.281.0311](https://doi.org/10.3917/rip.281.0311)
24. Mark J., Feygin Y. The Soviet Union, Eastern Europe and Alternative Visions of a Global Economy, 1950s–1980s. *Alternative Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World*. Ed. by J. Mark, A. Kalinovsky, S. Marung. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 35–58. DOI: [10.2307/j.ctvx8b7ph.5](https://doi.org/10.2307/j.ctvx8b7ph.5)
25. Maslovskiy M. The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives. *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-2-174-188](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-2-174-188) EDN: [UVQBQZ](https://www.edn.ru/uvqbqz)
26. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. L.: SAGE Publications, 1992. 224 p.
27. Roudometof V. How Should We Think About Globalization in a Post-Globalization Era? *Dialogues in Sociology*. 2024. Online First. P. 1–14. DOI: [10.1177/29768667241293053](https://doi.org/10.1177/29768667241293053)
28. Spohn W. An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt’s Global Historical Sociology. *Journal of Classical Sociology*. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 281–301. DOI: [10.1177/1468795X11406025](https://doi.org/10.1177/1468795X11406025)
29. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. *Public Culture*. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 91–124. DOI: [10.1215/08992363-14-1-91](https://doi.org/10.1215/08992363-14-1-91)

30. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: [10.1177/13684310030063002](https://doi.org/10.1177/13684310030063002)
31. Therborn G. States, Nations and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 225–242. DOI: [10.1007/s40647-020-00307-1](https://doi.org/10.1007/s40647-020-00307-1)
32. Wagner P. Successive Modernities and the Idea of Progress: A First Attempt. *Distinktion: Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 9–24. DOI: [10.1080/1600910X.2010.9672761](https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672761)
33. Wagner P. From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 89–106. DOI: [10.1177/1368431010394511](https://doi.org/10.1177/1368431010394511)
34. Wagner P. Interpreting the Present: A Research Programme. *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 105–129. DOI: [10.5840/si2015117](https://doi.org/10.5840/si2015117)
35. Wagner P. Ways Out of the Modern Labyrinth: Normative Expectations and Subsequent Social Change. *Civilization, Modernity and Critique: Engaging Johann P. Arnason's Macro-Social Theory*. Ed. by L. Dunaj, J. Smith, K. Mertel. Abingdon: Routledge, 2023. P. 63–76. DOI: [10.4324/9781003275046-8](https://doi.org/10.4324/9781003275046-8)

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.03.2025; принята к публикации: 17.03.2025.

Received: 21.01.2025; revised after review: 07.03.2025; accepted for publication: 17.03.2025.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.2
EDN: JUONVY

А.В. СИМАКОВА¹, А.О. АВЕРЬЯНОВ¹, И.С. СТЕПУСЬ¹, Е.А. ХОТЕЕВА¹

¹ Петрозаводский государственный университет.
185910, Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33.

СЕВЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ¹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление социокультурных маркеров северной и арктической идентичностей молодежи, проживающей в Арктической зоне России, как составляющей территориальной идентичности. Проявления маркеров территориальной идентичности оцениваются в качестве потенциально сдерживающего фактора миграционных установок молодежи. На основе данных репрезентативного социологического опроса установлен факт сформированности территориальной идентичности. Выявлено, что наиболее выражена северная идентичность, а арктическая идентичность находится в стадии выделения из северной. Далее путем факторного анализа предложен набор из десяти маркеров идентичности для двух измерений: 1) «быть северянином» и 2) «чувство гордости и сопричастности». Установлено, что самоидентификация молодежи с Севером определяется через эмоциональную привязанность, культурно-историческую связь и принадлежность к сообществу северян. Статистически обоснована зависимость проявления набора социокультурных маркеров северной идентичности и миграционных установок молодежи. Доказано, что чем больше у молодежи проявлено маркеров идентичности, тем более активна установка «никуда не хочу уезжать». Научная новизна исследования заключается в эмпирическом обосновании значимости северной идентичности как составляющей территориальной идентичности в качестве сдерживающего фактора миграционных установок молодежи и в выделении маркеров ее сформированности в молодежной среде. Результаты исследования могут быть полезны представителям научной общественности, регионального и государственного управления, общественным организациям и объединениям, занимающимся

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в Российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы».

вопросами молодежной политики, в части обоснования и выработки управленческих решений, направленных на удержание и закрепление молодежи на Севере.

Ключевые слова: молодежь; территориальная идентичность; Арктическая зона России; северная идентичность; арктическая идентичность; маркеры идентичности; миграционные установки.

Для цитирования: Симакова А.В., Аверьянов А.О., Степутьев И.С., Хотеева Е.А. Северная идентичность как фактор сдерживания миграционных установок молодежи Арктической зоны России // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 25–46. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.2) EDN: JUONVY

Введение

Важность изучения территориальной идентичности как феномена социального сознания населения заключается в ее ресурсной составляющей социокультурного и экономического развития территорий. Сегодня переосмысление элементов российской культуры через «северное измерение» важно в контексте «северного поворота» в геоэкономической стратегии развития России [21, с. 46]. В русле развития и нового освоения арктических территорий содержание «северной» и «арктической» идентичностей необходимо раскрыть предметнее, обратив внимание на их потенциально сдерживающую функцию по привлечению и закреплению населения в Арктической зоне Российской Федерации (далее — АЗ РФ) [5, с. 44]. Геостратегическое и социально-экономическое развитие территорий АЗ РФ осуществляется в условиях активных депопуляционных и отрицательных миграционных тенденций, особенно среди наиболее активной социальной группы — молодежи.

Сами смысловые конструкты «Север» и «Арктика», их сходие и особенные черты широко обсуждаются в научной и художественной литературе с различных точек зрения. В настоящем исследовании внимание обращается на их роль в формировании особой социальной идентичности — территориальной², интерпретируемой как «конструирование “места” данного социума в окружающем мире. Результат этого процесса репрезентируется через привязку социума к конкретному месту в социогеографическом пространстве» [9, с. 152], через восприятие индивидом себя как «члена территориальной общности». Данный подход основан на концепции А. Пааси о субъективной и объективной региональной идентичности, в рамках которой первая понимается как принадлежность индивида или группы к определенному месту [36]. То есть его личная, но не обязательно фактическая приверженность территории. В отечественных исследованиях встречается разграничение внешней и внутренней региональной идентификации по отношению к индивиду. Например, по мнению Ереминой, «суть внутренней идентификации заключается в самостоятельном рефлексивном установлении и присвоении субъектом (жителями региона) собственных социальных свойств и особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и др.)» [7]. В данном исследовании раскроем именно внутреннюю (субъективную) сторону территориальной идентичности.

² Термин «территориальная идентичность» используется нами как синоним термина «региональная идентичность», поскольку в данном случае речь идет о макрорегионе — Арктической зоне России.

Отметим, что северная и арктическая идентичности являются видовыми понятиями территориальной идентичности: «границы Севера шире границ Арктической зоны, а географически Арктическая зона входит в зону Севера» [17, с. 109]. Смысловой конструкт «северная идентичность» шире, чем «арктическая идентичность», а последняя входит в первую, поэтому можно столкнуться со смешением данных категорий. При этом распространенная в общественном дискурсе и сознании категория «Русский Север» утратила строго топонимическое значение [29, с. 149], став культурно-историческим регионом, хотя границы северных территорий формально определены Постановлением Правительства РФ № 1946 от 16 ноября 2021 г. Поскольку рамки исследования все-таки территориально ограничены арктическими (и одновременно северными) территориями, в измерении идентичности важна привязка к формированию эмоциональной связи с местом проживания. Как отмечает Ш. Шамай, «местоположение само по себе не является достаточным условием для формирования чувства места. Для того чтобы чувство места и привязанность к нему возникли, необходимо длительное и глубокое переживание места и желательное вовлеченность в это место» [38, с. 468]. В международных исследованиях при изучении территориальной (региональной) идентичности авторы опираются на категорию «привязанность к месту», или «чувство места», которая предполагает сочетание физического и социального/личного восприятия территории в совокупности, измеряя уровень привязанности к месту проживания [38; 37]. Как отмечает Н. Кирк, именно для населения северных территорий характерно «обостренное чувство места», и в работе подчеркивается «случайная, изменчивая и неоднозначная природа “северности”» [35], требующая отдельного внимания. Необходимо отметить, что в международных исследованиях речь чаще идет о понятии «привязанность к месту», чем о системном понятии территориальной идентичности в совокупности с субъективной привязанностью личности, атрибутировании социального пространства через социально-культурные, исторические, этнические и другие аспекты, то есть присутствует более широкое рассмотрение. Социальный анализ концепта «идентичности», предложенный Э.А. Орловой, позволил очертить границы данного исследования, в котором основными аспектами изучения проявлений идентичности как социального феномена будут «результат процесса идентификации» и «особый культурный маркер» [19, с. 109]. «“Идентичность” — это не свойство индивида, группы, сообщества, а некое субъективное отношение индивидов к самим себе» [3, с. 319], формируемое под воздействием внешних факторов — социально-культурной среды, социально-политической ситуации и т. д.

Таким образом, цель исследования — выявление социокультурных маркеров территориальной идентичности у молодежи АЗ РФ в качестве определяющих признаков самоидентификации молодых людей как «жителей Севера и Арктики» в рамках конструирования территориальной идентичности локального сообщества. В задачи исследования входит поэтапное раскрытие изучаемого феномена, которое заключается, во-первых, в выявлении самого факта осознания молодыми людьми себя жителями Севера и Арктики; во-вторых, в определении наличия и классификации в их сознании маркеров, конструирующих территориальную идентичность, то есть выявление культурно-исторических координат, которые определяют самоидентификацию молодежи с Севером и Арктикой; в-третьих, в поиске ответа на вопрос: сформировались ли северная и арктическая идентичности и сдерживают ли они миграционные установки молодежи АЗ РФ?

Проблемное поле исследования

Изучение территориальной идентичности распространено в контексте рассмотрения национальной и этнической идентичностей. Однако отдельно выделяется тематика исследований именно северной идентичности и в меньшей степени суженного ее варианта — арктической идентичности. Особое внимание следует обратить на современные работы, оказавшиеся в поле нашего зрения при погружении в тематику территориальной идентичности в преломлении к территориям АЗ РФ.

Ю.П. Шабает отмечает, что «северная идентичность является прочной региональной идентичностью», и этот социальный феномен не связан напрямую только с этнической идентичностью (исключительно коренными народами Севера), а в большей мере имеет гражданский характер [30, с. 61–62]. При этом автор уделил пристальное внимание территориям Европейского Севера России, в массовом сознании населения которого Север предстает как «Родина, особая часть страны... и всякий человек, чья судьба связана с Севером, может считать себя “северянином”» [30], то есть Север выступает здесь культурным макрорегионом, образ которого укоренился в массовом сознании.

Е.В. Недосека и Г.В. Жигунова охарактеризовали символическое пространство формирования локальной идентичности (как части территориальной) на примере Мурманской области. Эта идентичность выражается в «местном патриотизме», привязанности к малой Родине, климату и досуговым северным практикам [18, с. 132], потенциально выступающим в том числе в качестве сдерживающих факторов миграционной активности. Выраженность локальной связи и территориальной идентичности жителей северного региона определяется материальным фактором: «Север — место приобретения благ и повышения благосостояния». А.Д. Каргин, исследуя эмоциональный окрас территориальной идентичности в высказываниях молодежи Кольского Севера, пришел к выводу, что она в равной степени характеризуется в позитивном и негативном аспектах [13], в ключе низкой привлекательности региона проживания с точки зрения инфраструктурных и социально-досуговых возможностей и практик северных территорий. В указанных исследованиях ученых Мурманской области речь шла о территориальной идентичности без разделения ее на северную или арктическую.

Исследуя мобильность молодых жителей российского Севера, А. Болотова, А. Карасева и В. Васильева выявили, что она «оказывает влияние на их чувство места» [33]. При этом само это чувство места и миграционный опыт, по мнению авторов, взаимно определяют друг друга. Конкретное взаимодействие этих связей создается многими факторами и зависит от местного контекста [6], то есть необходимо обращать внимание не только на эмоциональную привязанность, но и на локальные условия формирования идентичности. Для жителей Севера характерна высокая мобильность, но также и привязанность к месту рождения, что в исследовании О.В. Змеевой аргументировано фактом «взаимодействия с родственниками и периодическим возвращением на Родину» [11].

Проблематика разделения северной и арктической идентичностей в сознании молодежи северных регионов показана в исследовании Д.Н. Филипповой, согласно которому большая часть обучающейся в арктических университетах молодежи счита-

ет себя прежде всего «северянами, а не жителями Арктики» [27]. Также исследование САФУ им. М.В. Ломоносова показывает, что только треть студентов, проживающих в Арктике, знают о том, что территории, на которых они живут и учатся, входят в состав АЗ РФ [8, с. 240] (на момент исследования 2018 г.). Однако нельзя не упомянуть использование «поморского фактора при формировании модели региональной идентичности на основе продвижения этнокультурного бренда “Поморье”» [16, с. 177] в контексте формирования «арктической повестки» в Архангельской области. Исследование М.В. Юрковой в поиске «арктического аспекта» региональной идентичности у жителей Архангельской области также показало, что пока «идея связи региона с Арктикой не оправдала себя» [32, с. 169]. Возможно, «арктическая идентичность» у молодежи еще не сформировалась по причине того, что «арктическая тематика» стала продвигаться не так давно, а лишь с подъемом государственного интереса к этим территориям и принятием основных нормативно-правовых актов (с 2014 г.) по их геостратегическому развитию³.

В локальном пространстве Севера при изучении территориальной идентичности и форм ее проявления нельзя не упомянуть о связи с этнической идентичностью, так как часть северных территорий, в том числе АЗ РФ, являются местами традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее — КМНС). Философский взгляд на формирование основ арктической идентичности представлен в работах У.А. Винокуровой — автора концепции «арктической циркумполярной цивилизации», которая отмечает способность народов Арктики (особенно представителей КМНС) «упорно сохранять четкое осознание культурной идентичности, поддерживаемой природно-климатическими особенностями региона» [4, с. 285]. В контексте развития этого теоретического направления С.В. Шачин предложил методологию формирования понятия «арктическая идентичность», которая проявляется в способности человека «иначе воспринимать пространство и извлекать из него информацию в интуитивной форме». Автор надеется, что «северная идентичность окажет влияние на процесс формирования новой идентичности человечества в целом: человечество в чем-то станет северным, а Север будет становиться все более универсальным» [31, с. 128]. В этих размышлениях северная и арктическая идентичности используются в качестве синонимичных понятий. М.А. Уксусов, опираясь на логико-философский подход, обосновывает необходимость выделения «молодежи Арктики» как социально-групповой общности, а не только как демографической категории. Автор предлагает рассматривать «идентичность, основанную на осознании различных аспектов арктической проблематики в сравнении с другими территориями, а также на понимании ее роли в глобальной повестке» [26, с. 13–14], то есть обратить внимание на экономическую и политическую роль арктических территорий. У предложенной тематики есть потенциал эмпирической проверки.

О.В. Осипова и Е.Г. Маклашова, изучая северную идентичность среди «коренных» и «некоренных народов» на примере Республики Саха (Якутия), отмечают, что проводимая политика классифицирующего мышления (как наследие

³ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации см.: Указ Президента Российской Федерации № 296 от 02.05.2014 (с измен. и доп. от 05.03.2020 г. № 164).

советской национальной политики) оказывает влияние на самоидентификацию молодежи. При рассмотрении конструкторов национальной, территориальной и гражданской идентичностей авторы пришли к выводу, что северная идентичность важна для представителей КМНС, а территориальная — больше для титульного этноса региона [20, с. 143]. Здесь важно учесть тот факт, что вся территория Якутии относится к Крайнему Северу и только часть — к АЗ РФ, где и проживают КМНС. При этом территория выступает важным фактором идентификации населения, особенно молодого поколения [12]. Эти авторы в своих исследованиях используют только категорию «северная идентичность».

Продолжая рассуждения об идентичности молодых представителей КМНС, С.А. Тулаева и коллеги отмечают, что ее конструирование и поддержание сегодня выражаются двояко: молодые люди, с одной стороны, активно поддерживают связь со своей традиционной культурой, а с другой — ориентируются на современный стиль жизни. Адаптация традиционной культуры к современной жизни для молодежи осуществляется посредством стратегий «баланса жизни», где она выступает в роли «проводника», «глобального кочевника» и субъекта «связи параллельных миров» [25, с. 178–179]. В данном исследовании речь идет о территориальной идентичности народов Севера, проявляющейся в форме этнической идентичности как сохранении традиционного образа жизни и/или его элементов, смешении традиций народов Севера. Арктическая идентичность «не всегда проявляется открыто», а ее проявление становится «ответом на вызовы: экономические потрясения, последовавшие за распадом советского государства, и растущие экологические проблемы в северном регионе» [34].

Таким образом, рассуждая о северной и арктической идентичностях как видах территориальной идентичности, необходимо отметить, что представление об этом явлении неоднозначно не только в сознании населения, проживающего на рассматриваемой территории, но и в научном сообществе. В ряде исследований встречается смешение категорий «северная идентичность» и «арктическая идентичность», когда они используются как синонимичные понятия. В большей части исследований эти категории рассматриваются как видовые понятия, где «северная» идентичность в смысловом аспекте шире арктической по социально-географическому критерию.

Авторы исследований обращают внимание на этническое и гражданское проявления составляющей арктической идентичности и условия формирования именно северной идентичности как ранее сложившейся исторически и привязанной к конкретным социогеографическим границам. При этом рассмотрение социокультурных маркеров северной и арктической идентичностей в качестве потенциально сдерживающих факторов миграционных установок молодежи применительно к АЗ РФ⁴ как к особому макрорегиону не проводилось, встречаются только отдельные фрагментарные локальные исследования.

⁴ В исследовании речь пойдет о девяти регионах АЗ РФ, из которых четыре входят в АЗ РФ полностью по территориальному признаку (Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) и пять — частично (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край). В последних регионах исследование проводилось только на их «арктической» части.

Методология исследования

Теоретическая часть исследования базируется на социально-конструктивистском подходе, в соответствии с которым «идентичность» выступает конструирующим основанием социальной группы с его категориальной позицией «идентификации по принадлежности к классу людей с общими категориальными атрибутами» [2] и рассматривается как «культурно-историческая память, социальный ресурс или результат социализации» [24, с. 136]. Это позволяет по-новому взглянуть на формирование территориальной идентичности. Как показали предшествующие исследования, сугубо арктическая идентичность в явном виде еще не выделилась из северной, но в социальном пространстве арктических территорий существует отдельная социальная группа — «северяне», включающая не только представителей КМНС, но и родившихся или укorenившихся на Севере россиян. Социальный конструкт «северяне» в рамках данного исследования выделяется на основе самоидентификации молодежи, проживающей на территории АЗ РФ, и «социокультурных маркеров идентичности» (табл. 1), заложенных в инструментарий исследования. Сочетание маркеров идентичности установлено путем факторного анализа данных социологического опроса молодежи АЗ РФ двух измерений (вопросов): «быть северянином» и «чувство гордости и сопричастности»⁵. Измерение «быть северянином» позволяет молодежи атрибутировать свое отношение через характеристики эмоциональной и ментальной связи, приверженности и самого факта рождения на Севере / в АЗ РФ. Измерение «чувство гордости и сопричастности» через выявленные популярные образы о Севере и Арктике у местного населения [22, с. 243–244] позволяет определить социокультурный аспект идентификации молодежи с Севером и Арктикой в частности.

Эмпирическая часть исследования базируется на социологическом опросе молодежи, проживающей на момент исследования в АЗ РФ⁶. Всего выборка составила 8583 респондента в возрасте 16–35 лет. Опрос проведен в конце 2022 г. во всех городах и районах субъектов АЗ РФ, включая закрытые административно-территориальные образования Мурманской области. Выборочная совокупность формировалась отдельно по каждому арктическому региону с пропорциональным соблюдением представительности респондентов по возрасту и полу в соответствии с генеральной совокупностью. Выводы данного исследования сформированы в целом для АЗ РФ. Для получения релевантной информации о территориальной идентичности из реализованной выборочной совокупности произведена подвыборка «коренной молодежи»: тех, кто родился и вырос в АЗ РФ, или чьи родители переехали в АЗ РФ, когда респондент был ребенком, или он проживает на территории АЗ РФ более 10 лет — всего 6942 человека (табл. 2).

⁵ Проверка адекватности применения (данные по обоим измерениям): критерий сферичности Бартлетта для обоих измерений составил $< 0,00$, статистика меры адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина — 0,61 и 0,62 соответственно. Методом главных компонент с использованием вращения varimax определено минимальное число факторов — главных компонент, вносящих наибольший вклад в дисперсию данных. Для первого измерения выявлены четыре фактора, объясняющих 58% полной дисперсии переменных, для второго измерения — пять факторов, объясняющих 50% полной дисперсии переменных.

⁶ Тип выборки: комбинированная, квотная на последнем этапе доступная. Предельная ошибка выборки по каждому субъекту АЗ РФ не превышает $\pm 5\%$, что показывает высокую доверительную вероятность проведенного исследования. Результаты опроса откорректированы в соответствии с долевыми значениями по полу и возрасту в генеральной совокупности с применением весовых коэффициентов из-за смещения выборки по полу в сторону преобладания женщин в возрастных группах 24–29 и 30–35 лет.

Таблица 1

**Маркеры территориальной идентичности и индикаторы ее выявления
в социологическом исследовании**

Измерение социокультурного маркера	Индикаторы	Маркеры идентичности
«Что, по Вашему мнению, означает “быть северянином”?»	в душе чувствовать связь с Севером; любить Север	эмоциональная связь
	знать историю родного края; знать культуру и традиции Севера	ментальная связь
	прожить на Севере всю свою жизнь; хотеть жить на Севере	приверженность
	относиться к числу КМНС; родиться на Севере	рождение на Севере
«Если говорить о чувстве гордости за Ваш регион, то чем Вы гордитесь?»	богатство и красота природы, история, традиции родного края	природно-исторический (традиционный)
	предприятия, известные на всю страну природные ресурсы, промышленность	экономический
	люди	особенности населения
	оборонные предприятия, флот, порты, пароходство	специализация
	достопримечательности, известные личности, земляки	культурный
	географическое положение, положение среди других регионов	подчеркнутая уникальность

Таблица 2

Выборочная совокупность исследования по субъектам АЗ РФ и возрастным группам, чел.

Территории АЗ РФ	Возрастная группа, лет				Всего	Численность населения ⁷	Доля проживающего в АЗ РФ населения, %
	16—18	19—23	24—29	30—35			
Субъекты, территории которых полностью входят в АЗ РФ							
Мурманская область	461	435	261	401	1 558	656 698	100
Ненецкий АО	78	89	16	21	204	41 283	
Ямало-Ненецкий АО	321	274	231	316	1 142	512 387	
Чукотский АО	95	84	21	25	225	47 840	
Субъекты, территории которых частично входят в АЗ РФ							
Республика Карелия	88	60	33	59	240	99 629	18,9
Архангельская область	377	521	395	624	1 917	578 580	52,6
Республика Коми	55	56	36	36	183	135 297	18,6
Республика Саха (Якутия)	42	19	35	33	129	64 282	6,4
Красноярский край	210	281	331	522	1 344	224 495	7,9
Всего	1 727	1 819	1 359	2 037	6 942	2 363 591	

Опрос проводился с использованием сервиса Google-forms с мониторинговым контролем соблюдения требований выборки на момент сбора данных и с ее последующим ремонтом. Отметим, что в реализованную выборку попали представители КМНС (на основе самоидентификации участников опроса) — 14,8% от общего числа респондентов. Обозначим, что эти респонденты находились на момент опроса вне мест традиционного проживания, в целом, возможно, ведут смешанный с традиционным образ жизни. Результаты исследования для этой категории респондентов интересны, но не репрезентируют эту социальную группу, поэтому будут представлены справочно и нуждаются в гипотетической проверке в исследованиях коллег, занимающихся темой более детально.

⁷ Этот показатель взят из таблицы «Оценка численности постоянного населения на 1 января текущего года и в среднем за предыдущий год», строка № п/п 67, см.: Арктическая зона Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Calendar1_2023.htm (дата обращения 11.01.2025).

В поисках северной идентичности

Первый шаг определения территориальной идентичности у молодежи АЗ РФ заключается в выявлении рефлексивной самооценки связанности с местом проживания — ответ на вопрос: «Считаете ли Вы себя или чувствуете себя жителем Севера / жителем Арктики?» (факт выбора на основе простых распределений). Самоидентификация молодых людей с Севером прослеживается более явно, нежели с Арктикой: 91,5% считают себя северянами, а 32,6% — жителями Арктики, но 35,9% от общего числа опрошенных считают себя жителями и Севера, и Арктики. Отметим, что сложившееся представление об образе Севера и Арктики у молодежи арктических регионов в большинстве оценок позитивное. На вопрос: «Если говорить об образе Севера и Арктики в целом, то в Вашем представлении он позитивный или негативный?» — 39,9% северян (по самоидентификации) ответили «позитивный» и еще 47,9% — «скорее позитивный». Негативное представление о Севере и Арктике сложилось у 12,2% респондентов-северян: 9,7% дали оценку «скорее негативный» и 2,5% — «негативный». Негативный оценочный фон сложившегося локального образа у молодежи косвенно может указывать на риски формирования «негативной идентичности» [38; 7], требующей отдельного рассмотрения.

Существенной разницы по измерениям «быть северянином» и «быть жителем Арктики» у молодых людей по рассматриваемым маркерам статистически не выявлено, это еще раз подтверждает, что пока арктическая идентичность еще устойчиво не оформлена в отдельный социальный феномен. Поэтому далее большее внимание уделим северной идентичности и маркерам ее проявления.

Одним из основных маркеров северной идентичности является географическая приверженность — «жить на Севере» (74,1% респондентов) и «родиться на Севере» (58,6%). Эмоциональная составляющая территориальной идентификации также проявлена в маркерах «любить Север» (46,7%) и «в душе чувствовать связь с Севером» (31,5%). Связь с культурно-историческим аспектом при формировании северной идентичности прослеживается в знании культуры и традиций Севера, истории родного края при необязательности воплощения их в современном жизненном укладе молодого поколения (каждый третий респондент выбрал эти варианты) (рис. 1). Для того чтобы быть и оставаться «северянином», идентифицировать себя с Севером, по мнению молодежи, не обязательно «прожить на Севере всю свою жизнь» — такой ответ выбрали только 26,8% опрошенных.

Формируемое «чувство места» у молодого поколения дает опору [10, с. 208], образует социальные признаки территории. При этом в эпоху повышения мобильности и стирания межрегиональных границ необходимо обратить внимание не только на сам факт проживания и нахождения на определенной территории, но и на чувство «социальной эмпатии» к месту рождения / длительного проживания.

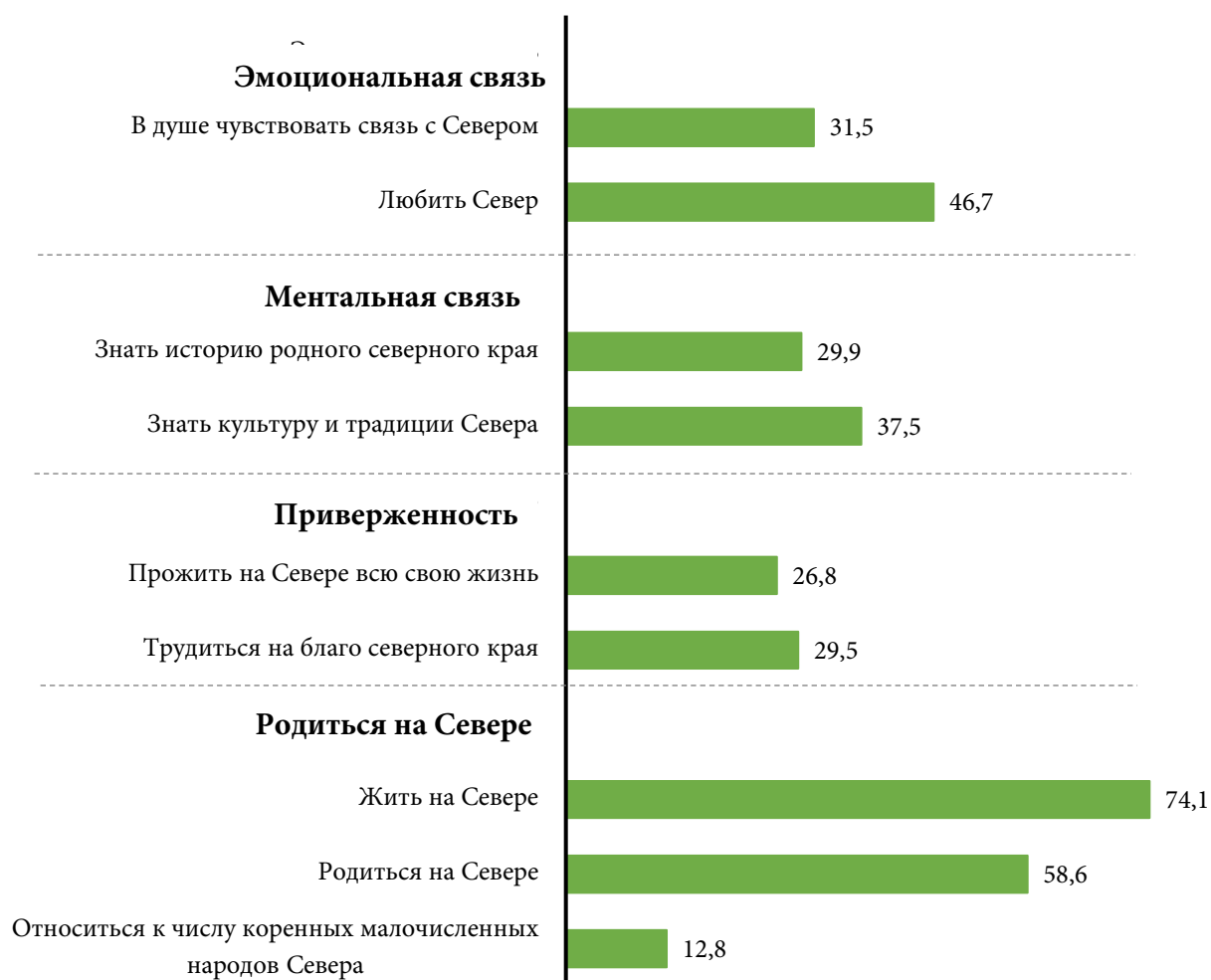

Рис. 1. Маркеры территориальной идентичности для измерения «быть северянином» (N = 6942), % от числа ответивших

Таким образом, территориальная — северная — идентичность является социокультурным аспектом становления и развития личности, эмоциональной связью с культурно-историческими традициями Севера, при которой фактическое длительное проживание человека на данных территориях не столь обязательно: *«Северянином может быть человек, который прожил на Севере много лет (не обязательно всю жизнь), но при этом сохранил или имеет духовную связь с Севером»*⁸. Респонденты подчеркивают свою связь с Севером и выстраивают на ней свою привязанность к этим территориям.

Культурно-исторические координаты северной идентичности обрисованы через измерение того, что вызывает чувство сопричастности и гордости у молодежи. Природно-исторический (традиционный) маркер северной идентичности проявлен активнее всего — ответ «богатство и красота природы» выбрали большинство респондентов (70,3%). Маркер ментальной связи проявляется в значимости для респондента истории родного края, ее знании (38,8%), осведомленности о северных традициях и приверженности им (27,9%), то есть в общих паттернах, связывающих поколения северян и их достижения (от освоения Севера и Арктики до настоящего

⁸ Женщина, 22 года, родилась и выросла в Мурманской области (г. Апатиты), оставила комментарий к своему ответу на вопрос.

времени), образ жизни и единство мышления: «...именно в Архангельске в XVIII веке был поднят флаг Российской Империи, под которым ходили корабли. Сейчас этот флаг является государственным флагом Российской Федерации»⁹.

Молодежь, определяя свою идентичность, часто ориентируется на социальную общность, окружение. Молодые люди считают проживающих на Севере «особенными людьми», разделяющими северные ценности, — гордятся населением своего региона 37,8% респондентов. «Быть северянином» приравнивается к тому, чтобы «*быть потомком людей, поколениями проживающих в северной зоне*»¹⁰. Этническая принадлежность и срок пребывания на Севере — не главное в формировании социального окружения северян. На эту тему В.П. Ключева так рассуждает о первом поколении мигрантов, приехавших осваивать Север и укоренившихся там: «*есть четкое представление, кто они такие, в чем уникальность тех территорий, где пришлось жить и работать*»¹¹. Также и у современной молодежи уже сформировалось представление о Севере и своем месте там.

Экономический маркер северной идентичности в сознании молодежи является весомым: молодые люди отметили, что природные ресурсы (43,9%), промышленность (19%), предприятия, известные на всю страну (22,8%), вызывают чувства гордости за свой регион и сопричастности к нему. Важной составляющей проявления северной идентичности выступает отсылка именно к уникальной экономической и политической специализации северных территорий — к северному флоту и пароходству (19,1%), к известным оборонным предприятиям (22,8%), вносящим вклад в геостратегическое развитие страны. В смысловом эквиваленте к этому аспекту близок маркер «подчеркнутой уникальности», проявляющийся у молодежи в меньшей степени, но мысли о глобальной роли этих территорий в масштабах страны укоренены в сознании через маркеры: *уникальное географическое положение Севера и Арктики* (гордятся 26,2%) и *положение среди других регионов* (выделяют 13,2% опрошенных). Эти маркеры свидетельствуют об осознании положения данных территорий и их роли в развитии страны, ее международного статуса.

Чувство гордости, вызываемое культурой и достопримечательностями Севера, проявлено в меньшей степени — только у 17,9% респондентов, но примерно каждый пятый молодой человек (21,4%) гордится известными земляками и выдающимися личностями, когда-либо проживавшими на Севере и внесшими вклад в его развитие.

В контексте общей содержательности маркеров северной идентичности важно определить уровень их проявленности у молодых людей. Наиболее проявлены маркеры эмоциональной и ментальной связи и фактического рождения на Севере; природно-исторический (традиционный) и экономический.

⁹ Мужчина, 19 лет, родился и вырос в Архангельске.

¹⁰ Мужчина, 27 лет, родился и вырос в Архангельской области (г. Северодвинск).

¹¹ Ключева В.П. Северная идентичность: как себя видят северяне и как их видят другие // GoArctic; Экспертный центр ПОРА. — URL: <https://goarctic.ru/news/severnaya-identichnost-kak-sebya-vidyat-severyane-i-kak-ikh-vidyat-drugie/> (дата обращения: 23.05.2024).

Для молодежи, причисляющей себя к какому-либо этносу, относящемуся к КМНС, определяющими маркерами северной идентичности стали: рождение и жизнь на Севере (66%)¹², приверженность культуре и традициям Севера (51,4%). Эти молодые люди также в большей степени гордятся богатством и красотой северной природы (78,3%), историей родного края (55,4%), природными ресурсами (45,6%) и традициями (48%), то есть тем, что определяет и выделяет их жизненный уклад на этих территориях, подчеркивает их уникальность.

Следует отметить некоторые отличия набора индикаторов по измерению «быть северянином» в регионах АЗ РФ. Молодежь всех арктических регионов в качестве основных (наибольшее количество выборов варианта ответа) указала индикаторы «родиться на Севере» и «жить на Севере» (в разном процентном отношении от количества ответивших по региону), исключение составляют лишь ответы молодежи из Республики Саха (Якутия), в которых были названы варианты «жить на Севере» (64,5% респондентов) и «знать культуру и традиции Севера» (63,7%).

Таким образом, молодежь, проживающая на территориях АЗ РФ, в большей степени ассоциирует себя с Севером, нежели с Арктикой. Приверженность Арктике проявлена меньше, так как «арктический дискурс» в обществе начал активно звучать лишь с новым подъемом государственного интереса к этим территориям и может стать потенциальным «символическим ресурсом» [15, с. 19] в их развитии. На данный момент можно говорить только об отдельных зарождающихся элементах формирования арктической идентичности, что также проявляется в чувстве принадлежности, эмоциональной сопричастности и эмпатии к территориям, но в контексте рассуждений об их геостратегической (политической) и экономической ролях. Итак, самоидентификация молодежи с Севером определяется через эмоциональную привязанность, культурно-историческую связь и принадлежность к сообществу северян. Именно эмоциональная связь с местом становится основой формирования территориальной идентичности северян, что подтверждают также результаты качественного исследования локальной идентичности молодежи на Русском Севере, проведенного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ [28].

Влияние северной идентичности на миграционные установки молодежи

Влияние северной идентичности на миграционные установки молодежи АЗ РФ определено путем статистической проверки выявленных факторов (маркеров идентичности) и ответов на вопрос: «Хотели бы Вы переехать жить в другое место?» В целом миграционные установки молодежи АЗ РФ активны [23, с. 140], поэтому важно определить, вносит ли северная идентичность вклад в их сдерживание. Для установления такой взаимосвязи для каждого респондента было рассчитано количество маркеров идентичности, которое послужило основой для формирования наборов маркеров. В частности, были выделены группы: «1 из 4 маркеров», «2–3 из 4 маркеров» и т. п. с нарастающим итогом. Также была произведена группировка

¹² От числа респондентов, относящих себя к КМНС (N = 1026 чел.).

респондентов на две группы — с активной и с пассивной миграционной установкой. В дальнейшем для выявления статистически значимых различий в распределении числа респондентов с активной и с пассивной миграционной позицией в зависимости от набора маркеров идентичности на агрегированных данных был применен статистический критерий хи-квадрат, а также Z-тест для сравнения долей респондентов (с активной миграционной позицией) по группам.

Оба проверяемых измерения «быть северянином» и «гордость и сопричастность» за северные территории показали взаимосвязь между наличием набора соответствующих маркеров и установками остаться на Севере (в частности, на арктических территориях, где на момент опроса проживали респонденты) или покинуть его. Наличие хотя бы одного маркера в измерении «быть северянином» отмечено у большинства респондентов (99,4%). Если у молодежи проявлен только один маркер измерения «быть северянином», то установка остаться на Севере выражена у 25,8%. Доля желающих остаться увеличивается с ростом числа таких маркеров. Так, если проявлены два или три маркера, то хотят остаться уже 30,5%, а если проявлены все четыре маркера — 35,4% (рис. 2).

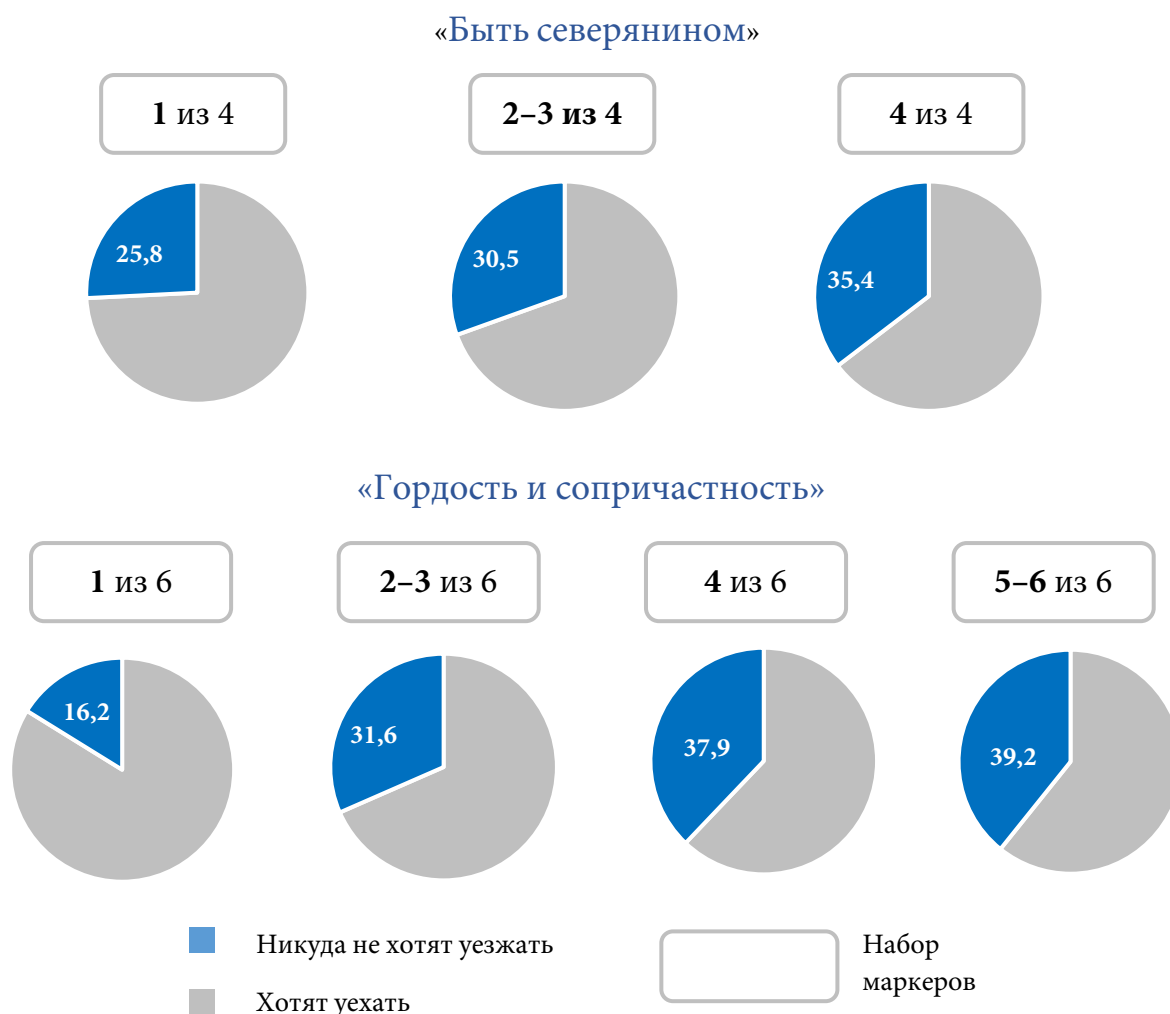

Рис. 2. Проявленность наборов маркеров северной идентичности и установка молодежи «остаться на Севере / в регионах АЗ РФ», % (за исключением тех респондентов, которые отнесли себя к представителям КМНС)

Та же взаимосвязь набора маркеров и миграционных установок прослеживается и по измерению «гордость и сопричастность», которое в какой-либо степени есть у большинства молодежи. Если проявлен только один маркер, то установка «остаться» есть лишь у 16,2%, но чем больше маркеров идентичности проявлено, тем большая доля тех, кто никуда не желает уезжать. Если проявлены два или три маркера, доля желающих остаться увеличивается до 31,6%, а если пять или все шесть маркеров — то до 39,2%. Данные различия являются статистически значимыми, значение *p-value* для всех тестов составило меньше 0,05.

Что касается представителей КМНС, то для них также с увеличением набора маркеров возрастает и желание остаться в регионе. Если проявлены все четыре маркера измерения «быть северянином», то никуда не хотят уезжать 39,7% молодежи из числа представителей КМНС, а если только один — то 25,7%. Если проявлены все шесть маркеров измерения «гордость и сопричастность», то остаться в регионе намерены 34,7% респондентов, а если только один — то лишь 18,4%.

Таким образом, чем больше маркеров северной идентичности у молодежи, чем активнее они проявлены и осознаются, тем больше у нее желания остаться на Севере и связать жизнь с этими территориями. Конечно, не только идентичность сдерживает миграционные установки молодых людей, но она выступает одним из факторов, который необходимо учитывать при разработке комплексных решений регулирования миграционной политики северных/арктических территорий.

Выводы и обсуждение

Территориальная идентичность у молодежи АЗ РФ проявлена. В основном прослеживается северная идентичность в ее социокультурном выражении: эмоциональной связи, социальной эмпатии, осознании культурно-исторической роли арктических территорий, осмысляемых прежде всего как северных, и восприятии себя как части сообщества северян. При этом нельзя сказать, что арктическая идентичность отсутствует. Скорее, она находится в стадии становления и особенно проявляется в осознании важности арктических территорий в развитии страны, то есть когда речь идет об экономической, геостратегической, политической роли этих территорий и о сопричастности к «чему-то великому и масштабному». Полагаем, что на данном этапе развития АЗ РФ происходит выделение арктической идентичности из более общей категории — северной, однако пока ее специфические критерии не проявились. Для этого требуются время и внимание к формированию «арктической повестки» со стороны всех акторов общественно-политической жизни. В текущем дискурсе чаще всего об Арктике идет речь в контексте развития экономики и бизнеса, а о Севере — как об уникальном социокультурном пространстве [14].

Наличие и проявленность маркеров северной идентичности потенциально оказывает влияние на миграционное решение молодежи. Однако, несмотря на активность миграционных установок, нельзя сказать, что молодые люди, покинув Север физически, потеряют с ним связь. На ментальном уровне эта связь сохранится, будет проявляться через сохранение элементов северной культуры, периодическое возвращение в места прежнего проживания, транслирование «северной

атрибутики» и социальной эмпатии к родным северным территориям. Северная идентичность — сложный концепт, который требует дальнейшего изучения в части остальных его составляющих маркеров, например таких, как экономический, политический и др.

По итогам проведенного исследования предлагаем развивать решения, направленные на укрепление территориальной идентичности молодежи, в виде уже успешно апробированных и устоявшихся социальных практик, которые зарекомендовали себя на отдельных территориях и являются узнаваемыми в масштабе всей страны (табл. 3).

Таблица 3

**Социальные практики, направленные на укрепление
социокультурных маркеров территориальной идентичности**

Направление	Реализуемая социальная практика	Поддержка
сохранение эмоциональной связи с Севером	Программа по возрождению Севера «На Севере жить» направлена не только на социально-экономическое развитие, но и на продвижение символического капитала региона	Губернатор Мурманской области
просвещение	«Дети Арктики» ¹³ — программа и интернет-портал о народах Севера и их жизни	Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики
возможность личного вклада в качество жизни территории	«Чистая Арктика» ¹⁴ — всероссийский экологический проект	ПАО «ГМК Норильский никель»; Госкорпорация «Росатом»
транслирование северных традиций и просвещение	Феномен якутского кино, транслирующего особенности жизни КМНС и людей, проживающих в удаленных уголках российского Севера	Глава Республики Саха (Якутия)
стимулирование возвратности образовательной миграции	«Ориентир: Ямал» — карьерное сопровождение студентов последних и предпоследних курсов, обучающихся в российских вузах, из числа медалистов ямальских школ до момента возвращения в регион и трудоустройства	Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа

Региональная программа «На Севере жить» инициирована губернатором Мурманской области, в ней, помимо социально-экономических решений по привлечению населения, формируется устойчивый символический капитал региона,

¹³ Интернет-портал «Дети Арктики». — URL: <https://arctic-children.com/> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁴ Официальный сайт проекта «Чистая Арктика». — URL: <https://cleanarctic.ru/> (дата обращения: 03.06.2024).

активно поддерживаемый и транслируемый молодежью и за его пределами. Также существует феномен якутского кино, показывающий нарратив историй жизни этносов и мифов народов Севера [1], получивший признание и интерес публики на уровне не только своего региона, но и страны.

Укреплению формирования арктической идентичности способствуют набирающие популярность экономические стимулы привлечения и закрепления населения в АЗ РФ: «арктический гектар», «арктическая ипотека», статус «резидента АЗ РФ». Эти и другие успешные практики являются важными инструментами в формировании и укреплении территориальной идентичности, особенно в молодежной среде. Конструирование северной идентичности важно тем, что, даже покинув Север, молодежь будет транслировать его позитивный образ, который, в свою очередь, привлечет новых людей, в том числе мотивированных «арктическими экономическими стимулами».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Симакова Анна Васильевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** simakova@petsu.ru

Аверьянов Александр Олегович — ведущий аналитик-программист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** aver@petsu.ru

Степуть Ирина Сергеевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** stepus@psu.karelia.ru

Хотеева Евгения Александровна — младший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет. **Телефон:** +7 (8142) 71-32-42. **Электронная почта:** ehoteeva@petsu.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 1. P. 25–46. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.2

Research Article

**ANNA V. SIMAKOVA¹, ALEXANDER O. AVERYANOV¹, IRINA S. STEPUS¹,
EVGENIA A. KHOTEEVA¹**

¹ Petrozavodsk State University.

33, Lenina av., 185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russian Federation.

NORTHERN IDENTITY AS A FACTOR OF RESTRAINING YOUTH MIGRATION ATTITUDES IN THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying socio-cultural markers of the northern and Arctic identity of young people living in Russia's Arctic region. The study looked into the manifestation of territorial identity markers as a potential deterrent factor in the migration attitudes of young people. Based on data from a representative sociological survey, the fact is established that territorial identity has indeed emerged. It is revealed that the northern identity is more pronounced, and the Arctic identity is moving towards becoming separate and independent from the northern identity. From there by means of factor analysis a set of ten identity markers for two dimensions is proposed: "being a northerner" and 2) "sense of pride and belonging". It was found that young people's self-association with the North

is determined through emotional attachment, cultural and historical connection and commitment to the community of northerners. The dependence of the expression of a set of socio-cultural markers of northern identity and migration attitudes of young people has been statistically substantiated. It is proven that the more markers are expressed, the more the attitude “I don’t want to go anywhere” is expressed. The scientific novelty of the study lies in empirically substantiating the significance of the northern identity as a variation of territorial identity as a deterrent factor in the migration attitudes of young people and identifying markers of its formation among young people in the Russian Arctic.

The results of the study will be of use to people in the scientific community, regional and state administration, public organizations and associations dealing with youth policy issues when it comes to justifying and developing policy decisions aimed at retaining and securing youth in the North.

Keywords: youth; territorial identity; Russian Arctic Zone; northern identity; Arctic identity; identity markers; migration attitudes.

For citation: Simakova, A.V., Averyanov, A.O., Stepus, I.S., Khoteeva, F.A. Northern Identity as a Factor of Restraining Youth Migration: Attitudes in the Russian Arctic Zone. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 25–46. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.2)

Acknowledgments. The research was carried out with the grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10148 “Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Simakova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** simakova@petsu.ru

Alexander O. Averyanov — Leading Analyst-Programmer, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** aver@petsu.ru

Irina S. Stepus — Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** stepus@psu.karelia.ru

Evgenia A. Khoteeva — Junior Researcher, Petrozavodsk State University. **Phone:** +7 (8142) 71-32-42. **Email:** ehoteeva@petsu.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аргылов Н.А., Охлопкова У.В.* Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен // Меди@льманах. 2022. № 6. С. 107–117. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117) EDN: [FAAWJA](https://www.edn.ru/FAAWJA)
Argylov N.A., Okhlopko U.V. Factors in the Formation and Development of Regional Cinema in Russia: The Yakut Phenomenon. *Medi@l'manakh*. 2022. No. 6. P. 107–117. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2022.107117) (In Russ.)
2. *Брубейкер Р., Кунер Ф.* За пределами «идентичности». Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // Theory A. Society. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47 // Политическая наука. 2005. № 3. С. 191–193. EDN: [HQTRDH](https://www.edn.ru/HQTRDH)
Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity. Theory A. Society. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No. 1. P. 1–47. *Politicheskaya nauka*. 2005. No. 3. P. 191–193. (In Russ.)
3. *Бутакова А.А., Портнягина М.Д.* Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22. С. 318–327. EDN: [BFXXAG](https://www.edn.ru/BFXXAG)
Butakova A.A., Portnyagina M.D. The Phenomenon of “Northern Identity” and its Impact on Modern International Relations. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*. 2020. No. 22. P. 318–327. (In Russ.)
4. *Винокурова У.А.* Прогнозные сценарии арктической циркумполярной цивилизации // Образование и право. 2017. № 6. С. 277–289. EDN: [ZDGEUL](https://www.edn.ru/ZDGEUL)

- Vinokurova U.A. Forecast Scenarios of the Arctic Circumpolar Civilization. *Obrazovanie i pravo*. 2017. No. 6. P. 277–289. (In Russ.)
5. Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л. Актуальные вопросы развития российского Севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2. С. 34–46. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10013](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10013) EDN: [XWEPDF](#)
- Volgin N.A., Shirokova L.N., Mosina L.L. Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2018. No. 2. P. 34–46. DOI: [10.19181/1999-9836-2018-10013](https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10013) (In Russ.)
6. «Дети девяностых» в современной Российской Арктике: коллективная монография / А.А. Болотова, В.В. Васильева, Н.Б. Вахтин и др.; Отв. ред. Н. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 431 с.
- “Children of the Nineties” in the Modern Russian Arctic: A Collective Monograph. Ed. by A.A. Bolotova, V.V. Vasil'eva, N.B. Vakhtin et al.; Ed. by N. Vakhtin, Sh. Dudek. Saint-Petersburg: Publ. House of EUSP, 2020. 431 p. (In Russ.)
7. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионоведение. 2011. № 3. С. 216–222. EDN: [OHLNCH](#)
- Eremina E.V. Regional Identity in the Context of Sociological Analysis. *Regionologiya*. 2011. No. 3. P. 216–222. (In Russ.)
8. Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247. DOI: [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15) EDN: [RVEVSX](#)
- Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 230–247. DOI: [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15) (In Russ.)
9. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163. EDN: [PFZSDX](#)
- Zamyatina N.Yu. Territorial Identities and Social Structures. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 5. P. 151–163. (In Russ.)
10. Замятина Н.Ю., Пилисов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2018. — 395 с.
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. *Russian Arctic: Towards a New Understanding of Development Processes*. Moscow: URSS: LENAND publ., 2018. 395 p. (In Russ.)
11. Змеева О.В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 40–53. EDN: [PCQGIH](#)
- Zmeeva O.V. “On the Way to Vacation”: Kola North's People in other Russia's Regions. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. 2010. No. 2. P. 40–53. (In Russ.)
12. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / В.Б. Игнатьева, О.В. Васильева, А.Г. Томаска и др. Новосибирск: Наука, 2022. — 272 с.
- Identity, Language and Culture of Youth of the Indigenous Minorities of the North: Results of a Study in Yakutia*. Ed. by V.B. Ignat'eva, O.V. Vasil'eva, A.G. Tomaska et al. Novosibirsk: Nauka publ., 2022. 272 p. (In Russ.)

13. Каргин А.Д. Позитивные и негативные факторы территориальной идентичности молодежи Кольского Севера // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2014. № 6. С. 236–240. EDN: [SFRMED](#)
Kargin A.D. Positive and Negative Factors of Territorial Identity of Youth of the Kola North. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 2014. No. 6. P. 236–240. (In Russ.)
14. Ковригина Г.Д. Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 208–212. EDN: [USNMZJ](#)
Kovrigina G.D. Territorial Identity in the Era of the Destruction of the Significance of Space. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke*. 2018. No. 9. P. 208–212. (In Russ.)
15. Корнилова Е.В. Арктика и Север: проблема концептуализации // Мир русского слова. 2023. № 2. С. 11–20. DOI: [10.21638/spbu30.2023.202](#) EDN: [CVYZRC](#)
Kornilova E.V. The Arctic and the North: The Problem of Conceptualization. *Mir russkogo slova*. 2023. No. 2. P. 11–20. DOI: [10.21638/spbu30.2023.202](#) (In Russ.)
16. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. Архангельск: ИД им. В.Н. Булатова САФУ, 2019. — 241 с. EDN: [VDTZVZ](#)
Lukin Yu.F. *The Many Faces of the Arctic in the Flow of Time and Meanings*. Arkhangelsk: ID im. V.N. Bulatova SAFU publ., 2019. 241 p. (In Russ.)
17. Мельничук О.А., Павлов С.С. «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 106–130. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130](#) EDN: [IZYWO](#)
Mel'nychuk O.A., Pavlov S.S. “Nordicity”, “Imagined North” or “Concept Sphere of Arctic Discourse”? *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 106–130. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130](#) (In Russ.)
18. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](#) EDN: [FRJSNK](#)
Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of Local Identity of Single-Industry Town Residents (The Case of The Murmansk Oblast). *Arktika i Sever*. 2019. No. 37. P. 118–133. DOI: [10.17238/issn2221-2698.2019.37.118](#) (In Russ.)
19. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87–111. EDN: [XCWAXE](#)
Orlova E.A. Concepts of Identity/Identification in Socio-Scientific Knowledge. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2010. Vol. 4. P. 87–111. (In Russ.)
20. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичность молодежи Арктики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 139–144. EDN: [TUHQYD](#)
Osipova O.V., Maklashova E.G. Ethnic Identities of Arctic Youth. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 139–144. (In Russ.)
21. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Северная идентичность России // Регион: экономика и социология. 2013. № 2. С. 37–47.
Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. Northern Identity of Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2013. No. 2. P. 37–47. (In Russ.)

22. Симакова А.В., Степуть И.С. Образ российской Арктики на современном этапе развития: романтика или прагматика? // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 234–261. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2022.49.234](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234) EDN: [RKMQDQ](#)
Simakova A.V., Stepus' I.S. The Russian Arctic Image at the Present Stage of Development: Romance or Pragmatism? *Arktika i Sever*. 2022. No. 49. P. 234–261. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2022.49.234](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.234) (In Russ.)
23. Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. Региональный аспект миграционных установок молодежи в российской Арктике // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 136–152. DOI: [10.24412/1561-7785-2024-1-136-152](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-136-152) EDN: [CQTIQX](#)
Simakova A.V., Khoteeva E.A., Stepus' I.S., Aver'yanov A.O. Regional Aspect of Youth Migration Attitudes in the Russian Arctic. *Narodonaselenie*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 136–152. DOI: [10.24412/1561-7785-2024-1-136-152](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-136-152) (In Russ.)
24. Ткаченко М.Р. Социальная идентичность и жизненная стратегия: соотношение понятий в структурализме и социальном конструктивизме // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 3. С. 125–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2017-3-125-139](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-125-139) EDN: [YLFBOX](#)
Tkachenko M.R. Social Identity and Life Strategy: The Relationship Between the Concepts in Structuralism and Social Constructivism. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 125–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2017-3-125-139](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-3-125-139) (In Russ.)
25. Тулаева С.А., Гладун Е.Ф., Захарова О.В. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 168–189. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6) EDN: [LKLQOI](#)
Tulaeva S.A., Gladun E.F., Zakharova O.V. Northern Indigenous Youth: Identity Construction Strategies. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 168–189. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.1.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.6) (In Russ.)
26. Уксусов М.А. Молодежь Арктики — категория дискурса, статистики и идентичности // Социальное пространство: сетевое издание. 2022. Т. 8. № 4 [электронный ресурс]. Дата обращения 20.10.2024. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/29471> DOI: [10.15838/sa.2022.4.36.4](https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.4) EDN: [WZIHML](#)
Uksusov M.A. The Arctic Youth — a Category of Discourse, Statistics, and Identity. *Sotsial'noe prostranstvo: setevoe izdanie*. 2022. Vol. 8. No. 4. Accessed 20.10.2024. URL: <http://sa.isert-ran.ru/article/29471> DOI: [10.15838/sa.2022.4.36.4](https://doi.org/10.15838/sa.2022.4.36.4) (In Russ.)
27. Филиппова Д.Н. К вопросу арктической идентичности студентов университетов Арктики // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6. С. 73–79. DOI: [10.24158/spp.2020.6.11](https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.11) EDN: [SSJIIG](#)
Filippova D.N. To the Arctic Identity Students of Arctic Universities. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2020. No. 6. P. 73–79. DOI: [10.24158/spp.2020.6.11](https://doi.org/10.24158/spp.2020.6.11) (In Russ.)
28. Чернышева Н.С., Андреева А.С., Кузинер Е.Н. Переосмысляя локальные идентичности на Русском Севере: молодежь в поисках чистоты // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 136–145. DOI: [10.31857/S013216250029343-0](https://doi.org/10.31857/S013216250029343-0) EDN: [ZXFNMC](#)
Chernysheva N.S., Andreeva A.S., Kuziner E.N. Rethinking Local Identities in the Russian North: Youth Seeking Purity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 136–145. DOI: [10.31857/S013216250029343-0](https://doi.org/10.31857/S013216250029343-0) (In Russ.)
29. Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 4. С. 143–153. EDN: [PEBAVX](#)

- Shabaev Yu.P., Zherebtsov I.L., Zhuravlev P.S. "The Russian North": Cultural Borders and Cultural Meanings. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2012. No. 4. P. 143–153. (In Russ.)
30. Шабает Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63. EDN: [NRATSH](#)
Shabaev Yu.P. Peoples of the European North of Russia: Position, Specific Identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 2. P. 54–63. (In Russ.)
31. Шачин С.В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 121–131. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.6.121](#) EDN: [HYCYFF](#)
Shachin S.V. On Arctic Identity: An Analysis of the History of the North and its Present from the Position of Dialectical Methodology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsiologicheskie nauki*. 2019. No. 6. P. 121–131. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.6.121](#) (In Russ.)
32. Юркова М.В. Арктический аспект формирования региональной идентичности жителей Архангельской области // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 163–171. DOI: [10.17223/22220836/29/15](#) EDN: [YTYZSD](#)
Yurkova M.V. Arctic Aspect of the Arkhangelsk Region Inhabitants Identity Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2018. No. 29. P. 163–171. DOI: [10.17223/22220836/29/15](#) (In Russ.)
33. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic. *Sibirica*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 77–123. DOI: [10.3167/sib.2017.160305](#)
34. Burnasheva D. Arctic Identity: Between Frontier and Homeland. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2019. Vol. 58. No. 4. P. 271–307. DOI: [10.1080/10611959.2019.1786978](#)
35. Kirk N. *Northern Identities: Historical Interpretations of "the North" and "Northernness"*. L.: Routledge, 2000. 256 p. DOI: [10.4324/9781315247854](#)
36. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question. *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475–485.
37. Proshansky H.M., Fabian A. K., Kaminoff R. Place-identity. *The People, Place and Space Reader*. Ed. by J.J. Gieseeking, W. Mangold, C. Katz, S. Low, S. Saegert. L.: Routledge, 2014. P. 77–81.
38. Shamai S., Ilatov Z. Measuring Sense of Place: Methodological Aspects. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2005. Vol. 96. No. 5. P. 467–476.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2024; поступила после рецензирования и доработки: 03.09.2024; принята к публикации: 15.09.2024.

Received: 27.06.2024; revised after review: 03.09.2024; accepted for publication: 15.09.2024.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3
EDN: KFSDHQ

Т.И. ГОРИНА¹, З.Е. ДОРОФЕЕВА^{2,1}, О.Д. НАТСАК³

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11, каб. 523.

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.
667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ (по данным RLMS–HSE 2004–2023)¹

Аннотация. В статье исследуется субъективное благополучие матерей, воспитывающих детей в полных и неполных семьях, путем анализа уровня удовлетворенности жизнью, материальным положением, работой, оплатой труда, а также уровня тревожности и социального оптимизма. Эмпирической базой статьи послужили данные лонгитюдного обследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE) 2004–2023 гг. В ходе исследования были выявлены значимые различия в субъективном благополучии женщин, состоящих и не состоящих в браке. Женщины из неполных семей по сравнению с женщинами из полных семей демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью. Отмечено, что меньшая степень удовлетворенности работой является групповой характеристикой для женщин, не состоящих в браке. Одинокие матери чаще выражают неудовлетворенность материальным положением, а также более высокий уровень тревожности по поводу возможной потери работы, неспособности содержать себя в течение ближайших 12 месяцев. Доля женщин, относящих свой материальный статус к нижним ступеням социальной лестницы, в 2 раза выше среди женщин из неполных семей по сравнению с теми, кто состоит в браке. Женщины, состоящие в браке, чаще ожидают положительных изменений в своей жизни.

Ключевые слова: неполные семьи; одинокие матери; брачный статус; социальное самочувствие; уровень жизни; субъективное благополучие; социальный оптимизм.

Для цитирования: Горина Т.И., Дорофеева З.Е., Натсак О.Д. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS–HSE 2004–2023 гг.) // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 47–72. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3 EDN: KFSDHQ

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Введение

Целью статьи является сравнительный анализ социального самочувствия матерей, воспитывающих несовершеннолетних детей в условиях неполной семьи и в брачном союзе. Предметом исследования стали субъективное благополучие, социальный оптимизм и уровень тревожности и фрустрации женщин из полных и неполных семей.

Социально-демографическими предпосылками актуализации обозначенных вопросов стал рост семей с неполной структурой в современном мире, в том числе и в России, специфика функционирования которых все более отчетливо определяет факторы социального неравенства и социальной дифференциации. Доля семейных ячеек, состоящих из одиноких родителей (отца или матери) с детьми, выросла с 27,3% в 2010 г. до 31,7% в 2020 г.²

В качестве основной гипотезы исследования выдвигается предположение, что априори стрессовые и травматичные причины формирования неполных семей (рождение ребенка вне брака, развод, смерть одного из супругов), а также характерные для подобных семей особенности, такие как дефицит ресурсов, делают неполную структуру семьи предиктором более низкого уровня субъективного благополучия, социального оптимизма и более высокого уровня тревожности родителей.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выделены работы о подходах к структуре и компонентам социального благополучия Д. Канемана, А. Крюгера [32], Т.Б. Кашдана [33], современных российских социологов М.Ф. Черныша, Ю.Б. Епихиной, П.Е. Сушко, В.А. Шиловой, А.С. Лысухо [26], Л.С. Скачковой, О.Я. Герасимовой, Д.Д. Кривошеевой-Медянцевой [25].

Авторы ориентировались на социологические исследования феномена счастья Е.Н. Новоселовой [19], уровня счастья одиноких матерей Дж. Ифчера и Х. Заргами [31]; психологического стресса одиноких матерей С. Хоупа, Ч. Пауэра и Д. Роджерса [30], депрессии, тревоги и стресса у матерей-одиночек с маленькими детьми Л. Ляна, У. Бергера и С. Бранда [36], социальной тревожности Д.Н. Барина [2].

Обзор литературы

Значимая часть российских работ, посвященных изучению брака и семьи, основана на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ³, являющихся уникальным источником информации в том числе для данного направления. Отобранные работы мы разделили на несколько тематических блоков:

² Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.08.2024); Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 29.09.2024).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS—HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел

- исследование факторов и детерминантов брачного статуса, которому посвящены работы Т.А. Гурко [9; 12], Е.Д. Копновой, Л.А. Родионовой [18];
- анализ влияния структуры семьи и состояния в браке на репродуктивное поведение индивидов и рождаемость, в этом предметном поле работали О.Г. Горелкина [5], Т.Л. Журавлева и Я.А. Гаврилова [14], А.Б. Синельников [23], Т.А. Гурко [11];
- изучение социальных характеристик родителей из семей с разной структурой, в том числе из неполных семей, особенностей родительских практик — данным проблемным направлением занимались Г.Л. Воронин и А.Л. Янак [4, 27], Т.М. Хусяинов, Т.А. Гурко [10];
- исследование проблем бедности семей разных типов, включая семьи, возглавляемые одинокими родителями, — в этом направлении нужно отметить работы М.М. Локшина, К.М. Харрис и Б.М. Попкина [37], Л.С. Ржаницыной [20], С. Кандзи [34], А.В. Филипповой, М.Г. Колосницыной [26], К.Р. Абанокковой, Х.А. Данга, М.М. Локшина [28], В. Малеевой, М. Йоксе и Занаджа [38];
- анализ детской бедности в России, в том числе в семьях с одним родителем — данному вопросу посвящена статья Дж. Клагмана и А. Колева [35];
- семейные факторы благополучия детей рассматривались в работе Т.А. Гурко [8].

Применительно к предмету исследования, представленному в статье, следует отметить, что вопросы влияния структуры семьи и брачного статуса индивидов на их субъективное благополучие прорабатывались в публикациях С.В. Арженовского [1], А.Б. Синельникова [22], Т.А. Гурко [8]. Однако при всем многообразии подходов различия таких показателей, как уровни тревожности и социального оптимизма родителей из полных и неполных семей, пока не были подробно исследованы в научных работах, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Методология

Индикаторами субъективного благополучия являются самооценки респондентов относительно своего положения в социальном пространстве. Как правило, в анализе используется фактор удовлетворенности индивида разными аспектами своего социального положения. Л.С. Скачкова, О.Я. Герасимова, Д.Д. Кривошеева и др. со ссылкой на концепцию Э. Динера считают, что элементами субъективного благополучия выступают положительные и отрицательные состояния (совокупности чувств и настроений, оценка переживаемых ощущений, эмоций в данный момент) и удовлетворенность жизнью [24, с. 4]. Эти авторы разделяют два индекса субъективного благополучия — аффективный, связанный больше с положительными и отрицательными состояниями и феноменом счастья, и когнитивный, основанный на индексе удовлетворенности жизнью [24, с. 6]. На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2013–2022 гг. этими авторами проведены эмпирические рас-

четы двух индексов субъективного благополучия, в частности, в анализе когнитивного индекса помимо удовлетворенности жизнью были использованы такие субъективные переменные, как удовлетворенность работой, оплатой труда, материальным положением [24, с. 15]. Показатели удовлетворенности в этих сферах рассматриваются как важнейшие структурные компоненты оценки субъективного благополучия. При схожести исходных теоретических посылов и методологических подходов к исследованию субъективного благополучия в работе указанных авторов и представленной статье, все же отличительной особенностью последней являются другие целеполагание и стратегия формирования выборочной совокупности — исследование субъективного благополучия женщин, состоящих и не состоящих в браке и имеющих детей до 18 лет.

Оценку уровня и степени благополучия условий, в которых находится индивид, включают в структуру изучения более широкого явления — социального самочувствия. Так, Г.Л. Воронин, исследовавший социальное самочувствие и социальную стратификацию российского общества на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–1998 гг., определяет социальное самочувствие как потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, оценку уровня и степени благополучия непосредственно окружающей его микро-среды [3, с. 59]. В качестве индикаторов, фиксирующих социальное самочувствие, он рассматривает субъективные суждения респондентов по поводу не только текущего положения в различных структурах общества, но и их оценки своего будущего и будущего своих семей, выявляя удовлетворенность жизнью, а также пессимистичные/оптимистичные настроения относительно будущего [3, с. 59]. Ориентируясь на подобный теоретико-методологический подход, дополнительно к индексам удовлетворенности жизнью, работой, оплатой труда, материальным положением мы направили фокус исследовательского внимания на изучение социального оптимизма как части субъективного благополучия путем анализа ожиданий позитивных и негативных перемен в жизни.

При этом социальный оптимизм понимался как позитивное определение важнейших изменений социального бытия индивидов и их групп [6, с. 116].

Социальная тревожность изучалась на примере фиксации респондентами беспокойства относительно возможной потери работы, а также способности содержать свою семью в течение 12 месяцев. Социальную тревожность мы интерпретировали как компонент социального настроения, возникающий в результате реального или потенциального противоречия между объективной необходимостью и возможностями ее реализации. Д.Н. Баринов рассматривает социальные страхи как феномен, возникающий на стыке реализации намерений, потребностей и объективных условий общественного бытия [2, с. 111].

Кроме того, авторами статьи использован показатель субъективного материального благополучия, который формируется на основе самооценок респондентов материального положения по девятиступенчатой шкале, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. Данный показатель используется российскими авторами в исследовании субъективного измерения бедности и оценки материального положения разных типов семей на основе самооценок домохозяйств [23]; в более широком смысле — в качестве индикатора социального положения, социального самочувствия и инструмента измерения соци-

ального неравенства на основе субъективных оценок респондентов в комбинации с другими вопросами из анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ [17]. Например, Т.С. Карабчук, Т.Р. Пашинова, Н.Э. Соболева признают, что субъективный подход к изучению бедности, когда респондентам предлагается самостоятельно оценить уровень своего материального благосостояния, в большей степени определяет социальное самочувствие населения, чем реальный уровень бедности [17, с. 160]. Теоретическое обоснование использования данного вопроса в изучении социального самочувствия, субъективного благополучия представлено в работе А.А. Зудиной, посвященной анализу траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. с использованием данных РМЭЗ НИУ ВШЭ [16, с. 8].

Обозначенные вопросы изучались в динамике за 2004–2023 гг., куда вошли 20 волн мониторинга. Выбор нижней границы периода обусловлен включением вопроса о наличии детей до 18 лет у респондента только с 2004 г.

Для корректировки данных массива по индивидам, имеющим детей до 18 лет, было проведено сопоставление переменной о наличии детей до 18 лет с соответствующими переменными для каждого опрошенного в массиве домохозяйств. Дальнейший анализ проводился на основе индивидуального массива. К группе женщин из неполных семей отнесены респонденты, отметившие варианты «никогда в браке не состоял(-а)», «разведен(-а)», «вдова». Все остальные варианты, обозначающие брачные статусы, — «состоите в (зарегистрированном) браке», «официально зарегистрированы, но вместе не проживаете», «живете вместе, но не зарегистрированы» — были использованы как основания для включения в группу полных семей.

Брак — это официально зарегистрированный или незарегистрированный союз между мужчиной и женщиной, заключенный с целью создания семьи, рождения и воспитания детей, а также совместного ведения хозяйства. Супружество — это отношения между мужчиной и женщиной, которые могут состоять в зарегистрированном или незарегистрированном браке, охватывающие все аспекты их совместной жизни и семейной деятельности. В терминологическом значении брачные правоотношения тождественны супружеским правоотношениям или супружеству.

Разделение респондентов на группы «полные семьи» и «неполные семьи» основывается на наличии или отсутствии партнера (мужчины), который может принимать участие в семейной жизни и воспитании детей. Категория «неполные семьи» включает респондентов с брачными статусами: «никогда в браке не состоял(-а)», «разведен(-а)», «вдова». Эти статусы объединяет высокая вероятность отсутствия партнера, способного участвовать в жизни семьи и поддерживать ее финансово. Поэтому женщины из этой группы, как правило, выполняют роль основного опекуна и заботятся о детях самостоятельно. Категория «полные семьи» включает респондентов с брачными статусами: «состоите в (зарегистрированном) браке», «официально зарегистрированы, но вместе не проживаете», «живете вместе, но не зарегистрированы». Важно отметить, что эти статусы не гарантируют, что партнер женщины является биологическим или социальным отцом детей. Тем не менее в рамках исследования они рассматриваются как индикатор вероятного участия мужчины в удовлетворении материальных потребностей семьи и взаимодействии с детьми. Такой подход позволяет выявить ключевую разницу между женщинами, которые занимаются воспитанием детей без участия партнера, и женщинами, у которых есть партнер, вовлеченный в семейную жизнь.

Выделяя две группы женщин в качестве объектов анализа, авторы осознавали их внутреннюю неоднородность, обусловленную различиями в причинах и обстоятельствах формирования текущего брачного статуса, а также в структуре доходов. Генезис неполных семей является разнообразным: внебрачное рождение ребенка, развод, смерть супруга. Эти различия влияют на комбинацию компонентов доходов. Помимо заработной платы женщин, источниками дохода могут выступать: социальные пособия, алименты, пенсии по потере кормильца. В своем анализе авторы опирались не на фиксацию данных, отражающих реальный доход семьи, а на самооценки женщин — субъективное восприятие своего финансового положения, удовлетворенности, благополучия.

В анализ включены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за период 2004–2023 гг., охватывающие женщин, имеющих детей до 18 лет, исследуемый массив включает 30 802 респондента. Доля женщин, воспитывающих детей в неполных семьях, в среднем составила 20%, при этом наблюдается сокращение доли этой группы (табл. 1).

Таблица 1

Доли женщин, воспитывающих детей до 18 лет, в зависимости от брачного статуса, %

Год	Неполные семьи			Полные семьи		
	Никогда в браке не состояли	Разведены и в браке не состоите	Вдовец (вдова)	Состоят в зарег. браке	Живут вместе, но не зарег.	Оф. зарег., но вместе не живут
2004	6,4	11,6	4,2	66,6	11,1	0,0
2005	6,4	13,3	3,5	65,8	11,0	0,0
2006	6,2	13,1	3,9	65,1	9,9	1,7
2007	6,7	12,0	3,9	65,0	10,7	1,6
2008	7,3	12,1	3,6	67,7	7,7	1,5
2009	7,4	11,2	3,5	66,9	10,7	0,3
2010	7,3	10,3	3,2	67,0	11,3	0,9
2011	7,6	11,1	2,5	66,4	11,6	0,8
2012	6,9	11,1	2,6	66,0	12,6	0,9
2013	6,7	11,1	2,7	66,5	12,5	0,6
2014	6,3	10,9	2,2	67,6	12,5	0,5
2015	6,6	10,0	2,7	68,3	11,7	0,7
2016	5,9	10,2	2,5	69,7	11,1	0,6
2017	6,5	9,4	2,4	69,6	11,6	0,3
2018	5,9	10,0	1,7	70,2	11,5	0,6
2019	6,6	9,1	2,1	70,9	11,0	0,3
2020	6,4	8,6	2,2	71,3	11,0	0,5
2021	5,2	8,5	2,6	71,5	11,7	0,5
2022	5,7	9,1	2,7	70,8	11,4	0,3
2023	6,1	8,6	2,6	71,3	10,7	0,7

Средний возраст женщин, имея тенденцию к росту, в неполных семьях в разные годы составлял 36,5–39,6 года, в полных — 35,4–38,7 года, при этом после 2017 г. нет статистически значимых различий между группами по этому показателю. Значимые различия сохраняются на протяжении всего периода наблюдений в показателе образования — доля женщин с высшим образованием в неполных семьях выросла с 19,4 до 35,2%, в полных — с 24,8 до 45%. Доли женщин, занятых на рынке труда, чуть выше в неполных семьях (в среднем 80,1% по сравнению с 74,3% в полных), однако в последние годы разница перестала быть статистически значимой.

Результаты исследования

Субъективное благополучие женщин в семьях разных типов

У матерей в неполных семьях темпы роста *удовлетворенности жизнью* с 2004 по 2023 г. незначительно выше, чем у матерей в полных семьях — в 2004 г. доля удовлетворенных в первой группе составляла 21,9%, в 2023 г. — 42,6%, во второй группе — 34,1% и 63,6% соответственно (рис. 1). В целом за этот период данный показатель вырос в обеих группах почти в 2 раза. Изменения разрыва между уровнями удовлетворенности жизнью в двух группах носили волнообразный характер, минимальная разница наблюдалась в 2004 г. — в 3,6 процентного пункта (далее — п. п.), максимальная — в 2019 г., когда доля удовлетворенных жизнью матерей в полных семьях на 27 п. п. превышала аналогичную долю в неполных семьях. Таким образом, при тенденции роста в обеих группах удовлетворенность жизнью у женщин в неполных семьях практически во все рассматриваемые годы оставалась ниже, чем у группы женщин, состоящих в супружестве. Это является устойчивой и неизменной характеристикой.

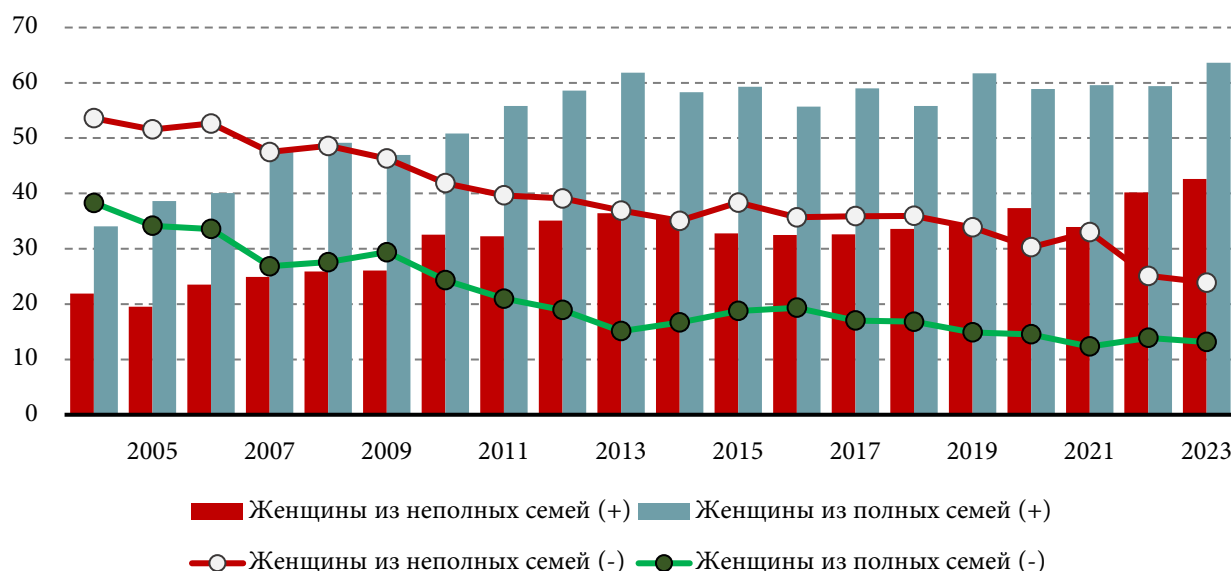

Рис. 1. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своей жизнью в целом (РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2004–2023 гг.), %⁴

⁴ Здесь и далее на рисунках (за исключением рис. 4): представлены результаты, для которых статистика Хи-квадрат значима на уровне 0,05; знаком (+) обозначена динамика удовлетворенности, включающая ответы «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены»; знаком (–) — динамика неудовлетворенности, включающая ответы «совсем не удовлетворены» и «скорее не удовлетворены».

Различия между полными и неполными семьями особенно заметны по показателю *неудовлетворенности жизнью* — ожидаемо среди матерей из неполных семей неудовлетворенных больше. В 2004 г. 53,6% опрошенных из неполных семей были не удовлетворены своей жизнью, из полных семей — 38,3%. С 2004 г. также устойчивой являлась тенденция снижения доли неудовлетворенных в обеих группах, что свидетельствует о некотором общем улучшении жизни семей с детьми и связанном с ним росте положительных оценок уровня благополучия. По сравнению с данными 2004 г., к 2023 г. более чем в 2 раза сократилась доля неудовлетворенных жизнью женщин с детьми, состоящих и не состоящих в браке, разница между показателями двух групп достигла минимального значения, но более высокие темпы снижения демонстрируют полные семьи. Однако в 2022 г. доля неудовлетворенных жизнью матерей в неполных семьях выросла незначительно (на 1,5 п. п.), а в полных семьях наблюдалось ее заметное снижение — на 7,9 п. п.

Рассмотрим показатели *удовлетворенности работой*, но прежде оценим долю матерей, занятых на рынке труда. Так, в 2023 г. эти доли составляли 79 и 72,8% для матерей из неполных и полных семей соответственно. Этот разрыв был существенно выше в допандемийный период, сократившись почти вдвое в 2020 г., когда женщины были вынуждены массово оставлять свои рабочие места, чтобы осуществлять присмотр за детьми.

Удовлетворенность работой выступает субъективным мерилем степени совпадения статусных и зарплатных ожиданий матерей с их текущим положением на рынке труда. Динамика по годам данного показателя в сравниваемых группах положительная, разрывы не столь значимы, однако так же устойчивы. Меньшая степень удовлетворенности работой является групповой характеристикой для женщин с детьми, не состоящих в браке. В то же время отметим усиливающийся тренд на снижение доли матерей, отрицательно оценивающих свою удовлетворенность работой (рис. 2).

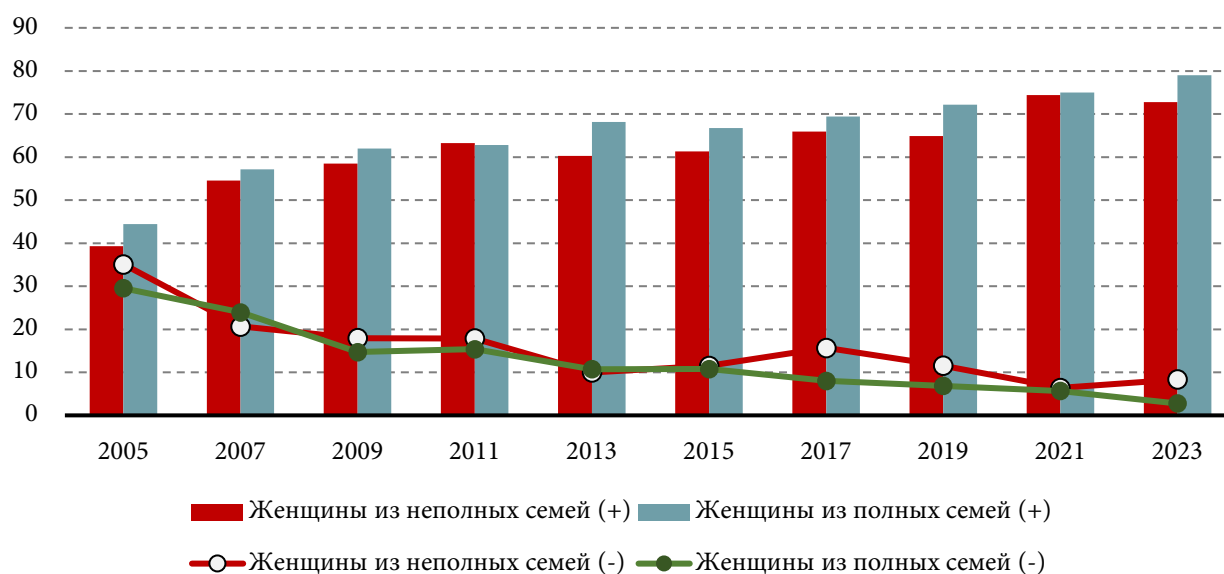

Рис. 2. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своей работой (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Перейдем к анализу удовлетворенности *материальным положением* представительниц исследуемых групп. Неполные семьи, в частности матери, воспитывающие детей в одиночку, в научной литературе показаны как наиболее подверженные риску бедности социальные группы, вследствие отсутствия второго экономического субъекта, приносящего регулярный доход в семью. Удовлетворенность материальным положением является важнейшим субъективным показателем бедности семей с детьми и фактором, детерминирующим характер оценки удовлетворенности жизнью в целом, уровень счастья или, наоборот, фрустрации, состояние ментального здоровья. Материальное положение — сегментирующая характеристика для разных типов семей.

Анализ показал следующее. Во-первых, происходит рост уровня удовлетворенности материальным положением и в той и в другой группе. Темпы роста этого показателя в 2023 г. по сравнению с 2004 г. выше у не состоящих в браке, чем у состоящих (положительная динамика на 8,8 и 7,5 п. п. соответственно) (рис. 3). Во-вторых, доля удовлетворенных материальным положением матерей, состоящих в браке, в целом выше, чем проживающих в неполных семьях. В-третьих, в 2020 г. в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в России были осуществлены единовременные прямые выплаты семьям с детьми с 3 до 16 лет; затем для поддержки семей с детьми до 3 лет вне зависимости от структуры, состава и уровня доходов были реализованы и другие меры, например, увеличены размеры пособий для безработных, имеющих несовершеннолетних детей, что усилило тренд на снижение доли не удовлетворенных материальным положением в неполных семьях. Однако последующее падение уровня удовлетворенности материальным положением в 2021 г. было более заметным в группе матерей, в одиночку воспитывающих детей, что является подтверждением более низкой прочности бюджетов неполных семей.

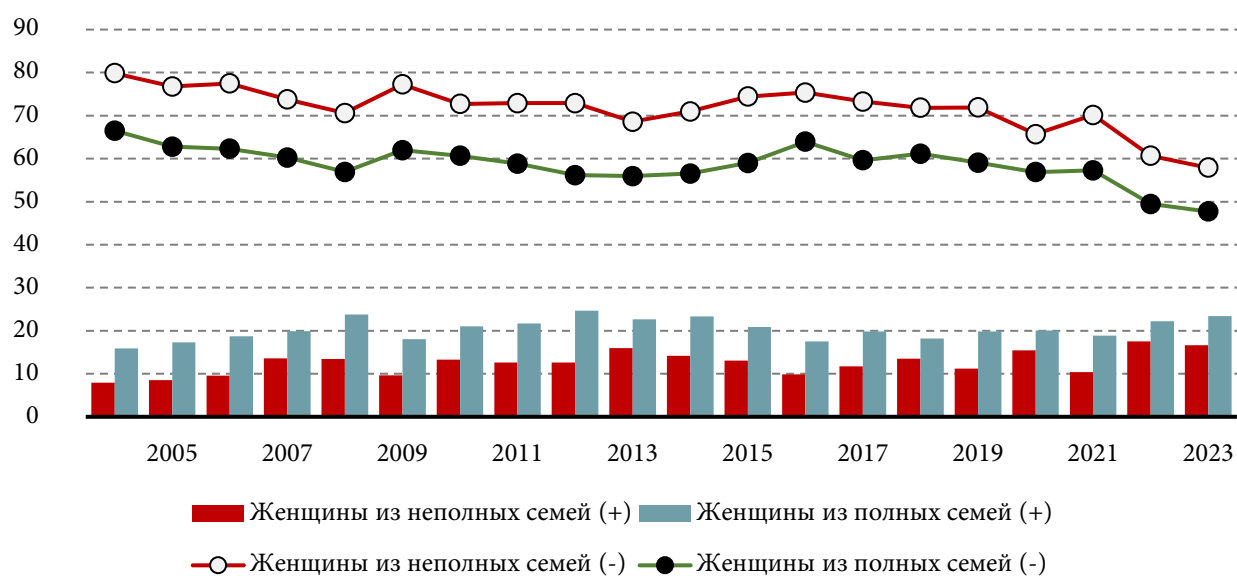

Рис. 3. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности женщин из полных и неполных семей своим материальным положением (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Темп роста доли матерей, удовлетворенных своим материальным положением, в 2022 г. в неполных семьях был выше, чем в полных. Полагаем, что данный факт связан с эффектом ввода в июле 2021 г. мер социальной поддержки — ежемесячного пособия одиноким родителям с детьми в возрасте от 8 до 16 лет включительно с учетом уровня доходов⁵. Сравнительный анализ показал, что различия в среднедушевых доходах полных и неполных семей с детьми перестают быть статистически значимыми после 2016 г. (рис. 4).

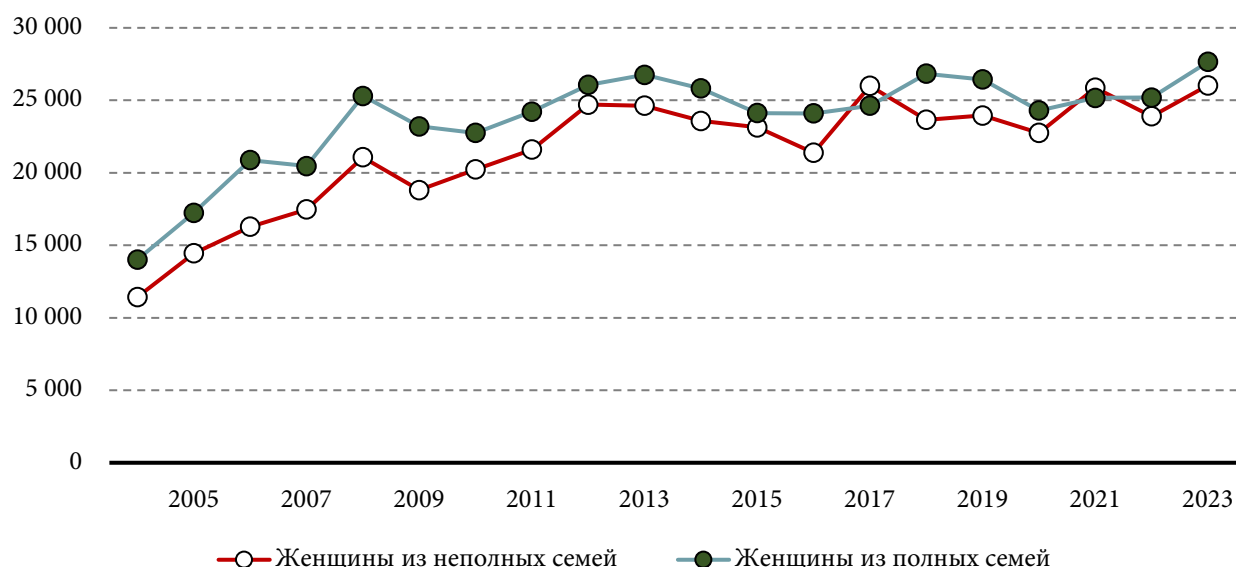

Рис. 4. Среднедушевые доходы полных и неполных семей с детьми в 2004–2023 гг., в рублях, дефлированных к 2023 г.

Мы обнаружили, что тенденции изменений доли не удовлетворенных материальным положением женщин в полных и неполных семьях в 2004–2023 гг. аналогичные — были периоды снижения с интервалом пять и более лет, роста с коротким, в один год, интервалом и более длинным — до четырех лет. Однако если точку отсчета (2004 г.) сравнить с конечной точкой в нашем анализе (2023 г.), то тренд на снижение доли неудовлетворенных очевиден. В последние пять волн мониторинга фиксируется сближение значений показателя и сокращение разрыва в двух группах, что может указывать на определенное улучшение материального положения неполных семей, хотя значимая разница в оценках сохраняется.

С учетом того факта, что в структуре доходов семей, в которых одинокие матери заняты в экономике, роль и значение заработной платы существенны, от ее уровня зависит социальное самочувствие. Удовлетворенность оплатой труда указывает на возможность не только оплачивать базовые расходы семьи, но и соответствовать приемлемому и социально одобряемому уровню жизни. Если для матерей, состоящих в браке, их зарплата представляет часть совокупных доходов семьи, то для женщин из неполных семей она может являться единственным источником дохода. Данный вопрос напрямую связан с самооценкой статуса материального положения.

⁵ Ежемесячное пособие на детей от 8 до 17 лет для семей с невысоким доходом // Социальный фонд России. — URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/8_to_17_years/?ysclid=m00vpt23np749487173 (дата обращения: 17.07.2024).

Доля женщин, видящих себя на нижних ступенях лестницы материального положения, в 2 раза выше в неполных семьях, чем в полных. В динамике распределение показателей самоидентификации с низшими стратами по материальному благополучию (первая и вторая ступени) остаются практически неизменными, однако в 2023 г. мы наблюдаем снижение доли одиноких матерей, относящих себя к низшим доходным группам (рис. 5).

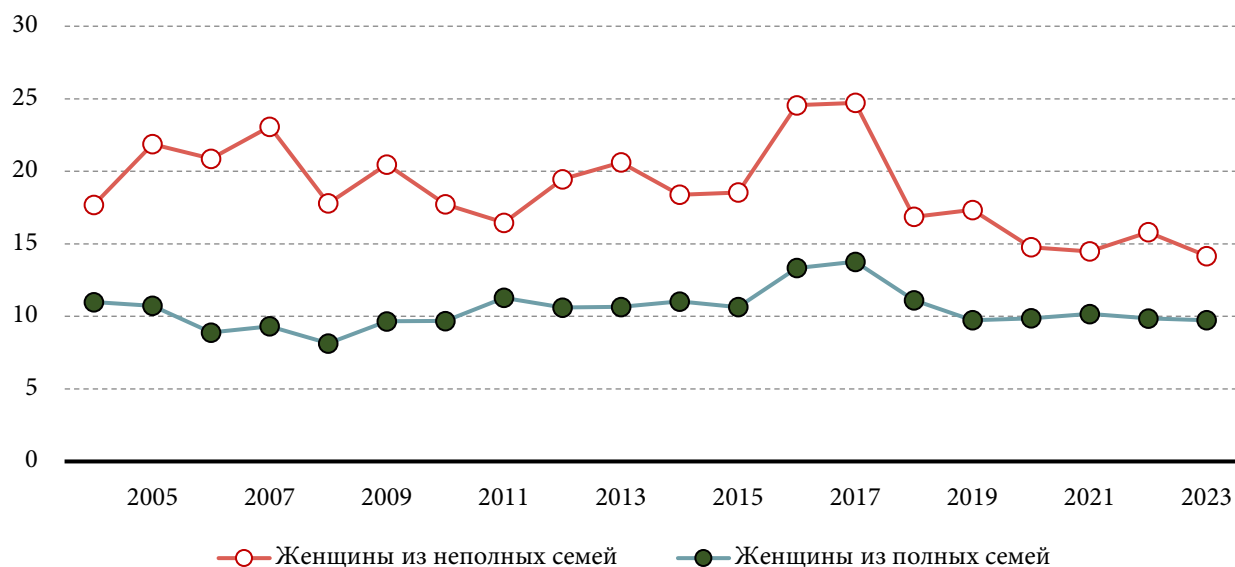

Рис. 5. Динамика суммарной доли женщин из полных и неполных семей, относящих свой материальный статус к 1-й и 2-й ступеням (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

На второй, третьей ступенях (в группах с низкими доходами, которые можно отнести к бедным) существенно больше матерей из неполных семей; начиная с четвертой ступени и до девятой, по мере роста благополучия доля женщин с детьми из полных семей незначительно превышает долю из неполных.

Удовлетворенность оплатой труда чаще выражают матери, имеющие супругов, однако из всех рассмотренных выше показателей мы впервые фиксируем факты, когда женщины с детьми, не имеющие супругов, демонстрировали одинаковый уровень удовлетворенности (2005 г. — по 18%) или совсем незначительно (не более чем на 0,7 п. п.) превзошли по этому показателю женщин из другой группы (2018 г.); поскольку разница незначительная, данный факт рассматриваем как максимальное сближение значений показателя в двух группах (рис. 6).

Максимальные разрывы в субъективных оценках женщин своей удовлетворенности оплатой труда наблюдались в 2007 и 2022 гг. и составляли 10,8 и 10,9 п. п. соответственно.

Как показано на рис. 6, в 2022 г. удовлетворенность оплатой труда женщин, состоящих в супружеских отношениях, заметно выросла в сравнении с этим показателем в другой группе, аналогичный разрыв наблюдался в 2007 г.

Доля не удовлетворенных оплатой труда в течение рассматриваемого периода снижалась в обеих группах, что свидетельствует об устойчивой тенденции улучшения ситуации в сфере оплаты труда. Во все волны доля неудовлетворенных ожидаемо была выше среди матерей из неполных семей.

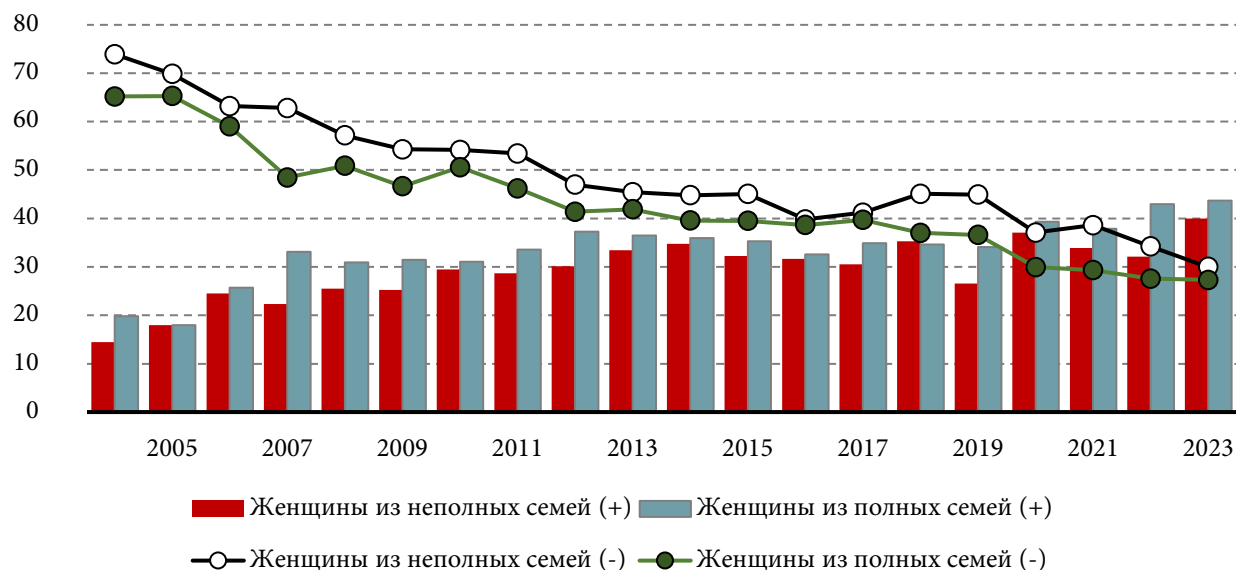

Рис. 6. Динамика удовлетворенности и неудовлетворенности оплатой труда женщин из полных и неполных семей (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Подтвержденным эмпирическим фактом является то, что женщины из неполных семей имеют более высокие показатели, выражающие материальную неудовлетворенность, и более низкие показатели удовлетворенности. Женщины, состоящие в браке, демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия.

Социальная тревожность

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют исследовать два важных вопроса, от которых зависит экономическая субъектность и выживание семьи. Эти вопросы связаны с беспокойством респондентов о возможной потере работы и способности содержать семью в течение ближайших 12 месяцев. Возможная потеря работы беспокоит женщин из полных и неполных семей практически одинаково, но все же заметно, что матери, в одиночку воспитывающие детей, выражают чуть больше тревоги (рис. 7). Причины объяснимы — от трудовой активности и заработной платы женщин, возглавляющих неполные семьи, зависит экономическое благополучие детей и семьи в целом. Вместе с тем незначительные различия показателей беспокойства в рассматриваемых группах не позволяют сделать вывод, что тревожность по поводу потенциальной потери работы является специфической характеристикой женщин из неполных семей. Следует заметить, что в 2022 г. уровень беспокойства достиг почти полного совпадения в двух обследуемых категориях. Как тенденцию можно выделить снижение беспокойства по данному вопросу среди женщин из неполных семей и, наоборот, рост тревожных настроений у женщин, состоящих в браке. В 2023 г. впервые за анализируемый период женщины из полных семей проявили бóльшую (на 3,4 п. п.) обеспокоенность по поводу возможной потери работы. Указать обоснованную причину таких изменений сложно.

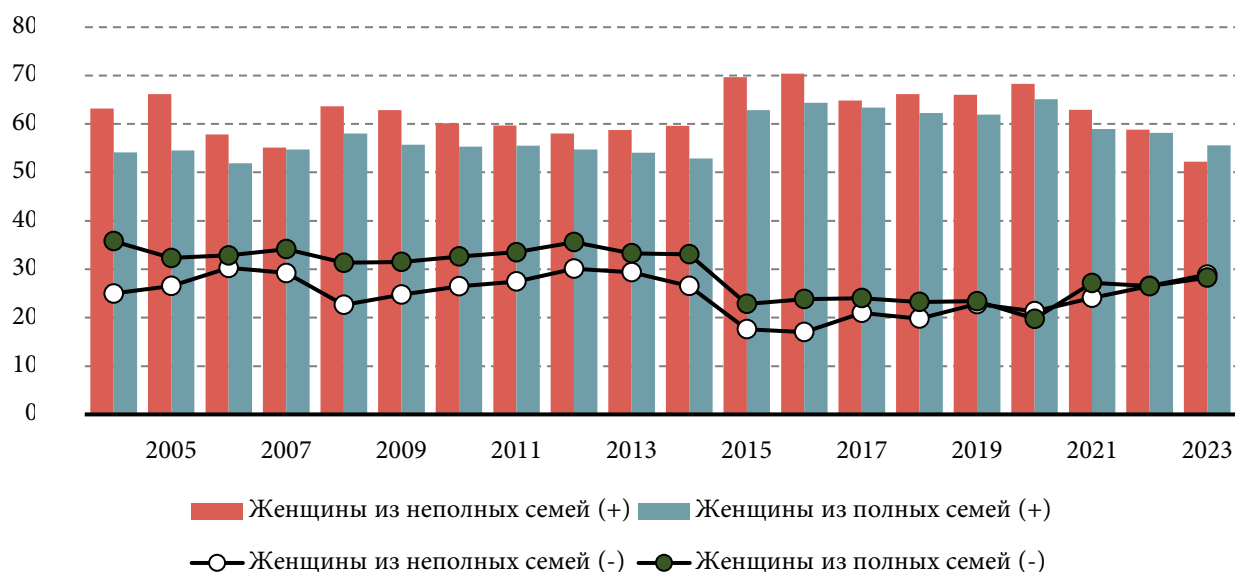

Рис. 7. Динамика доли женщин из полных и неполных семей, которых беспокоит/не беспокоит возможная потеря работы (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %⁶

Также было выявлено, что доля матерей из неполных семей, которые ощущают уверенность в своих трудовых перспективах, за рассматриваемые годы незначительно выросла: в 2004 г. таковых было 25%, в 2023 г. — 28,9%, в то время как среди женщин с детьми, состоящих в браке, напротив, наблюдается снижение такой уверенности — с 35,8% в 2004 г. до 28,3% в 2023 г. Наибольший разрыв фиксировался в 2004 г., когда 35,8% женщин из полных семей и 25% из неполных заявляли, что их не беспокоят перспективы потери работы. К 2022 г. различия между двумя группами становятся минимальными. Данный факт мы расцениваем как признак общего укрепления позиций женщин на рынке труда, трудовой мобильности и роста числа предлагаемых вакансий.

В ответах на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?» отмечается также снижение доли обеспокоенных, при этом темпы снижения в неполных семьях выше, чем в полных (рис. 8). Если в 2004 г. 84,5% матерей из неполных семей выражали беспокойство по указанному поводу, то в 2023 г. — 73,6%. В полных семьях доля беспокоящихся снизилась с 76% в 2004 г. до 66,2% в 2023 г. В 2022 г. произошло максимальное сближение показателей сравниваемых групп. Мы приходим к пониманию того, что более 60% женщин с детьми, вне зависимости от брачного статуса, не чувствуют уверенности в своих материальных перспективах, бюджеты домохозяйств имеют низкий запас прочности и не располагают достаточными ресурсами. Ответы на данный вопрос можно интерпретировать более широко — не только как переменные, показывающие наличие или отсутствие беспокойства, но и как элемент самооценки женщинами финансовой «подушки безопасности», а также как показатель предсказуемости, стабильности положения в семье и в стра-

⁶ Здесь и далее на рисунках знаком (+) обозначена динамика доли объединенных ответов «Очень беспокоит» и «Немного беспокоит»; знаком (–) — объединенных ответов «Не очень беспокоит» и «Совсем не беспокоит».

не. Абсолютное большинство респондентов из обеих групп не уверены в своих возможностях обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев; дают низкие оценки ресурсным возможностям своих семей; выражают неуверенность в завтрашнем дне.

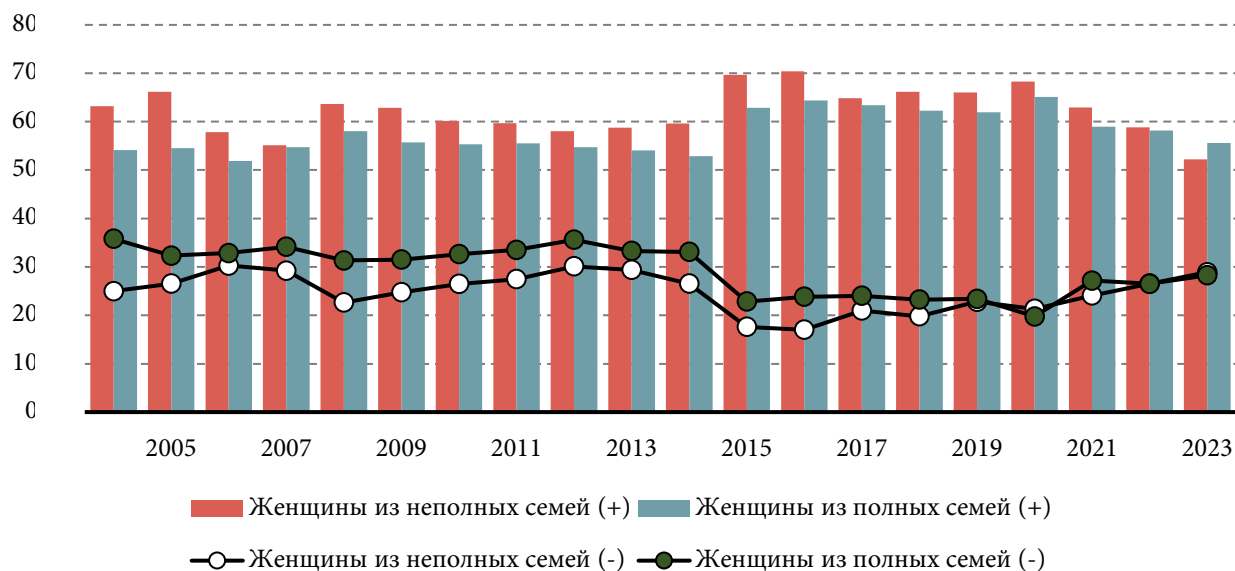

Рис. 8. Динамика долей женщин из полных и неполных семей, обеспокоенных/не обеспокоенных по поводу возможности обеспечить себя в ближайшие 12 месяцев (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

В 2022 г. доля тех, кто испытывает тревогу, выросла среди женщин из полных семей, а в группе неполных семей, наоборот, снизилась. Изменения мы наблюдаем также среди тех, кто не беспокоится о том, сможет ли содержать себя в ближайший год. Другими словами, одинаково тревожно большинству женщин, имеющих детей, вне зависимости от брачного статуса, выравнивание позиций произошло за счет роста числа уверенных среди одиноких матерей и, наоборот, сокращения таковых среди женщин, состоящих в браке. Мы связываем эти изменения с выплатами для одиноких родителей, на которые указывалось выше.

Таким образом, повышенный уровень тревожности по поводу возможной потери работы, которая является источником средств к существованию, а также своей способности содержать себя в течение 12 месяцев свойствен в большей степени матерям из неполных семей. При этом мы видим, что такое положение характерно и для матерей из полных семей. Это говорит о том, что семьи с детьми в целом переживают тревожные времена. Изменения, произошедшие в распределении мнений полных и неполных семей по этому вопросу, демонстрируют эффекты отдельных мер государственной поддержки, которые достаточно быстро отражаются на социальном самочувствии и настроениях целевых групп.

Социальный оптимизм

Что матери ожидают от будущего? Мы задали им вопрос: «Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» Вариант ответа «ничего не изменится» оказался наиболее популярным, а почти пятая часть респондентов затруднились дать прогнозную оценку. Подобное распределение на-

блюдается и в данных за предыдущие годы, что указывает на устойчивость тренда. Ожидают положительных изменений чаще женщины из полных семей, и они же реже прогнозируют негативные перемены. Противоположную картину мы наблюдаем в неполных семьях, для которых характерны более высокие уровни ожидания ухудшений и пессимизма относительно положительных перемен.

Позитивную динамику ожиданий от жизни «через 12 месяцев» за рассматриваемые годы демонстрируют женщины с детьми из полных семей. Достаточно серьезный обвал оптимизма (рекордно низкий уровень положительных ожиданий) у матерей из неполных семей обнаруживается в 2020 г., затем происходит его рост. В 2022 г. показатели оптимизма в обеих группах максимально сблизились за счет снижения позитивных оценок будущего у женщин с детьми, состоящих в браке (рис. 9). Но уже в 2023 г. в полных семьях уровень оптимизма вновь повышается.

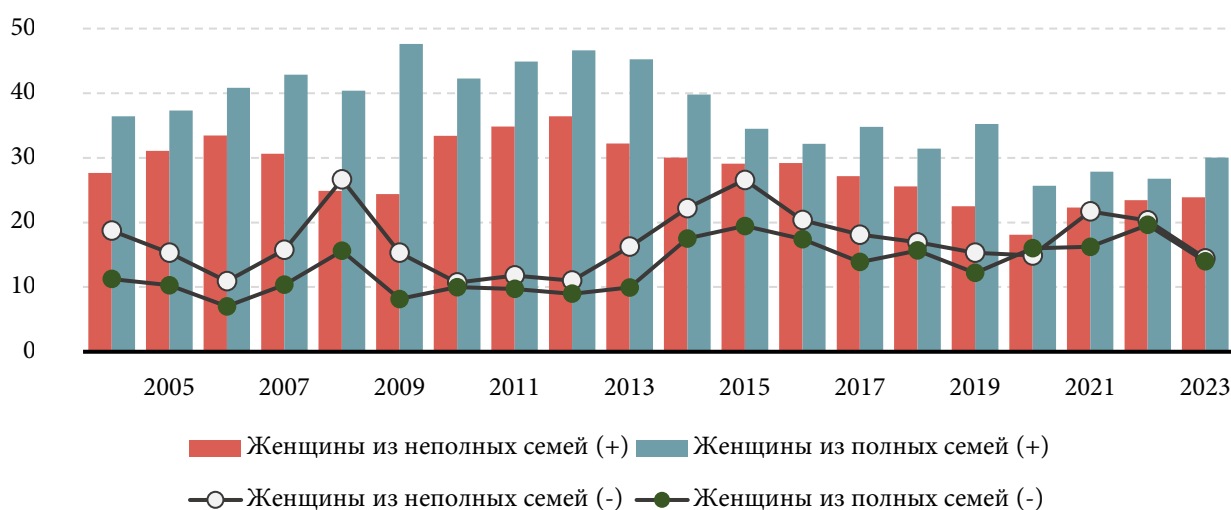

Рис. 9. Динамика представлений женщин из полных и неполных семей о том, будет ли их семья жить лучше или хуже через 12 месяцев (РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.), %

Что касается ожиданий ухудшения жизни, то такие настроения более характерны для неполных семей, однако тенденции все же разнонаправленные. По сравнению с 2004 г. в 2022 г. отмечаются уменьшение доли пессимистично настроенных матерей из неполных семей и рост таковой среди женщин с детьми, состоящих в супружеском союзе. (Они начали превосходить матерей из неполных семей по уровню пессимизма с 2020 г.) Более трети респондентов в каждой из исследуемых категорий в 2022 г. не ожидали никаких изменений. Таким образом, по частоте ответ «ничего не изменится» занял первое ранговое место и в той и в другой группе (43,3% в неполных семьях, 39,6% — в полных). На втором месте — ожидания положительных изменений, разрыв незначительный — 0,6 п. п. в пользу матерей, состоящих в браке. Они же чаще говорили о грядущем ухудшении положения (это было в целом наименее популярное мнение).

Выводы и обсуждения

Субъективное благополучие. Показатели социального благополучия, исследуемого на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, различны у разных авторов. Так, Т.А. Гурко при изучении благополучия родителей использовала следующие индикаторы: удовлетворенность жизнью, удовлетворенность материальным положением, самооценка здоровья [9, с. 11].

Г.Л. Воронин, А.Л. Янак в общую оценку социального самочувствия монородителей (которые не сравнивались с родителями других типов) включили два показателя: удовлетворенность жизнью и оценки жизненных перспектив [4, с. 59–60]. С.В. Арженовский также использовал показатель удовлетворенности жизнью [1, с. 84]. Как такового сравнения монородителей и родителей, воспитывающих детей в брачном союзе, не было, так как задачи исследования ставились иные — эконометрическое моделирование. О.Г. Горелкина оценивала благополучие матерей разных брачных статусов также путем анализа удовлетворенности жизнью [5, с. 72].

В нашем исследовании в анализ субъективного благополучия матерей из разных типов семей помимо удовлетворенности жизнью включены показатели, связанные с социально-профессиональной самореализацией и экономическим статусом. Это вопросы, касающиеся удовлетворенности работой, оплатой труда, материальным положением.

Удовлетворенность жизнью является важным маркером социального благополучия, которое измеряется здесь и сейчас. Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявил значительные различия по этому показателю между матерями, воспитывающими детей в полных и в неполных семьях. У первых она выше, чем у вторых, что, в принципе, соответствует современным эмпирическим данным из других стран. Полученные результаты совпадают также с выводами российских авторов, которые приведены выше, — *удовлетворенных своей жизнью* женщин больше в полных, чем в неполных, семьях. При этом нами была выявлена тенденция роста доли удовлетворенных в обеих группах.

Удовлетворенность работой у матерей из неполных семей ниже. Полагаем, что ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются на работе, связаны с совмещением трудовой занятости с уходом и воспитанием детей, решением всех бытовых вопросов. Платные услуги в сфере ухода и присмотра за детьми, помощи в быту доступны лишь при условии достаточно высоких доходов одиноких родителей. В отсутствие таковых женщины либо опираются на помощь родственников старшего поколения, либо отказываются от более ответственных позиций и соглашаются на менее престижные, хуже оплачиваемые должности.

Женщины из неполных семей менее удовлетворены и своим *материальным положением*. Данный показатель мы связываем с феноменом бедности неполных семей. О.В. Селиванова, Н.Ю. Коробова главной из основных причин бедности неполных семей называют незанятость одинокого родителя [21, с. 147]. Эти авторы также подчеркивают тот факт, что одинокие родители с доходами 1,0–1,5 ПМ⁷ чаще заняты в экономике, чем в малоимущих неполных семьях [21, с. 154]. Выводы

⁷ Прожиточный минимум.

указанных авторов о том, что незанятость — важная причина бедности неполных семей, представляются обоснованными. Однако незанятость после введения пособия для одиноких родителей в 2021 г. перестает быть столь критичной, как ранее.

Причин слабой удовлетворенности материальным положением женщин с детьми в неполных семьях может быть несколько: объективно низкий уровень доходов (что может быть обусловлено более низким уровнем образования по сравнению с матерями из полных семей: доли имеющих высшее образование — 29,2 и 37,6% соответственно), следовательно, они чаще занимают малооплачиваемые позиции; наличие в семье только одного работающего взрослого; хронический дефицит ресурсов, с которым они сталкиваются.

Уровень удовлетворенности оплатой труда выше у женщин, состоящих в браке, а неудовлетворенности — напротив, среди женщин, воспитывающих детей в одиночку. Нами был показан тренд на рост удовлетворенности и снижение неудовлетворенности оплатой труда в обеих группах, что является, на наш взгляд, следствием роста реальных денежных доходов и реальной начисленной заработной платы в стране за последние годы⁸.

Различия в показателях удовлетворенности оплатой труда между исследуемыми группами есть также следствие имеющейся доходной дифференциации. Данные мониторинга демонстрируют существующий разрыв в доходах, что указывает на объективно более низкий уровень оплаты труда у матерей из неполных семей. Женщины из полных и неполных семей могут осознанно выбирать малооплачиваемую работу, так как вклад первых в бюджет семьи может быть не главным, а для вторых, несмотря на дефицит средств, режим работы, например, может быть важнее, чем более высокая оплата труда, поскольку функции воспитания детей и выполнения неоплачиваемого домашнего труда они осуществляют в одиночку.

Полагаем, что основанием неудовлетворенности оплатой труда для женщин из неполных семей выступает не столько ее размер, сколько невозможность в работающей одинокой матери поддерживать уровень жизни, свойственный полным семьям.

Социальная тревожность. По мнению Д.Н. Баринаова, такие факторы, как семья, пол, возраст и место жительства, могут и способствовать адаптации к социальной среде, и служить источниками фрустрации и возникновения социальной тревожности [2, с. 111].

Современные исследования показывают большую подверженность одиноких матерей стрессу, депрессиям, тревожности по сравнению с женщинами, воспитывающими детей в браке. Ученые из Германии Л. Лян, У. Бергер и С. Бранд отмечают, что психосоциальные факторы риска возникновения стресса у одиноких матерей соответствуют факторам депрессии и тревоги [36, р. 255]. На основе национального репрезентативного исследования психосоциальной нагрузки данные авторы выявили, что уровень общего стресса в 2 раза превышает аналогичные показатели матерей, состоящих в супружеском союзе, уровень родительского стресса также был повышенным. Через скорректированные регрессионные модели авторы показали, что матери-одиночки в 2 раза чаще сообщают о симптомах депрессии

⁸ Социально-экономические показатели регионов России 2023 // Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.08.2024).

или тревоги [36, р. 255]. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ⁹ также подтверждают эти результаты — если в полных семьях отмечали у себя периодическую депрессию 9,1% матерей, то в неполных этот показатель составил 15,7%. Кроме того, женщины из неполных семей чаще заявляли о наличии повышенной нервозности (25,4% против 19,6% у женщин из полных семей), о тревоге, частых приступах паники (16,9 и 14,8%), раздраженности и агрессии (18,1 и 15,5% соответственно).

Исследователи из Великобритании С. Хоуп, К. Пауэр, Б. Роджерс, задавая вопрос, приводят ли финансовые трудности к повышенному психологическому стрессу у матерей-одиночек, пришли к выводу, что к причинным факторам можно отнести действительно негативные последствия финансовых трудностей, незанятости, отсутствия социальной поддержки и бремя ухода за детьми в одиночку у данной категории [30, р. 1657]. К непричинным факторам — стресс, порожденный, например, разводом и разрывом. Эти две группы факторов могут влиять друг на друга, но, учитывая, что среди родителей-одиночек в Великобритании преобладают финансовые трудности, именно они рассматриваются как основной фактор [30, р. 1657].

В рамках нашего исследования, опираясь на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг., мы полагаем, что более низкие показатели удовлетворенности жизнью и ее основными аспектами (материальным положением, работой, оплатой труда) в совокупности дают кумулятивный эффект. Финансовые и материальные трудности следует считать доминирующим фактором, поскольку беспокойство о возможной потере работы и о неспособности обеспечить себя в ближайшие 12 месяцев имеет явно выраженное финансовое измерение.

Потеря работы означает потерю источника дохода, прогнозная невозможность содержать себя является признанием дефицита ресурсов. Тревожность в неполной семье может возникать даже в благополучных материальных условиях, так как понижение социально-профессионального статуса, ухудшение здоровья, потеря трудоспособности единственного родителя фактически обнуляют имеющееся положение, в отличие от полной семьи, где при подобных изменениях у одного из супругов способность содержать семью сохраняется у другого.

Уровень тревожности может нивелироваться под воздействием ситуативных факторов, как, например, регулярные или единовременные выплаты государства, но при отсутствии занятости, которая позволяет поддерживать социальные, профессиональные связи, дает условия для самореализации, психосоциальные факторы стресса и тревожности могут усилиться, государственные выплаты на детей для одиноких родителей — не пожизненные, а привязаны к конкретному возрасту детей. Несмотря на то что у женщин из полных семей также отмечены рост беспокойства в связи с возможной потерей работы и ожидания ухудшения жизни, тревожность более выражена у женщин из семей неполных.

Социальный оптимизм. Социальный оптимизм во многих социологических работах считается составляющей, компонентом счастья [19, с. 47]. Мы сравнили уровень оптимизма матерей из полных и неполных семей.

Оптимизм как индивидуальная и групповая характеристика детерминирован демографическими, социальными, экономическими факторами. Его суть связана с активно-преобразующим началом и проявляется в позитивных оценках индивидом

⁹ Показатели были включены в 28-ю волну РМЭЗ НИУ ВШЭ (2019 г.).

своего будущего, исходя из самооценки социального капитала, экономических ресурсов, статусных позиций, потенциала как достаточных для достижения положительных изменений в будущем. Изучение этого феномена применительно к матерям разного брачного статуса, на наш взгляд, является важным исследовательским направлением, которое выявляет различия не только в социальных настроениях и самочувствии, но и в активно-преобразующем адаптивном потенциале. В связи с тем что матери из неполных семей менее удовлетворены жизнью, материальным положением, работой и уровнем заработной платы, а также чаще испытывают тревожные настроения, было важно рассмотреть, как всё это влияет на их восприятие будущего.

Наше исследование показало, что роль брачного статуса матерей как предиктора оптимизма не столь очевидна. За последние годы фиксируется общая для обеих групп тенденция снижения оптимизма, а также выравнивания показателей пессимизма, резкость различий всё более сглаживается. Мы наблюдаем рост негативных ожиданий у женщин из полных семей. Большинство же женщин из обеих исследуемых групп склонны не ожидать никаких изменений.

Оптимизм является социально-психологическим феноменом, обусловленным возрастом, полом, образованием и материальным положением: уровень оптимизма выше среди молодежи, на него положительно влияют материальная обеспеченность, высокий уровень образования. Оптимизм как ожидание положительных изменений конструируется на основе не только достигнутого социального статуса и имеющихся ресурсов, но и планов и намерений изменить текущее положение к лучшему. Важна также специфика доминирующих моделей реагирования на социально-экономические вызовы, принятых в родительской семье, так называемый контекст детства.

Признавая вышеуказанные факторы, помимо брачного статуса, значимыми предикторами оптимизма, полагаем, что необходим дополнительный анализ корреляции отдельных социально-демографических характеристик с уровнем оптимизма или пессимизма внутри каждой группы матерей, одиноких и состоящих в браке, что может стать предметом следующего этапа исследования.

Заключение

Подытоживая сказанное, следует отметить, что, несмотря на значимое число публикаций по материалам РМЭЗ НИУ ВШЭ по проблемам семьи, в рамках рассматриваемой темы его возможности не до конца раскрыты.

Основная гипотеза исследования в целом подтверждается. Женщины-матери из неполных семей менее благополучны, степень их удовлетворенности жизнью в целом и ее разными аспектами, такими как материальное положение, работа, оплата труда, заметно ниже, чем у женщин, воспитывающих детей в браке. Кроме того, матери из неполных семей более подвержены рискам фрустрации, тревожности, что еще раз подтверждает идею о преимуществах брачного союза для благополучия и социально-психологического здоровья.

Удовлетворенность материальным положением является базовым условием социального благополучия семей с детьми. Социальная работа с неполными семьями должна включать реализацию комплексных программ профессиональной

подготовки, в том числе карьерные консультации, мероприятия, направленные на повышение мотивации одиноких родителей к получению профессионального образования, экономической активности. Мы приходим к выводу, что фактор образования имеет важное значение для неполных семей. Уровень образования во многом детерминирует социально-профессиональный и экономический статусы индивида, чем они выше, тем выше будет в первую очередь уровень удовлетворенности материальным положением. Как показали социально-демографические характеристики исследуемых групп, женщины в неполных семьях, как правило, имеют более низкий уровень образования, чем в полных. Это обстоятельство может оказывать влияние на их трудовые доходы и повышать риск снижения уровня занятости в случае структурных изменений на рынке труда.

Исследуя проблему тревожности среди женщин-матерей с разным семейным положением, приходим к выводу, что необходима фактическая реализация национального стандарта социальных услуг женщинам¹⁰ в части оказания социально-психологических услуг одиноким матерям с несовершеннолетними детьми, женщинам, находящимся в послеразводной ситуации, одиноким беременным женщинам. Важными направлениями являются помощь в создании неформальных социальных сетей поддержки одиноких родителей, стимулирование их мотивации к профессиональной деятельности, поскольку занятость выступает не только источником доходов, но и способом избежать социальной эксклюзии.

В программы социальной помощи женщинам, в одиночку воспитывающим детей, помимо обеспечения занятости и комплексной профессиональной подготовки целесообразно включать недорогие и доступные услуги по уходу и присмотру за детьми за счет повышения существующего размера компенсации родительской платы за содержание детей в дошкольных образовательных организациях; стимулирования перехода дошкольных образовательных организаций в функционирование в режиме полного дня (10,5–12-часового пребывания), продленного дня (13–14-часового пребывания) и круглосуточного пребывания детей при наличии запроса со стороны одиноких родителей, получающих профессиональное и дополнительное образование, а также имеющих ненормированный график работы.

Говоря о различиях в уровнях оптимизма и пессимизма, следует отметить, что данный вопрос требует дополнительного исследования, вместе с тем повышение социальной и экономической субъектности матерей через занятость и снижение доходной дифференциации может положительно повлиять на уровень социального оптимизма родителей с детьми.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горина Татьяна Ивановна — научный сотрудник, Центр исследования социальной структуры и социального расслоения, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Телефон: + 7 (499) 128-91-89. **Электронная почта:** tagor03@mail.ru

¹⁰ ГОСТ Р 52886-2017. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги женщинам» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200156995?ysclid=m0ukacr0d716143890> (дата обращения: 06.09.2024).

Дорофеева Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе Института социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 625-17-93. **Электронный адрес:** zdorofeeva@hse.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. **Телефон:** +7 (39422) 2-39-36. **Электронная почта:** nod695596@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 47–72. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.3)

Research Article

TATJANA I. GORINA¹, ZLATA Y. DOROFEEVA^{2,1}, ORGANA D. NATSAK³

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

³ Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

4, Kochetova str., 667000, Kyzyl, Russian Federation.

SUBJECTIVE WELLBEING OF MOTHERS FROM MARRIED AND SINGLE-PARENT FAMILIES (BASED ON RLMS–HSE DATA FOR 2004–2023)

Abstract. The article examines the subjective wellbeing of married and single mothers by analyzing their level of satisfaction with life, financial situation, work, wages, as well as level of anxiety and social optimism. The empirical basis of the article is built on data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE” (RLMS–HSE, 2004–2023). During the course of the study, the authors identified significant differences in the subjective wellbeing of married and unmarried women. Women from single-parent families, compared to married women, demonstrate a lower level of life satisfaction, while the differences are especially noticeable in terms of dissatisfaction with life — it is expected that there are more dissatisfied women from single-parent families. It is noted that a lower degree of job satisfaction is a group characteristic for unmarried women. Single mothers are more likely to express dissatisfaction with their financial situation, as well as a higher level of anxiety about possible job loss, inability to support themselves over the next 12 months. The proportion of women who attribute their financial status to the lower rungs of the social ladder is twice as high among women from single-parent families compared to those who are married. Married women show a greater tendency to expect positive changes in their lives.

Keywords: single-parent families; single mothers; marital status; social wellbeing; standard of living; subjective wellbeing; social optimism.

For citation: Gorina, T.I., Dorofeeva, Z.Y., Natsak, O.D. Subjective Wellbeing of Mothers from Married and Single-Parent Families (Based on RLMS–HSE data for 2004–2023). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 47–72. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.3](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.3)

Acknowledgment. The article uses the results of projects carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana I. Gorina — Researcher, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** + 7 (499) 128-91-89. **Email:** tagor03@mail.ru

Zlata Y. Dorofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Center for Longitudinal Studies, Institute of Social Policy, HSE University; Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 772-95-90*12708. **Email:** zdorofeeva@hse.ru

Organa D. Natsak — Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research. **Phone:** +7 (39422) 2-39-36. **Email:** nod695596@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Арженовский С.В. Эконометрическое моделирование влияния семейного статуса на субъективное благополучие. Часть II // Учет и статистика. 2016. № 1 (41). С. 79–87. EDN: [WTATWH](#)
Arzhenovskii S.V. Econometric Modelling of Marital Status Impact on Subjective Well-being. Part II. *Uchet i statistika*. 2016. No. 1 (41). P. 79–87. (In Russ.)
2. Баринов Д.Н. Константы общественного бытия как фактор возникновения социальной тревожности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 3 (65). С. 110–119. EDN: [NUAADX](#)
Barinov D.N. Constants of Social Existence as a Factor in the Emergence of Social Anxiety. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2011. No. 3 (65). P. 110–119. (In Russ.)
3. Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994, 1996, 1998 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–66. EDN: [MPHEFL](#)
Voronin G.L. Social Feeling of Russians [1994–1996–1998]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001. No. 6. P. 59–66. (In Russ.)
4. Воронин Г.Л., Янак А.Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одиноких родителей // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 53–66. DOI: [10.21064/WinRS.2018.1.5](#) EDN: [YTBKXJ](#)
Voronin G.L., Yanak A.L. Single-Parent Families: Their Types and Social Portrait of the Lone Parent. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2018. No. 1 (86). P. 53–66. DOI: [10.21064/WinRS.2018.1.5](#) (In Russ.)
5. Горелкина О.Г. Микроанализ рождаемости в России: роль неэкономических факторов // Прикладная эконометрика. 2007. № 1. С. 58–74. EDN: [HZNBZD](#)
Gorelkina O.G. Microanalysis of Fertility in Russia: The Role of Non-Economic Factors. *Prikladnaya ekonometrika*. 2007. No. 1. P. 58–74. (In Russ.)
6. Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробина О.В. Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 9. № 7. С. 116–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2018-7-116-139](#) EDN: [YNHRJZ](#)
7. Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V. Sources of Social Optimism: The Intergenerational Analysis. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2018. Vol. 9. No. 7. P. 116–139. DOI: [10.12731/2218-7405-2018-7-116-139](#) (In Russ.)
8. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) EDN: [YTPUDU](#)
Gurko T.A. Well-Being of Men and Women of Different Marital Status: Russia in the International Context. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 73–94. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5714](#) (In Russ.)
9. Гурко Т.А. Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 119–132. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](#) EDN: [WFALLR](#)

- Gurko T.A. The Dynamics of Life Activity and Factors of Teenagers Well-Being. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 119–132. DOI: [10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137) (In Russ.)
10. Гурко Т.А. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 3. С. 51–71. DOI: [10.19181/snsp.2017.5.3.5355](https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355) EDN: [ZMQYRF](https://elibrary.ru/zmqyrf)
- Gurko T.A. Development of Marriage and Family Relations in Russia and Implementation of Family Policy. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2017. Vol. 5. No. 3. P. 51–71. DOI: [10.19181/snsp.2017.5.3.5355](https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.3.5355) (In Russ.)
11. Гурко Т.А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3–14. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1) EDN: [HCXBEH](https://elibrary.ru/hcxben)
- Gurko T.A. Development of the Parenthood Institution: Analysis of Empirical Indicators. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2022. No. 4. P. 3–14. DOI: [10.21064/WinRS.2022.4.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.1) (In Russ.)
12. Гурко Т.А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82. DOI: [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4) EDN: [WGTVDW](https://elibrary.ru/wgtvdw)
13. Gurko T.A. Family Factors of Reproductive Behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 12. P. 72–82. [10.31857/S013216250029338-4](https://doi.org/10.31857/S013216250029338-4) (In Russ.)
14. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113) EDN: [ZRQQPZ](https://elibrary.ru/zrqqpz)
- Gurko T.A. New Family Forms: Tendencies of Spreading and Concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 11. P. 99–110. DOI: [10.7868/S0132162517110113](https://doi.org/10.7868/S0132162517110113) (In Russ.)
15. Гурко Т.А. Эволюция и трансформация брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. DOI: [10.31857/S013216250014117-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1) EDN: [XHOQBC](https://elibrary.ru/xhoqbc)
- Gurko T.A. Evolution and Transformation of the Marriage Institution: Analyzing Empirical Indicators. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 5. P. 58–69. DOI: [10.31857/S013216250014117-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1) (In Russ.)
16. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–182. EDN: [YMIQTF](https://elibrary.ru/yमितqtf)
- Zhuravleva T.L., Gavrilova Ya.A. Analysis of Fertility Determinants in Russia: What do RLMS Data Say? *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 145–182. (In Russ.)
17. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 4. С. 86–117. EDN: [RBWAPI](https://elibrary.ru/rbwapi)
- Zakharov S.V., Churilova E.V. Single Motherhood in Russia: Statistical and Demographic Analysis of its Prevalence and Formation Patterns. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2013. Vol. 22. No. 4. P. 86–117. (In Russ.)
18. Зудина А.А. Что скрывается за средними самооценками? Анализ траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг.: препринт WP3/2016/05 [Электронный ресурс]. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. Дата обращения 17.01.2025. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thp2y49ira/192427244.pdf>

- Zudina A.A. What Lies Beneath “Average” Level of Subjective Indicators? Trajectories of Self-Evaluations in Russia in 2000–2014: Working Paper WP3/2016/05. Moscow: Publ. House of HSE, 2016. Accessed 17.01.2025. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/thp2y49ira/192427244.pdf> (In Russ.)
19. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: Что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175. EDN: [PVKGDT](#)
Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. Household Poverty in Russia: What Do the Data from the Russian Economic Research Institute HSE Say? *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2013. Vol. 22. No. 1. P. 155–175. (In Russ.)
20. Копнова Е.Д., Родионова Л.А., Иванова М.А. Статистический анализ факторов брачного статуса в России с учетом возраста и пола // Демографическое обозрение. 2023. № 4 (10). С. 152–187. DOI: [10.17323/demreview.v10i4.18812](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812) EDN: [XIBWWG](#)
Kopnova E.D., Rodionova L.A., Ivanova M.A. Statistical Analysis of Marital Status Factors in Russia, Taking into Account Age and Gender. *Demograficheskoe obozrenie*. 2023. No. 4 (10). P. 152–187. DOI: [10.17323/demreview.v10i4.18812](https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18812) (In Russ.)
21. Новоселова Е.Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // Социология. 2017. № 2. С. 45–53. EDN: [YXLUGD](#)
Novoselova E.N. The Interpretation of the Phenomenon of Happiness in Sociology. *Sotsiologiya*. 2017. No. 2. P. 45–53. (In Russ.)
22. Ржаницына Л.С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 56–65. EDN: [MSNRHH](#)
Rzhanitsyna L.S. Alimonies for Children as an Element of Civic Responsibility. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 7 (315). P. 56–65. (In Russ.)
23. Селиванова О.В., Коробова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые отношения. 2024. № 1 (54). С. 147–156. DOI: [10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156) EDN: [PWGIDK](#)
Selivanova O.V., Korobova N.Yu. Single-Parent Families in Russian Regions: Scale and Socio-Economic Characteristics. *Sotsialno-trudovye otnosheniya*. 2024. No. 1 (54). P. 147–156. DOI: [10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-54-1-147-156) (In Russ.)
24. Синельников А.Б. Материальное положение и моральное благополучие российских семей с разным числом детей // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 2. С. 1–16. DOI: [10.15838/sa.2024.2.42.3](https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.3) EDN: [FSIKWT](#)
Sinelnikov A.B. The Financial Situation and Moral Well-Being of Russian Families with Different Numbers of Children. *Sotsialnoe prostranstvo*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 1–16. DOI: [10.15838/sa.2024.2.42.3](https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.3) (In Russ.)
25. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5715](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715) EDN: [YTPUEV](#)
Sinelnikov A.B. Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.1.5715](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715) (In Russ.)
26. Скачкова Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Индексы субъективного благополучия в оценке уровня счастья россиян // Управленец. 2024. Т. 15. № 5. С. 2–21. DOI: [10.29141/2218-5003-2024-15-5-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-1) EDN: [EHXJRI](#)

- Skachkova L.S., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Subjective Well-Being Indices in Assessing Happiness in Russia. *Upravlenets*. 2024. Vol. 15. No. 5. P. 2–21. DOI: [10.29141/2218-5003-2024-15-5-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-1) (In Russ.)
27. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирических исследований: информационно-аналитический бюллетень / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. № 1. — 95 с. DOI: [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1)
- Subjective and Objective Well-Being in Modern Russian Society: Results of Empirical Research: Information and Analytical Bulletin*. Ed. by M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina. Moscow: Federal Research Sociological Center of RAS publ., 2020. No. 1. 94 p. DOI: [10.19181/INAB.2020.1](https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1) (In Russ.)
28. Филиппова А.В., Колосницына М.Г. Оценка влияния детских пособий на бедность семей с детьми на основе многомерной пробит-модели // Прикладная эконометрика. 2018. Т. 52. С. 62–89. EDN: [YPXQRV](https://elibrary.ru/ypxqrv)
- Filippova A.V., Kolosnitsyna M.G. Child Benefits' Impact on Poverty: Multivariate Probit Estimates. *Prikladnaya ekonometrika*. 2018. Vol. 52. P. 62–89. (In Russ.)
29. Хусяинов Т.М., Янак А.Л. Постановка проблемы неполной и избыточной занятости одиноких родителей в контексте баланса семьи и работы (на примере монородительских семей в России) // Социодинамика. 2016. № 1. С. 75–91. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.1.17455](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.1.17455) EDN: [VIDGXD](https://elibrary.ru/vidgxd)
- Khusyainov T.M., Yanak A.L. Statement of the Problem of Incomplete and Excessive Employment of Single Parents in the Context of Family and Work Balance (On the Example of Monogeneous Families in Russia). *Sotsiodinamika*. 2016. No. 1. P. 75–91. DOI: [10.7256/2409-7144.2016.1.17455](https://doi.org/10.7256/2409-7144.2016.1.17455) (In Russ.)
30. Abanokova K.R., Dang H.A., Lokshin M.M. The Important Role of Equivalence Scales: Household Size, Composition and Poverty: Dynamics in Russia. *IZA Discussion Papers*. 2020. No. 13043. Bonn: Institute of Labor Economics (Iza). 51 p. DOI: [10.1596/1813-9450-9270](https://doi.org/10.1596/1813-9450-9270)
31. Cheng-Xi A.E., Sabri M.F. Single Mothers' Subjective Well-Being: Empirical Evidence from Malaysia. *Health Care for Women International*. 2021. Vol. 42. No. 4–6. P. 756–777. DOI: [10.1080/07399332.2020.1744148](https://doi.org/10.1080/07399332.2020.1744148)
32. Hope S., Power Ch., Rodgers D. Does Financial Account for Elevated Psychological Distress in Lone Mothers. *Social Science & Medicine*. 1999. Vol. 49. No. 12. P. 1537–1649. DOI: [10.1016/S0277-9536\(99\)00251-8](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(99)00251-8)
33. Ifcher J., Zarghamee H. Trends in the Happiness of Single Mothers: Evidence from the General Social Survey. *Journal of Happiness Studies*. 2014. Vol. 15. P. 1219–1238. DOI: [10.1007/s10902-013-9472-5](https://doi.org/10.1007/s10902-013-9472-5)
34. Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 3–24. DOI: [10.1257/089533006776526030](https://doi.org/10.1257/089533006776526030)
35. Kashdan T.B. The Assessment of Subjective Well-Being (Issues Raised by the Oxford Happiness Questionnaire). *Personality and Individual Differences*. 2004. No. 36. P. 1225–1232. DOI: [10.1016/S0191-8869\(03\)00213-7](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(03)00213-7)
36. Kanji S. Labour Force Participation, Regional Location, and Economic Well-Being of Single Mothers in Russia. *Journal of Family and Economic Issues*. 2011. Vol. 32. No. 1. P. 62–72. DOI: [10.1007/s10834-010-9198-z](https://doi.org/10.1007/s10834-010-9198-z)
37. Klugman J., Kolev A. Mobility and Poverty Dynamics among Russian Children. *The Dynamics of Child Poverty in Industrialized Countries*. Ed. by D. Bradbury, S.P. Jenkins,

- J. Micklenright. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 254–280. DOI: [10.1017/CBO9780511522147.011](https://doi.org/10.1017/CBO9780511522147.011)
38. Liang L.A., Berger U., Brand C. Psychological Factors Associated with Symptoms of Depression, Anxiety and Stress Among Single Mothers with Young Children: A Population Based Study. *Journal of Affective Disorders*. 2019. Vol. 242. P. 255–264. DOI: [10.1016/j.jad.2018.08.013](https://doi.org/10.1016/j.jad.2018.08.013)
39. Lokshin M.M., Harris K.M., Popkin B.M. Single Mothers in Russia: Strategies for Coping with Poverty. *World Development*. 2000. Vol. 28. Iss. 12. P. 2183–2198. DOI: [10.1016/S0305-750X\(00\)00070-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(00)00070-X)
40. Maleeva V., Joxhe M., Zanjaj S. Poverty in Russia: The Role of the Marital Status and Gender. *CREA. Department of Economics and Management Discussion Paper Series 20-16*. Luxembourg: Center for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg, 2020. 39 p.
41. Muarifah A., Widyastuti D.A., Fajarwati I. The Effect of Social Support on Single Mothers' Subjective Well-Being and Its Implication for Counseling. *Journal Kajian Bimbingan dan Konseling*. 2019. No. 4. P. 143–149. DOI: [10.17977/um001v4i42019p143](https://doi.org/10.17977/um001v4i42019p143)
42. Richter D., Lemola S. Growing up with a Single Mother and Life Satisfaction in Adulthood: A Test of Mediating and Moderating Factors. *PLoS ONE*. 2017. No. 12 (6): e0179639. P. 1–15. DOI: [10.1371/journal.pone.0179639](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179639)

Статья поступила в редакцию: 23.10.2024; поступила после рецензирования и доработки: 26.01.2025; принята к публикации: 21.02.2025.

Received: 23.10.2024; revised after review: 26.01.2025; accepted for publication: 21.02.2025.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.4
EDN: KNAUGW

Р.А. ЩЕРБАКОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11, каб. 523.

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПОЛЯ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу и систематизации рисков цифровизации, которые находятся в фокусе внимания научного сообщества. Эмпирической базой исследования послужили публикации в рецензируемых журналах, индексируемых в Scopus в 2010–2024 гг. В ходе исследования были выделены и описаны четыре группы рисков цифровизации: цифровое неравенство, цифровая зависимость, проблемы приватности и группа прочих рисков. Выявлены особенности фиксации и измерения рисков. Показано, что риски приватности выявляются преимущественно в качестве субъективных ощущений угрозы индивидами, в то время как для измерения рисков цифровой зависимости и цифрового неравенства применяются и субъективные и объективные критерии. Сделан вывод о сформированности традиции изучения рисков в отдельных научных областях и об ее отсутствии в других. Например, для выявления и измерения цифровой зависимости широко используется инструментарий из поля психологии, но почти отсутствует из поля социологии. Аналогично отдельным рискам подвержены разные уязвимые группы. В фокусе исследователей цифрового неравенства оказываются пожилые люди. В исследованиях цифровой зависимости самой уязвимой группой, напротив, выступает молодежь. Возраст и цифровая грамотность упоминаются как факторы, влияющие на разные группы рисков. Несмотря на попытки выделить единую группу факторов, стоящих за распространением рисков цифровизации, научное поле остается сильно фрагментированным.

Ключевые слова: цифровизация; риски; приватность; цифровое неравенство; цифровая зависимость; цифровая грамотность.

Для цитирования: Щербаков Р.А. Риски цифровизации: систематизация научного поля // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 73–91. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.4) EDN: KNAUGW

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Введение

Первые персональные компьютеры (ПК) появились в 1980-х гг. в развитых странах. Такими устройствами владели материально обеспеченные индивиды с высоким уровнем образования [14]. В ходе технологического прогресса ПК стали миниатюрнее, дешевле и удобнее благодаря графическому интерфейсу и, как следствие, доступными для разных слоев населения [7]. Согласно оценкам Международного союза электросвязи (МСЭ), в развитых странах (например, в Дании, Испании) доля домохозяйств, имеющих ПК, в 2023 г. превысила 85%². Позже стали появляться и распространяться мобильные телефоны, а затем и смартфоны. По оценкам МСЭ, в 2023 г. в ряде стран, например в Республике Корея и Сингапуре, доля населения, пользующегося смартфонами, превысила 90%³.

С ростом числа пользователей компьютеров и смартфонов распространялся интернет. Доступность интернет-подключения увеличивалась благодаря снижению цены подключения и росту скорости передачи данных [16]. С 2005 по 2023 г. в мире доля пользователей сети выросла с 15,9 до 67,4%⁴. Для ряда стран характерно почти повсеместное проникновение интернета: например, в Дании и Малайзии интернет-пользователями являются более 97% всего населения. В России, по данным Росстата, в 2023 г. 91,5% населения в возрасте 15–74 лет являлись активными пользователями сети⁵. Значение этого показателя демонстрирует, что цифровизация становится всеохватывающей и затрагивает разные социальные группы.

Цифровизация — это не только «инфраструктурный» процесс, который заключается в развитии и распространении интернета, цифровых устройств и др.; она также влияет на целый спектр социально-экономических изменений. Ускорение коммуникации и поиска информации сделало эффективней организацию досуга и социализацию вне дома [14]. Смартфоны и ПК упростили доступ к услугам в сфере образования [22], здравоохранения, финансов и государственных услуг [24]. Помимо этого, цифровые технологии способствовали возникновению и распространению новых форм труда, например платформенной занятости [8; 11].

Цифровые технологии наряду с преимуществами несут и ряд рисков для общества. Некоторые из этих рисков затрагивают большое количество населения в разных странах, что позволяет говорить о них как о глобальных проблемах. К таковым можно отнести интернет-зависимость, которой, по оценкам Ш. Менга и коллег [20], подвержены около 14% населения мира. Также ученые обращают внимание на риски цифрового неравенства, то есть отсутствие возможности использовать цифровые технологии у некоторых социальных групп. Например,

² Households with a computer // ITU DataHub. — URL: <https://datahub.itu.int/data/?i=12046&e=701&c=701> (дата обращения 20.04.2024).

³ Individuals using a smart phone // ITU DataHub. — URL: <https://datahub.itu.int/data/?i=28228> (дата обращения 20.04.2024).

⁴ Measuring Digital Development — Facts and Figures 2023. Geneva: International Telecommunication Union, 2023. — 31 с.

⁵ Использование Интернета городским и сельским населением в возрасте 15–74 лет, в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt23/index.html (дата обращения 20.04.2024).

в США 25% населения в возрасте 65 лет и старше никогда не пользовались⁶ интернетом. Это может привести к социальной изоляции таких групп из-за невозможности общаться через интернет и использовать социальные сервисы [10].

Другие риски характерны для более специфических групп, менее распространены и только начинают привлекать внимание научного сообщества. Например, это касается образа жизни цифровых кочевников [9] и практик «цифроводства» [25]. Цифровые кочевники — это высококомобильные специалисты, чья работа не зависит от географического положения. Их образ жизни основан на постоянном доступе к интернету через цифровые устройства, что часто приводит к ролевому напряжению между работой и отдыхом. Цифроводство — это работа, необходимая для обслуживания цифровых устройств, например сортировка файлов, устранение неполадок, изменение настроек и пр. Эти виды деятельности зачастую воспринимаются как «невидимые», что способствует интенсификации труда и размыванию границ между профессиональной деятельностью и личной жизнью.

Разнообразие (и разнопорядковость) рисков цифровизации послужило стимулом к попыткам их систематизировать. Например, В. Ким и коллеги предложили разделить их на две категории: техноцентричные и нетехноцентричные [15]. Первая группа включает риски, для возникновения и устранения которых необходимо применение продвинутых технологий, например спам, фишинговые рассылки, хакерство и вредоносное ПО. Нетехноцентричные риски возникают, когда интернет является только инструментом для преступных действий (например, онлайн-кражи, азартные игры, кибербуллинг), которые возможны без него. Р. Пирккалайнен и М. Соло выделили четыре риска, негативно влияющих на благосостояние индивида, организации или общества: техностресс, информационная перегруженность, информационная зависимость и информационная тревожность [21]. Х. Гимпель и Ф. Шмид на основе первых двух работ значительно расширяют набор рисков и предлагают многоуровневую таксономию, включающую 11 видов и 35 подвидов рисков [16]. В то же время эти классификации имеют ряд ограничений. Например, Р. Пирккалайнен и М. Соло использовали выборку из 37 статей, опубликованных с 1995 по 2015 г. в журналах Ассоциации информационных систем (AIS). Х. Гимпель и Ф. Шмид также опирались на публикации AIS и двух мейнстримных западных медиа в 2017–2018 гг. Большинство журналов AIS публикуют работы в области компьютерных наук. Таким образом, эти таксономии ограничены схожими выборками публикаций и не включают исследования в области социальных наук. Кроме того, исследования проводились до пандемии COVID-19, которая могла повлиять на существующие риски или вызвать появление новых.

Фрагментированность научного поля и отсутствие актуального перечня рисков цифровизации препятствуют более детальному изучению данной проблематики. Систематизация поля позволит упорядочить знания о рисках и выделить те области, где они упускаются из виду научным сообществом.

Таким образом, настоящее исследование ставит следующие вопросы:

- Какие риски цифровизации изучаются научным сообществом?
- Как эти риски фиксируются?
- Кто подвержен таким рискам?

⁶ Perrin A., Atske S. 7% of Americans don't use the internet. Who are they? — URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/04/02/7-of-americans-dont-use-the-internet-who-are-they/> (дата обращения 09.01.2024).

Методология

Вопросы, поставленные в исследовании, направлены на выявление паттернов описания рисков цифровизации в научном поле. Для решения этих исследовательских задач был выбран индуктивный контент-анализ текстовых документов как наиболее релевантный метод. Контент-анализ — это систематическое выделение характеристик текстовых сообщений [18]. Поскольку предметом анализа выступает научное поле, эмпирической базой послужили научные публикации.

Данные были взяты из базы Scopus — одной из крупнейших библиографических баз научной литературы, содержащей более 94 млн записей (на январь 2024 г.), включая книги, статьи в рецензируемых журналах, материалы конференций и препринты. Scopus был выбран в силу своего объема и широкого охвата (по информации Elsevier, в базу входят 330 научных дисциплин), что важно, учитывая мультидисциплинарный характер исследования. База содержит статьи из более 26 тыс. рецензируемых журналов (на март 2023 г.), это позволяет охватить ведущие исследования.

Эмпирическая база для контент-анализа была собрана в несколько этапов (рис. 1). На первом был сформирован запрос из следующих ключевых слов: *((social OR society OR societal) AND (problem OR risk OR concern)) AND ((internet OR digital OR online) AND (addiction OR exclusion OR inequality OR privacy OR anxiety OR use) OR digitalization)*. Первая часть обозначает фокус публикаций на социальных проблемах и рисках. Вторая часть добавлена для поиска публикаций, где предметом исследования выступают конкретные риски. Поиск осуществлялся по текстам аннотаций и ключевым словам, указанным авторами, так как они содержат основную информацию о предмете исследования. Поиск по названию статей был исключен, так как наличие ключевых слов в названии не всегда отражает релевантный фокус исследования. В результате был получен массив из 11 570 публикаций.

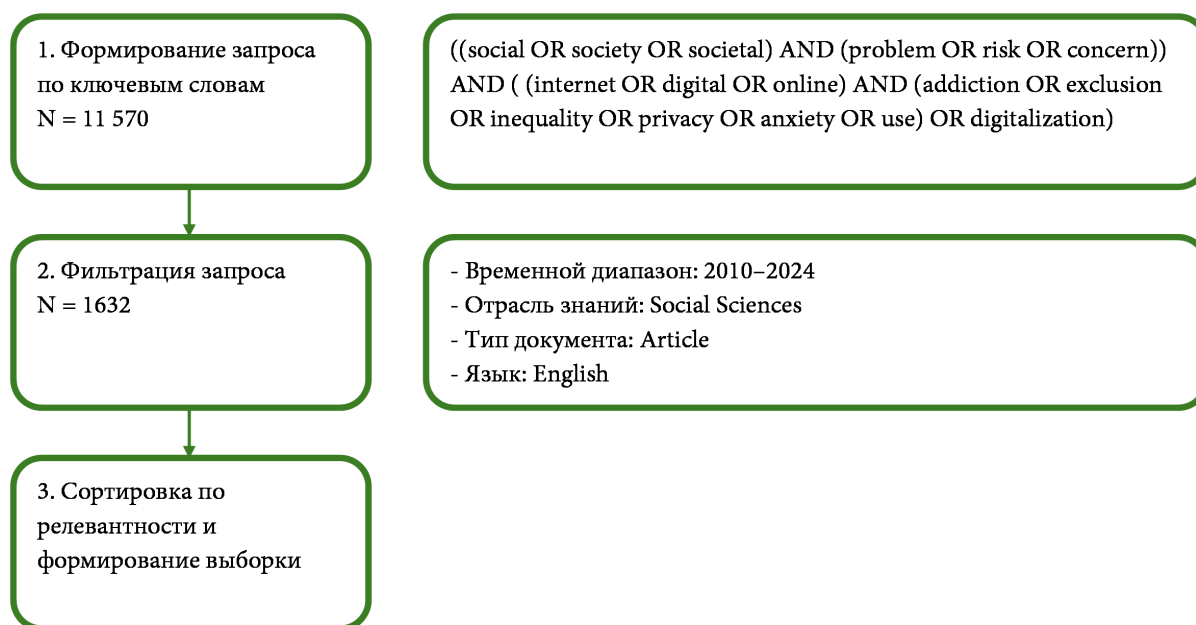

Рис. 1. Этапы сбора эмпирических данных

На втором этапе были отсеяны нерелевантные тексты. Для настоящего исследования были рассмотрены только статьи в рецензируемых журналах, опубликованные в 2010–2024 гг. на английском языке. Такой период обусловлен необходимостью учета различных условий, влияющих на цифровизацию (например, пандемии COVID-19). Английский язык был выбран в качестве фильтра, так как это позволяет охватить ведущие исследования в различных странах. Также массив был ограничен по научной области: рассматривались статьи, имевшие отношение к социальным наукам. Это позволило отсеять публикации, где риски изучаются с технической стороны, что нерелевантно фокусу исследования.

В результате был получен массив, содержащий 1633 статьи. Их число росло на протяжении всего периода 2010–2023 гг. В 2010 г. было опубликовано только 22 статьи, а 2023 г. стал пиковым, тогда это количество достигло 311 ед. (рис. 2). Наиболее интенсивный рост наблюдается после 2020 г. Вероятно, это связано с пандемией COVID-19, форсировавшей цифровизацию и обострившей некоторые риски. Такая динамика иллюстрирует возрастающий интерес научного сообщества к проблемам, вызванным цифровизацией.

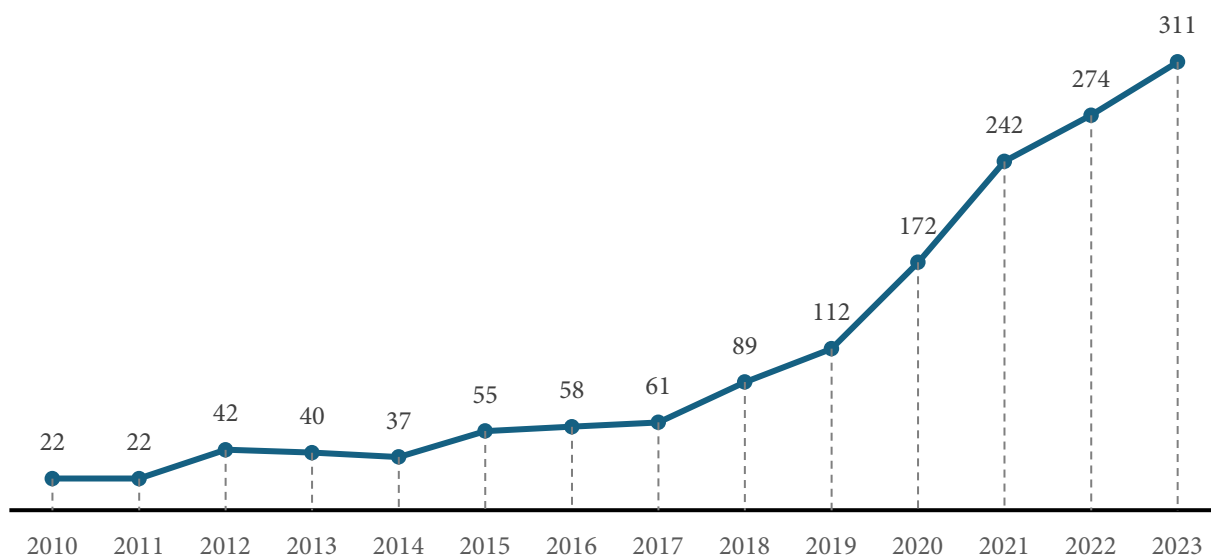

Рис. 2. Число статей, посвященных рискам цифровизации, в рецензируемых журналах

Источник: расчеты автора по данным Scopus.

Больше всего статей, посвященных цифровым рискам, было опубликовано в таких журналах, как “Sustainability” (53), “Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking” (28), “New Media and Society” (20) и “Behaviour and Information Technology” (17) (рис. 3). Характеристики этих журналов свидетельствуют о междисциплинарном характере научного поля, так как в них публикуются статьи не только по социальным, но и по компьютерным наукам, медицине и психологии.

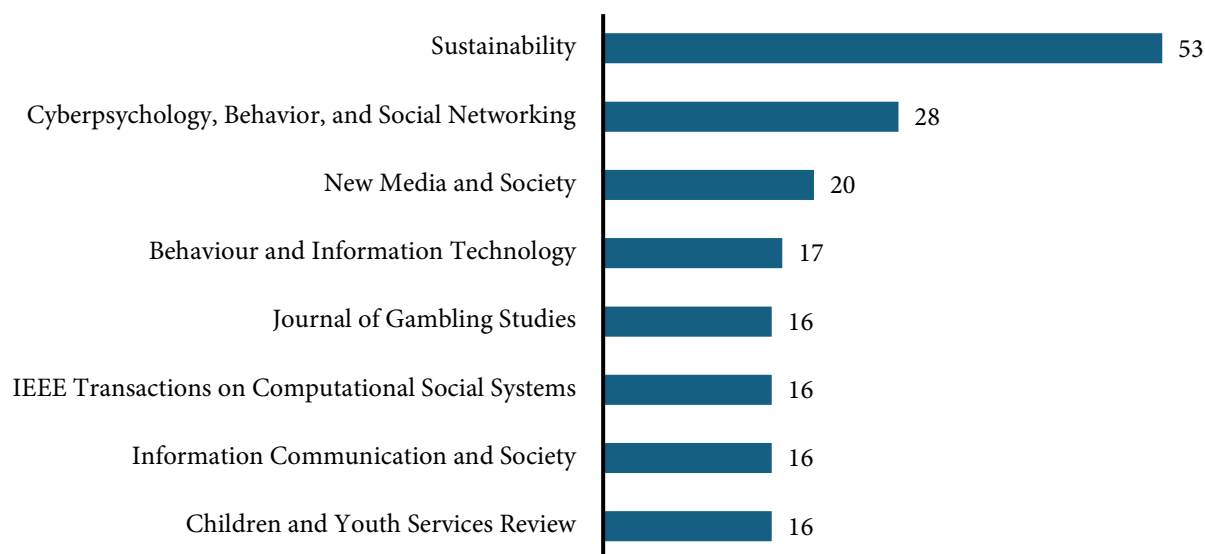

Рис. 3. Число публикаций в рецензируемых журналах: 2010–2023 гг.

Источник: расчеты автора по данным Scopus

На следующем этапе массив был отсортирован по релевантности, то есть метрике системы Scopus, которая показывает, насколько хорошо текст в документах отражает условия и критерии в поисковом запросе. Из полученного массива были отобраны топ-50 самых релевантных статей для кодирования и анализа. Статьи, нерелевантные фокусу исследования, отсеивались и не попадали в финальную выборку.

Для выявления характеристик рисков цифровизации была разработана кодировальная матрица. Для ее формирования применялся индуктивный подход. Сначала был проведен скрининг нескольких статей из выборки. По его итогам были выделены переменные, включающие основную информацию о рисках. Далее была проведена апробация матрицы на других статьях из выборки. После апробации в ряд переменных были внесены корректировки. Матрица включает три блока переменных: 1) библиографическая информация о статье, 2) информация о рисках, 3) информация об эффектах от рисков. В результате была сформирована эмпирическая база, отвечающая поставленным исследовательским вопросам.

Результаты и дискуссия

Выявление рисков

Риски цифровизации, выделенные в ходе анализа, делятся на четыре группы: 20 статей посвящены цифровому неравенству, 11 — рискам приватности, 12 — цифровой зависимости и 9 — прочим рискам⁷ (см. табл.). Текущий перечень групп базируется на анализе эмпирических исследований: он отражает риски, которые находились в фокусе внимания исследователей в рассматриваемый период. Таким

⁷ Сумма больше 50, так как в одной статье исследуются два вида рисков.

образом, он является открытым и динамичным, может быть изменен или дополнен в случае роста числа публикаций, посвященных иным рискам (например, связанным с искусственным интеллектом).

Результаты анализа показывают высокую насыщенность выборки эмпирическими исследованиями по всем категориям рисков. Так, 44 из 50 проанализированных статей оказались эмпирическими, то есть содержали анализ первичных или вторичных данных. Это указывает на существование определенной традиции и развивающихся моделей сбора данных, измерения и исследования таких рисков.

Таблица

Категории рисков цифровизации

Группа рисков	Исследования
Цифровое неравенство	Velicu et al., 2022 [44]*; Nieminen, 2016 [33]; Grishchenko, 2020 [17]; Seifert, et al., 2018 [40]; Van Ingen, Matzat, 2018 [43]; Carney, Kandt, 2022 [12]; Huxhold, et al., 2020 [22]; Lin, et al., 2018 [30]; Buchert, et al., 2023 [9]; Kalenda, Kowaliková, 2020 [24]; Helsper, Van Deursen, 2017 [18]; Yu, et al., 2018 [48]; Anrijs, et al., 2023 [2]; Zapletal, et al., 2023 [49]; Alam, Imran, 2015 [1]; Reneland-Forsman, 2018 [39]; Li, 2022 [29]
Цифровая зависимость	Büchi, et al., 2019 [10]; Carcelén-García, et al., 2023 [11]; Karaca, et al., 2020 [25]; Mesce, et al., 2022 [32]; Yildiz Durak, et al., 2022 [47]; Taylor, 2023 [41]; Bagheri, et al., 2023 [3]; Hoanca, 2020 [19]; Lopez-Fernandez, et al., 2013 [31]; Tirado-Morueta, et al., 2021 [42]; Błachnio, et al., 2019 [5]
Риски приватности	Kumar, et al., 2018 [28]; Ozdemir, et al., 2017 [34]; Zhu, Bao, 2018 [50]; Böhm, et al., 2023 [7]; Rawassizadeh, 2012 [38]; Kim, Atkin, 2019 [26]; Hoffmann, Lutz, 2023 [20]; Hong, et al., 2021 [21]; Chen, Atkin, 2021 [13]; Pensa, 2019 [36]; Jeon, Lee, 2022 [23]
Прочее	Усталость от социальных сетей — Pfaffinger, et al., 2020 [37]; цифровая тревожность — Pfaffinger, et al., 2020 [37]; рост безработицы и прекаризация, разрушение института традиционной семьи — Curran, 2018 [14]; Kravchenko, 2019 [27]; цифровые риски — Dutt, 2023 [16]; негативный опыт работы в интернете — Borgström, 2023 [8]; вред от использования интернета — Blank, Lutz, 2018 [6]

Источник: составлено автором на основе контент-анализа.

* *Примечание:* Полные библиографические описания указанных в таблице источников даны в списке «Приложение». В квадратных скобках — порядковый номер источника в этом списке.

Для систематизации поля важно проанализировать терминологию, используемую для описания рисков. В восьми статьях для обозначения цифрового неравенства авторы использовали термин «цифровой разрыв», в пяти — «цифровая исключенность». В единичных статьях встречались термины «цифровое неравенство», «электронная исключенность» и «информационная бедность». Два ключевых термина — «цифровой разрыв» и «цифровая исключенность» — хотя

и являются близкими, но описывают разные стороны цифрового неравенства. Так, под цифровым разрывом понимается разница между индивидами в уровне доступа к интернету или цифровым технологиям в целом. Некоторые авторы включают в цифровой разрыв неравное распределение навыков использования интернета, что уже традиционно называется «вторым цифровым разрывом». Цифровой разрыв отражает объективную ситуацию неравного распределения ресурсов доступа к интернету и навыков его использования. При этом определение цифрового разрыва не включает негативные эффекты, возникающие от самого неравенства. Напротив, термин «цифровая исключенность» описывает такие эффекты с точки зрения депривированной группы. Таким последствием является снижение участия членов группы в коллективном взаимодействии, то есть их исключение из социальной жизни.

Исследователи часто используют близкие термины для описания рисков, что может создавать терминологическую путаницу. В группе статей по цифровой зависимости авторы использовали много схожих терминов: «интернет-зависимость», «цифровая зависимость», «проблемное использование интернета». В двух статьях анализировался частный случай интернет-зависимости — «зависимость от онлайн-игр». Определение риска как «зависимости» характерно для психологических исследований, где это состояние давно находится в фокусе внимания ученых.

Во всех определениях цифровой зависимости присутствуют два ключевых элемента. Почти все они подразумевают превышение некой нормы времени, проведенного в интернете. В этом случае цифровая зависимость означает отклонение от общепризнанных норм потребления цифровой информации. Другой элемент — это негативные последствия от превышения этой нормы. Такие последствия могут быть психологическими (например, повышенный уровень стресса); в ряде статей к ним также относят снижение качества социальной жизни.

В некоторых случаях цифровые технологии могут усиливать другие зависимости, изначально не связанные с ними. Два исследования посвящены употреблению алкоголя во время использования интернета и просмотру изображений сексуального характера. Авторы констатируют, что интернет тут может увеличивать негативные эффекты, например, усиливать алкогольную зависимость или формировать зависимость от просмотра подобного контента. Отмечается социальный контекст использования интернета в этих случаях: зависимость формируется, когда интернет выступает средством общения с другими людьми.

Терминология для описания рисков приватности в сравнении с другими рисками оказалась более гомогенной. В семи из девяти статей используется термин «проблемы приватности», а в двух — «риски приватности». Проблемы приватности имеют в целом устоявшееся определение, которое включает обеспокоенность пользователей из-за возможной потери личной информации в интернете. Такие потери могут случиться в результате не только утечки (то есть процесса, который не контролируется пользователем), но и передачи личной информации третьим лицам. В таком случае проблемы приватности — это нарушение доверия пользователей интернета к тем, кто хранит их личную информацию или обладает ею.

В группе прочих рисков выделяются несколько подгрупп. Две статьи посвящены «цифровой тревожности» и «усталости от социальных сетей». Их объединяет наличие субъективного компонента в их определении. Цифровая тревожность оз-

начает чувство дискомфорта и напряжения, возникающее из-за появления новых технологий и внедрения их в повседневную жизнь. Усталость от социальных сетей также описывается чувством дискомфорта из-за их использования. Оба риска ведут к негативным поведенческим последствиям: снижению работоспособности и избеганию использования цифровых технологий. В этом контексте риски близки к явлению техностресса, возникающего из-за применения информационных систем и выражающегося в нервном истощении, снижении удовлетворенности работой и ролевых конфликтах [23].

В двух статьях авторы выделяют риски более высокого порядка, влияющие на социальные отношения. Они включают прекаризацию и рост безработицы из-за внедрения искусственного интеллекта, разрушение традиционной модели семьи, экологические угрозы из-за постоянно разрастающейся цифровой инфраструктуры.

Несмотря на большое внимание к изучению отдельных рисков, ряд авторов делают попытку концептуально объединить разнородные риски цифровизации в единое понятие. Для их описания они используют такие термины, как «вред от использования интернета», «негативный опыт работы в интернете» и «цифровые риски». В группы рисков включаются травля в интернете, заражение вирусами или внедрение шпионского ПО, утечки информации, мошенничество в интернете, сталкеринг. Некоторые риски, упоминаемые в этих категориях, встречались при анализе выше, например чрезмерное использование интернета или зависимость от обмена сообщениями сексуального характера. Наличие таких исследований показывает, что за различными цифровыми рисками может стоять одинаковый набор факторов, определяющих их распространенность.

Измерение рисков

В научном поле давно ведется дискуссия о том, можно ли зафиксировать, определить риск объективно, или он — всегда результат субъективной оценки, интерпретации, обусловленной в т. ч. спецификой конкретного (со)общества.

Проведенный контент-анализ показал, что цифровое неравенство, которое является одним из наиболее обсуждаемых рисков цифровизации, описывается в исследованиях через набор как объективных, так и субъективных критериев. В четырех исследованиях авторы используют такие показатели, как наличие цифровых устройств (смартфона, компьютера) у индивидов и в домохозяйстве, доступ к интернету и частота его использования. Такие метрики позволяют выявить объективные условия цифрового неравенства и определить группы риска. При этом в исследованиях, посвященных цифровой исключенности, индикатором риска выступает субъективное чувство исключенности. В обоих случаях отсутствует четкий критерий идентификации риска. Отсутствие цифровых устройств у индивида или неиспользование интернета не обязательно означают его цифровую исключенность. Как показали некоторые исследования, объективные условия цифрового неравенства могут не совпадать с их субъективным восприятием. Так, индивиды, которые не имеют доступа к интернету или навыков его использования, могут не испытывать чувства социальной исключенности.

В исследованиях цифровой зависимости часто обращаются к уже устоявшимся метрикам из области психологии. Это говорит о давности традиции изучения таких рисков. Так, в трех исследованиях авторы использовали тест на определение интернет-зависимости (Internet Addiction Test — IAT), разработанный психологом К. Янг [26]. IAT основан на предположении, что существуют закономерности, отличающие нормальное использование интернета от навязчивого. IAT включает в себя показатели для выявления паттернов такого поведения, например, эскапизм (интернет как способ ухода от проблем) и повышенная социальная конфликтность (влияние интернета на рабочие и семейные отношения). Также модификации теста были адаптированы для частных случаев цифровой зависимости, например зависимости от смартфонов. В одном исследовании из выборки IAT был адаптирован для измерения проблемного использования интернета.

Аналогично в исследованиях, посвященных проблемам приватности, авторы использовали метрики, разработанные ранее, что может рассматриваться как часть развивающейся модели измерения. В двух из них авторы пытались комбинировать метрики из разных исследований. В этих статьях проблемы приватности рассматриваются как субъективный конструкт. В пяти исследованиях метрики фиксируют ощущения индивидов относительно реальной или потенциальной угрозы их приватности — утечки или распространения личной информации. Измерение рисков приватности не предполагает выделения объективных условий. Утечка информации становится риском тогда, когда пользователи ощущают угрозу для себя.

В группе прочих рисков не удалось выявить статистические метрики и критерии для их измерения, так как часть статей имели теоретический характер, то есть измерение рисков не было задачей исследования. Некоторые эмпирические исследования были качественными, то есть их задачей было не измерение риска, а выявление субъективных ощущений и опыта изучаемой группы.

Уязвимые группы

В 11 исследованиях из всех выделенных категорий приводятся оригинальные данные о распространенности рисков среди групп населения. При этом ряд исследований фокусируются на изучении специфических групп в разных странах.

В исследованиях цифрового неравенства и цифровой исключенности выделяется группа индивидов старшего возраста: они рассматривались в качестве уязвимой группы риска в пяти статьях. Два исследования были посвящены мигрантам и беженцам. Исследования рисков цифрового неравенства более характерны для стран, где уровни распространения интернета и цифровых устройств стабильно высокие. В 12 статьях исследования проводились на выборках из развитых стран Европы, США и Австралии, только три исследования были проведены в развивающихся странах — Китае и России.

В исследованиях интернет-зависимости, напротив, чаще всего в уязвимую группу попадали молодые пользователи. Шесть исследований были посвящены подросткам и молодым людям до 35 лет. При этом исследования проводились как в развитых, так и в развивающихся странах (например, Испания, Турция, Иран, Италия). Одно исследование включало большую выборку из восьми развитых и развивающихся стран. Во всех этих регионах подавляющая доля населения, особенно среди молодежи, представлена пользователями интернета.

В исследованиях рисков приватности не удалось выявить специфическую группу пользователей, которые были бы особенно уязвимы или привлекали бы внимание исследователей. Те исследования, где присутствует описание выборки, фокусируются на пользователях отдельных социальных сетей (например, Facebook⁸) либо рассматривают широкие выборки с разными группами населения. Также отметим, что исследования проводились как в развитых, так и в развивающихся странах, где большинство населения являются пользователями интернета (Турция, Республика Корея и пр.). В двух исследованиях, проведенных в Германии и Республике Корея, обеспокоенность проблемами приватности среди респондентов выявлялась как умеренная.

Факторы и эффекты рисков

Выделение и фиксация рисков позволяют не только измерить их масштаб, но и определить группы населения, наиболее подверженные угрозам, — так называемые группы риска. Для этого эксперты с помощью статистического анализа выделяют факторы, характеризующие группы (пол, возраст, уровень образования и др.) [19]. Исследователи считают, что выявление таких групп — важный элемент социальной политики [13].

В шести исследованиях факторами цифрового неравенства оказались социально-демографические характеристики индивидов. Они включают возраст, уровень образования и материальное положение. Другая группа факторов — цифровая грамотность, то есть навыки по использованию интернета, упоминалась в трех исследованиях. Это в целом соответствует устоявшейся традиции в изучении цифрового неравенства. Для более узких групп специфические факторы могут формировать и усиливать чувство цифровой исключенности. Например, для мигрантов таким фактором оказывается низкий уровень владения языком страны пребывания, а для пожилых людей — снижение когнитивных способностей и слабое здоровье, которые становятся барьерами для освоения цифровых технологий.

Цифровая исключенность и цифровое неравенство становятся факторами усиления социальной депривации. Индивиды без доступа к интернету и с низким уровнем цифровых навыков становятся отрезанными от потоков информации, что затрудняет их социальную интеграцию. В одном из исследований авторы назвали такую ситуацию «новостными пустынями»; «жители пустыни» — это индивиды, которые недополучают новостную информацию, что ведет к снижению их вовлеченности в гражданские активности.

Результаты исследований интернет-зависимости показали, что на ее возникновение оказывают влияние самые разнообразные факторы. В двух статьях утверждается, что молодежь — самая уязвимая группа с точки зрения зависимого поведения. Такое поведение связывают с количеством времени использования интернета. Вероятно, эти факторы могут быть связаны, так как молодежь составляет основную долю активных пользователей сети. Факторами увеличения времени пребывания в сети могут быть алгоритмы персонализации. Они предлагают пользователям интересный для них контент, тем самым подпитывая зависимость. Чаще всего таким паттернам поведения оказываются подвержены жители развитых стран с высоким индексом человеческого развития и экономического благосостояния.

⁸ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ.

В трех исследованиях, посвященных проблемам приватности, одним из факторов роста опасений из-за рисков выступает опыт использования интернета. Негативный опыт, например утечка данных или агрессивное поведение в интернете, повышает уровень опасений. В трех исследованиях авторы также упоминают информированность пользователей о приватности в интернете. Более высокий уровень цифровой грамотности и понимание механизмов защиты данных (например, законодательства) способствуют снижению опасений из-за приватности. Другим фактором роста опасений выступают характеристики самой информации, в частности ее чувствительность.

Опасения из-за приватности влияют на поведение пользователей в социальных сетях. Повышенный уровень опасений может побудить их искать стратегии адаптации, чтобы соотнести желаемый и фактический уровни приватности. Так, пользователи могут сменить социальную сеть при высоких рисках или если их ценности и нормы не соотносятся с нормами приватности социальной сети. Другая стратегия — пассивное использование социальных сетей. Такие пользователи почти не проявляют активности, то есть не выкладывают фото или видео, не комментируют посты и проч. Пассивное присутствие в социальных сетях оказывается одной из стратегий по избеганию рисков приватности в интернете, так как позволяет пользователю снизить объем информации, которой он делится с другими.

Заключение

По результатам контент-анализа публикаций в рецензируемых журналах выделены риски цифровизации общества, которые находятся в фокусе внимания научного сообщества: цифровое неравенство, цифровая зависимость, нарушение приватности, цифровая тревожность, риски для социальных отношений и социальных институтов (изменение рынка труда и традиционной модели семьи). Отнесение большинства из этих явлений и процессов к категории риска происходит на основе комбинации объективных условий (например, отсутствие цифрового устройства) и субъективной оценки индивидов (например, самооценка цифровой зависимости). На распространение рисков среди населения влияют самые разные факторы, которые сложно свести к единому набору. При этом возраст и цифровая грамотность индивидов упоминаются в исследованиях, посвященных самым разным рискам. Можно предположить, что это вероятные факторы подверженности индивидов более широкому спектру рисков.

Полученный перечень во многом пересекается с выделенными ранее, в частности в работах Р. Пирккалайнен и М. Соло [21], а также Х. Гимпеля и Ф. Шмида [15]. К числу совпадающих рисков относятся интернет-зависимость и проблемы приватности. Однако риски, связанные с цифровым неравенством, в этих исследованиях не рассматривались. Это, с одной стороны, подтверждает предыдущие выводы, а с другой — позволяет дополнить существующие группы рисков новыми.

При этом исследование имеет ряд ограничений. Небольшой размер выборки статей не позволяет реплицировать результаты на все научное поле. Также из-за того, что методология опиралась на алгоритмы Scopus, могли быть упущены специфические и менее популярные для изучения риски. Дальнейшие исследова-

ния необходимы для выявления общественных представлений о рисках цифровизации. Восприятие рисков в социальном контексте отражает возможные реакции и запросы общества.

Поскольку выборка охватывает только релевантные англоязычные публикации, лишь одна публикация в двуязычном российском журнале попала в нее. При этом отечественные исследователи, как и зарубежные, изучают риски цифровизации. Несколько авторов выделили факторы цифрового неравенства на уровне социальных групп и регионов России [1–4]. Исследования интернет-зависимости показали ее связь с ощущением депривации [5] и одиночества [6], которые ведут к ухудшению социальной жизни. Таким образом, результаты настоящего исследования, полученные на основе англоязычных источников, представляют интерес и для отечественных ученых. Формирование перечня рисков цифровизации, актуальных для российского академического сообщества, может стать задачей будущих исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Alam K., Imran S. The digital divide and social inclusion among refugee migrants: A case in regional Australia. *Information Technology & People*. 2015. Vol. 28. No. 2. P. 344–365. DOI: [10.1108/ITP-04-2014-0083](https://doi.org/10.1108/ITP-04-2014-0083)
2. Anrijs S., et al. Excluded from essential internet services: Examining associations between digital exclusion, socio-economic resources and internet resources. *Technology in Society*. 2023. Vol. 73. P. 102211. DOI: [10.1016/j.techsoc.2023.102211](https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2023.102211)
3. Bagheri R., et al. Server connection versus marital disconnection: An investigation of the effect of internet addiction on couple burnout in Iran. *Technology in Society*. 2023. Vol. 72. P. 102163. DOI: [10.1016/j.techsoc.2022.102163](https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102163)
4. Barnidge M., Xenos M.A. Social media news deserts: Digital inequalities and incidental news exposure on social media platforms. *New Media & Society*. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 368–388. DOI: [10.1177/14614448211059529](https://doi.org/10.1177/14614448211059529)
5. Błachnio A., et al. Cultural Correlates of Internet Addiction. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 258–263. DOI: [10.1089/cyber.2018.0667](https://doi.org/10.1089/cyber.2018.0667)
6. Blank G., Lutz C. Benefits and harms from Internet use: A differentiated analysis of Great Britain. *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 618–640. DOI: [10.1177/1461444816667135](https://doi.org/10.1177/1461444816667135)
7. Böhm G., et al. E-privacy concerns: a facet theoretical approach. *Journal of Risk Research*. 2023. P. 1–17. DOI: [10.1080/13669877.2023.2288012](https://doi.org/10.1080/13669877.2023.2288012)
8. Borgström Å. Tensions between risk, coping and support: young people with intellectual disability in Sweden and Internet-related support. *Disability & Society*. 2023. Vol. 38. No. 3. P. 460–482. DOI: [10.1080/09687599.2021.1946675](https://doi.org/10.1080/09687599.2021.1946675)
9. Buchert U., et al. Is digitalisation of public health and social welfare services reinforcing social exclusion? The case of Russian-speaking older migrants in Finland. *Critical Social Policy*. 2023. Vol. 43. No. 3. P. 375–400. DOI: [10.1177/02610183221105035](https://doi.org/10.1177/02610183221105035)
10. Büchi M., Festic N., Latzer M. Digital Overuse and Subjective Well-Being in a Digitized Society. *Social Media and Society*. 2019. Vol. 5. No. 4. P. 1–12. DOI: [10.1177/2056305119886031](https://doi.org/10.1177/2056305119886031)

11. Carcelén-García S., Narros-González M.J., Galmes-Cerezo M. Digital vulnerability in young people: gender, age and online participation patterns. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 2287115. DOI: [10.1080/02673843.2023.2287115](https://doi.org/10.1080/02673843.2023.2287115)
12. Carney F., Kandt J. Health, out-of-home activities and digital inclusion in later life: Implications for emerging mobility services. *Journal of Transport & Health*. 2022. Vol. 24. P. 101311. DOI: [10.1016/j.jth.2021.101311](https://doi.org/10.1016/j.jth.2021.101311)
13. Chen H., Atkin D. Understanding third-person perception about Internet privacy risks. *New Media & Society*. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 419–437. DOI: [10.1177/1461444820902103](https://doi.org/10.1177/1461444820902103)
14. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy. *European Journal of Social Theory*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 207–226. DOI: [10.1177/1368431017710907](https://doi.org/10.1177/1368431017710907)
15. Dormandy K. Digital whiplash: The case of digital surveillance. *Human Affairs*. 2020. Vol. 30. No. 4. P. 559–569. DOI: [10.1515/humaff-2020-0049](https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0049)
16. Dutt B. Wellbeing Amid Digital Risks: Implications of Digital Risks, Threats, and Scams on Users' Wellbeing. *Media and Communication*. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 355–366. DOI: [10.17645/mac.v11i2.6480](https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6480)
17. Grishchenko N. The gap not only closes: Resistance and reverse shifts in the digital divide in Russia. *Telecommunications Policy*. 2020. Vol. 44. No. 8. P. 102004. DOI: [10.1016/j.telpol.2020.102004](https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.102004)
18. Helsper E.J., Van Deursen A.J.A.M. Do the rich get digitally richer? Quantity and quality of support for digital engagement. *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 700–714. DOI: [10.1080/1369118X.2016.1203454](https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1203454)
19. Hoanca B. The Human Connection Drug: Should Addiction to Social Media Be Legislated Out? *IEEE Technology and Society Magazine*. 2020. Vol. 39. No. 1. P. 61–68. DOI: [10.1109/MTS.2020.2967494](https://doi.org/10.1109/MTS.2020.2967494)
20. Hoffmann C.P., Lutz C. The contextual role of privacy concerns in online political participation. *European Journal of Communication*. 2023. Vol. 38. No. 4. P. 363–379. DOI: [10.1177/02673231221139040](https://doi.org/10.1177/02673231221139040)
21. Hong W., Chan F.K.Y., Thong J.Y.L. Drivers and Inhibitors of Internet Privacy Concern: A Multidimensional Development Theory Perspective. *Journal of Business Ethics*. 2021. Vol. 168. No. 3. P. 539–564. DOI: [10.1007/s10551-019-04237-1](https://doi.org/10.1007/s10551-019-04237-1)
22. Huxhold O., Hees E., Webster N.J. Towards bridging the grey digital divide: changes in internet access and its predictors from 2002 to 2014 in Germany. *European Journal of Ageing*. 2020. Vol. 17. No. 3. P. 271–280. DOI: [10.1007/s10433-020-00552-z](https://doi.org/10.1007/s10433-020-00552-z)
23. Jeon H., Lee C. Internet of Things Technology: Balancing privacy concerns with convenience. *Telematics and Informatics*. 2022. Vol. 70. P. 101816. DOI: [10.1016/j.tele.2022.101816](https://doi.org/10.1016/j.tele.2022.101816)
24. Kalenda S., Kowaliková I. The Digital Exclusion of Vulnerable Children: Challenge for Sustainability Issues in Czech Social Work Practice. *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 23. P. 9961. DOI: [10.3390/su12239961](https://doi.org/10.3390/su12239961)
25. Karaca S., et al. Investigation of the Online Game Addiction Level, Sociodemographic Characteristics and Social Anxiety as Risk Factors for Online Game Addiction in Middle School Students. *Community Ment Health J*. 2020. Vol. 56. No. 5. P. 830–838. DOI: [10.1007/s10597-019-00544-z](https://doi.org/10.1007/s10597-019-00544-z)
26. Kim T., Atkin D.J. How Government Surveillance Policies Modify SNS Use in South Korea. *Journal of Information Policy*. 2019. Vol. 9. P. 214–237. DOI: [10.5325/jinfopoli.9.2019.0214](https://doi.org/10.5325/jinfopoli.9.2019.0214)
27. Kravchenko S.A. Sociology on the move: The demand for the humanistic digital turn. *Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Sociology Series*. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 397–405. DOI: [10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405)

28. Kumar S., Kumar P., Bhasker B. Interplay between trust, information privacy concerns and behavioural intention of users on online social networks. *Behaviour & Information Technology*. 2018. Vol. 37. No. 6. P. 622–633. DOI: [10.1080/0144929X.2018.1470671](https://doi.org/10.1080/0144929X.2018.1470671)
29. Li F. Disconnected in a pandemic: COVID-19 outcomes and the digital divide in the United States. *Health & Place*. 2022. Vol. 77. P. 102867. DOI: [10.1016/j.healthplace.2022.102867](https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2022.102867)
30. Lin Z., Yang L., Zhang Z. To include, or not to include, that is the question: Disability digital inclusion and exclusion in China. *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. No. 12. P. 4436–4452. DOI: [10.1177/1461444818774866](https://doi.org/10.1177/1461444818774866)
31. Lopez-Fernandez O., Freixa-Blanxart M., Honrubia-Serrano M.L. The Problematic Internet Entertainment Use Scale for Adolescents: Prevalence of Problem Internet Use in Spanish High School Students. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16. No. 2. P. 108–118. DOI: [10.1089/cyber.2012.0250](https://doi.org/10.1089/cyber.2012.0250)
32. Mesce M., Cerniglia L., Cimino S. Body Image Concerns: The Impact of Digital Technologies and Psychopathological Risks in a Normative Sample of Adolescents. *Behavioral Sciences*. 2022. Vol. 12. No. 8. P. 255. DOI: [10.3390/bs12080255](https://doi.org/10.3390/bs12080255)
33. Nieminen H. Digital divide and beyond: What do we know of Information and Communications Technology's long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*. 2016. Vol. 31. No. 1. P. 19–32. DOI: [10.1177/0267323115614198](https://doi.org/10.1177/0267323115614198)
34. Ozdemir Z.D., Jeff Smith H., Benamati J.H. Antecedents and outcomes of information privacy concerns in a peer context: An exploratory study. *European Journal of Information Systems*. 2017. Vol. 26. No. 6. P. 642–660. DOI: [10.1057/s41303-017-0056-z](https://doi.org/10.1057/s41303-017-0056-z)
35. Park S., Humphry J. Exclusion by design: intersections of social, digital and data exclusion. *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. No. 7. P. 934–953. DOI: [10.1080/1369118X.2019.1606266](https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1606266)
36. Pensa R.G. Network-aware privacy risk estimation in online social networks. *Social Network Analysis and Mining*. 2019. Vol. 9. No. 15. P. 1–15. DOI: [10.1007/s13278-019-0558-x](https://doi.org/10.1007/s13278-019-0558-x)
37. Pfaffinger K.F. et al. Anxiety in a digitalised work environment. Gruppe. Interaktion. Organisation. *Zeitschrift für Angewandte Organisationspsychologie*. 2020. Vol. 51. P. 25–23. DOI: [10.1007/s11612-020-00502-4](https://doi.org/10.1007/s11612-020-00502-4)
38. Rawassizadeh R. Towards sharing life-log information with society. *Behaviour & Information Technology*. 2012. Vol. 31. No. 11. P. 1057–1067. DOI: [10.1080/0144929X.2010.510208](https://doi.org/10.1080/0144929X.2010.510208)
39. Reneland-Forsman L. 'Borrowed access' — the struggle of older persons for digital participation. *International Journal of Lifelong Education*. 2018. Vol. 37. No. 3. P. 333–344. DOI: [10.1080/02601370.2018.1473516](https://doi.org/10.1080/02601370.2018.1473516)
40. Seifert A., Hofer M., Rössel J. Older adults' perceived sense of social exclusion from the digital world. *Educational Gerontology*. 2018. Vol. 44. No. 12. P. 775–785. DOI: [10.1080/03601277.2019.1574415](https://doi.org/10.1080/03601277.2019.1574415)
41. Taylor K. The social diagnoses of digital addictions: Technophobic ambivalences, the limits of the natural and imperatives of self-governance in the information age. *Sociology of Health & Illness*. 2023. P. 1–19. DOI: [10.1111/1467-9566.13624](https://doi.org/10.1111/1467-9566.13624)
42. Tirado-Morueta R., et al. From Internet access to problematic use: multigroup analysis of push and pull factors. *Behaviour & Information Technology*. 2021. Vol. 40. No. 13. P. 1375–1389. DOI: [10.1080/1369118X.2017.1293708](https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1293708)
43. Van Ingen E., Matzat U. Inequality in mobilizing online help after a negative life event: the role of education, digital skills, and capital-enhancing Internet use. *Information, Communication & Society*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 481–498. DOI: [10.1080/0144929X.2020.1751289](https://doi.org/10.1080/0144929X.2020.1751289)

44. Velicu A., Barbovschi M., Rotaru I. Socially isolated and digitally excluded. A qualitative exploratory study of the lives of Roma teenage mothers during the COVID-19 lockdown. *Technology in Society*. 2022. Vol. 68. P. 101861. DOI: [10.1016/j.techsoc.2022.101861](https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101861)
45. Wéry A., et al. Problematic online sexual activities in men: The role of self-esteem, loneliness, and social anxiety. *Behavior and Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2. No. 3. P. 217–226. DOI: [10.1002/hbe2.193](https://doi.org/10.1002/hbe2.193)
46. Wolfe W.L. Online Drinking: An Exploratory Study of Alcohol Use and Intoxication during Internet Activity. *North American Journal of Psychology*. 2012. Vol. 14. No. 1. P. 61–76.
47. Yildiz Durak H., Kidiman Demirhan E., Citil M. Examining various risk factors as the predictors of gifted and non-gifted high school students' online game addiction. *Computers & Education*. 2022. Vol. 177. P. 104378. DOI: [10.1016/j.compedu.2021.104378](https://doi.org/10.1016/j.compedu.2021.104378)
48. Yu B., et al. E-inclusion or digital divide: an integrated model of digital inequality. *Journal of Documentation*. 2018. Vol. 74. No. 3. P. 552–574. DOI: [10.1108/JD-10-2017-0148](https://doi.org/10.1108/JD-10-2017-0148)
49. Zapletal A. et al. On the triple exclusion of older adults during COVID-19: Technology, digital literacy and social isolation. *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 100511. DOI: [10.1016/j.ssaho.2023.100511](https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100511)
50. Zhu X., Bao Z. Why people use social networking sites passively: An empirical study integrating impression management concern, privacy concern, and SNS fatigue. *Aslib Journal of Information Management*. 2018. Vol. 70. No. 2. P. 158–175. DOI: [10.1108/AJIM-12-2017-0270](https://doi.org/10.1108/AJIM-12-2017-0270)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербаков Роман Андреевич — аспирант, стажер-исследователь, Лаборатория исследований науки и технологий, Институт статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Телефон: +7 (985) 862-25-14. Электронная почта: rashcherbakov@hse.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 1. P. 73–91. DOI: [10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.4)

Research Article

ROMANA. SHCHERBAKOV¹

¹ HSE University

11, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE RISKS OF DIGITALIZATION: SYSTEMATIZATION OF THE SCIENTIFIC FIELD

Abstract. The article is devoted to analyzing and systematizing the digitalization risks that are in the focus of the scientific community. The empirical data is comprised of publications in peer-reviewed journals indexed in Scopus in 2010–2024. Four groups of digitalization risks were identified and described: digital inequality, digital addiction, privacy problems and a group of other risks. The specifics of identifying and gauging risks were revealed. It is shown that privacy risks are identified as a subjective sense of threat by individuals, while both subjective and objective criteria are used to measure the risks of digital dependence and digital inequality. It is concluded that there is a tradition of studying risks in some scientific fields that is absent in others. For example, tools from the field of psychology are widely used to identify and measure digital addiction but are almost absent from the field of sociology. Similarly, different vulnerable groups were found to be exposed to different risks. The focus of digital inequality researchers has been on the elderly as the most exposed to this risk. On the contrary, in studies of digital addiction, young people are the most vulnerable group. Age and digital literacy are mentioned as factors influencing different groups of digital

threats. Despite attempts to identify a single group of factors behind the spread of digitalization risks, the research field remains highly fragmented.

Keywords: digitalization; risks; privacy; digital inequality; digital addiction; digital literacy.

For citation: Shcherbakov, R.A. The Risks of Digitalization: Systematization of the Scientific Field. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 73–91. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.4](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.4)

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Shcherbakov — Postgraduate Student, Research Assistant, Laboratory for Science and Technology Studies, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. **Phone:** +7 (985) 962-25-14. **Email:** rashcherbakov@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 51–74. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74) EDN: [LMITQU](https://www.edn.ru/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74)
Varlamova Yu.A. The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Mir Rossii*. 2022. Vol. 31. No. 2. P. 51–74. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74) (In Russ.)
2. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 3–29. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74) EDN: [LMITQU](https://www.edn.ru/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74)
Vartanova E.L, Gladkova A.A. Digital Divide, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2021. No. 1. P. 3–29. DOI: [10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74) (In Russ.)
3. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10) EDN: [YFOSRV](https://www.edn.ru/10.14515/monitoring.2016.5.10)
Volchenko O.V. Dynamics of the Digital Inequality in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. 2016. No. 5. P. 163–182. DOI: [10.14515/monitoring.2016.5.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10) (In Russ.)
4. Груздева М.А. Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. №. 5. С. 90–104. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.5](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5) EDN: [GSPBDZ](https://www.edn.ru/10.15838/esc.2020.5.71.5)
Gruzdeva M.A. Inclusion of Population in Digital Space: Global Trends and Inequality of Russian Regions. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 90–104. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.5](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5) (In Russ.)
5. Корытникова Н.В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 70–79. EDN: [MNKOAZ](https://www.edn.ru/10.15838/esc.2020.5.71.5)
Korytnikova N.V Internet Dependence and Deprivation as a Result of Virtual Interactions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 6. P. 70–79. (In Russ.)
6. Цой Н. Феномен интернет-зависимости и одиночества // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 98–107. EDN: [ONGKGP](https://www.edn.ru/10.15838/esc.2020.5.71.5)
Tsoi N. The Phenomenon of Internet Addiction and Loneliness. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 12. P. 98–107. (In Russ.)

7. Abbate J. Getting Small: A Short History of the Personal Computer. *Proceedings of the IEEE*. 1999. Vol. 87. No. 9. P. 1695–1698. DOI: [10.1109/5.784256](https://doi.org/10.1109/5.784256)
8. Au-Yeung T.C., Qiu J. Institutions, Occupations and Connectivity: The Embeddedness of Gig Work and Platform-Mediated Labour Market in Hong Kong. *Critical Sociology*. 2022. Vol. 48. No. 7–8. P. 1169–1187. DOI: [10.1177/08969205221090581](https://doi.org/10.1177/08969205221090581)
9. Cook D. The Freedom Trap: Digital Nomads and the Use of Disciplining Practices to Manage Work/Leisure Boundaries. *Information Technology & Tourism*. 2020. Vol. 22. No. 3. P. 355–390. DOI: [10.1007/s40558-020-00172-4](https://doi.org/10.1007/s40558-020-00172-4)
10. Cotton S.R., Anderson W.A., McCullough B.M. Impact of Internet Use on Loneliness and Contact with Others among Older Adults: Cross-Sectional Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 15. Iss. 2. DOI: [10.2196/jmir.2306](https://doi.org/10.2196/jmir.2306)
11. Dunn M. Making Gigs Work: Digital Platforms, Job Quality and Worker Motivations. *New Technol Work Employ*. 2020. Vol. 35. No. 2. P. 232–249. DOI: [10.1111/ntwe.12167](https://doi.org/10.1111/ntwe.12167)
12. Dutton W.H., Rogers E.M., Jun S.-H. Diffusion and Social Impacts of Personal Computers. *Communication Research*. 1987. Vol. 14. No. 2. P. 219–250. DOI: [10.1177/009365087014002005](https://doi.org/10.1177/009365087014002005)
13. Ewald F. Insurance and Risk. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality: With Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Ed. by M. Foucault, et al. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 197–210.
14. Gershuny J. Web Use and Net Nerds: A Neofunctionalist Analysis of the Impact of Information Technology in the Home. *Social Forces*. 2003. Vol. 82. No. 1. P. 141–168. DOI: [10.1353/sof.2003.0086](https://doi.org/10.1353/sof.2003.0086)
15. Gimpel H., Schmied F. Risks and Side Effects of Digitalization: A Multi-Level Taxonomy of The Adverse Effects of Using Digital Technologies and Media. *Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS), Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14, 2019*. Accessed 01.02.2025. URL: https://www.wi.uni-bayreuth.de/pool/Dokumente/ECIS_Risks-and-Side-Effects-of-Digitalization.pdf
16. Kim S. The Diffusion of the Internet: Trend and Causes. *Social Science Research*. 2011. Vol. 40. No. 2. P. 602–613. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2010.07.005](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.07.005)
17. Kim W., Ok-Ran J., Chulyun K., et al. The Dark Side of the Internet: Attacks, Costs and Responses. *Information Systems*. 2011. Vol. 36. P. 675–705. DOI: [10.1016/j.is.2010.11.003](https://doi.org/10.1016/j.is.2010.11.003)
18. Krippendorff K. *Content Analysis: An Introduction to its Methodology*. 4th ed. Los Angeles: SAGE, 2018. 451 p. DOI: [10.4135/9781071878781](https://doi.org/10.4135/9781071878781)
19. Lupton D. *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 204 p. DOI: [10.1017/CBO9780511520778](https://doi.org/10.1017/CBO9780511520778)
20. Meng S.-Q., Cheng J.-L., Li Y.-Y., et al. Global Prevalence of Digital Addiction in General Population: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Clinical Psychology Review*. 2022. Vol. 92. Publication No. 102128. DOI: [10.1016/j.cpr.2022.102128](https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128)
21. Pirkkalainen R., Salo M. Two Decades of the Dark Side in the Information Systems Basket: Suggesting Five Areas for Future Research. *Proceedings of The 24th European Conference on Information Systems. Tel Aviv, Israel, June 9–11, 2014. European Conference on Information Systems*. Article 101. Accessed 01.02.2025. URL: http://aisel.aisnet.org/ecis2016_rp/101
22. Rizk J., Hillier C. Digital Technology and Increasing Engagement among Students with Disabilities: Interaction Rituals and Digital Capital. *Computers and Education Open*. 2022. Vol. 3. Publication No. 100099. DOI: [10.1016/j.caeo.2022.100099](https://doi.org/10.1016/j.caeo.2022.100099)

23. Tarafdar M., Pullins E.B., Ragu-Nathan T.S. Technostress: Negative Effect on Performance and Possible Mitigations. *Information Systems Journal*. 2015. Vol. 25. No. 2. P. 103–132. DOI: [10.1111/isj.12042](https://doi.org/10.1111/isj.12042)
24. Timmermans S., Kaufman R. Technologies and Health Inequities. *Annual Review of Sociology*. 2020. Vol. 46. No. 1. P. 583–602. DOI: [10.1146/annurev-soc-121919-054802](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054802)
25. Whiting R., Symon G. Digi-Housekeeping: The Invisible Work of Flexibility. *Work, Employment and Society*. 2020. Vol. 34. No. 6. P. 1079–1096. DOI: [10.1177/0950017020916192](https://doi.org/10.1177/0950017020916192)
26. Young K.S. *Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery*. N.-Y.: John Wiley & Sons, 1998. 274 p.

Статья поступила в редакцию: 31.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 18.10.2024; принята к публикации: 29.10.2024.

Received: 31.07.2024; revised after review: 18.10.2024; accepted for publication: 29.10.2024.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.5
EDN: NRRIYS

А.В. АГАНОВА^{1,2}, И.В. КАТЕРНЫЙ^{3,4}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

² Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). 123376, Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16А.

³ МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

⁴ Институт социологии ФНИСЦ РАН. 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1.

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: В ПОИСКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика моральной агентности и моральной пациентности искусственного интеллекта (ИИ). В первой части статьи дается обзор основных теоретических аргументов, а также некоторых экспериментальных данных относительно (не)возможности наделения машин моральным статусом. Демонстрируется, что антропоморфизм и анимизм в восприятии ИИ, будучи культурно обусловленными, в значительной мере влияют на моральное признание искусственного интеллекта. Во второй части статьи выделяются основные исследовательские векторы, представляющиеся перспективными для рассмотрения сквозь социологическую призму, в частности: (а) фокусировка на конкретных контекстах взаимодействия с ИИ; (б) поиск социально-культурных различий в приписывании моральной агентности и пациентности, а также в моральных ожиданиях от ИИ, в восприятии проблем, связанных с его использованием; (в) социологическая экспертиза проблем разработки этического дизайна; (г) проблема делегирования морально-релевантных решений ИИ. В завершение статьи проблема морального статуса ИИ моделируется через стратификацию интегрированной моральной ответственности за социальные последствия в человеко-машинных взаимодействиях, в рамках которой выделяются несколько уровней, демонстрирующих усиление морального непризнания ИИ с ростом его автономности и разумности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; моральная агентность; моральная пациентность; мораль; социология морали.

Для цитирования: Аганова А.В., Катерный И.В. Моральный статус искусственного интеллекта: в поисках социологической перспективы // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 92–109. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.5) EDN: NRRIYS

Введение

Как известно, согласно деонтологической этике И. Канта мораль дана человеку не по природе, а благодаря уникальному сочетанию в нем разума и воли. Это делает человека способным не только самоподчиняться долгу, но и относиться к себе, «равно как и всякому разумному существу», как к цели и никогда — как к средству [7, с. 530]. Идеи автономности и рациональности легли в основу всех последующих прокантианских представлений о предельном моральном статусе человека как источнике всякой нормативности [39]. Однако современные технологические разработки в области искусственного интеллекта создают фронтирную зону коммуникаций, чувствительных к моральным обязательствам, где автономность и рациональность более не являются сугубо человеческой привилегией. Характерно, что сам Кант видел в человеке лишь эмпирическое проявление «разумного естества», выступающего как априорное начало императивных нравственных принципов независимо от человеческой природы как таковой [8, с. 182].

Искусственный интеллект (далее — ИИ) за последние полвека очень быстро прошел путь развития от простого калькулятора до сложных нейросетей и роботехнических систем, приближающихся по своим возможностям к индивидуальной человеческой воле и человеческому мышлению (и в определенных сферах превосходящих их). Способность к (само)обучению и адаптации, автономное принятие решений, понимание контекста, обработка естественного языка и другие когнитивные функции приближают ИИ к статусу кантовского «разумного существа» как носителя моральных качеств и производителя моральных последствий. Уже сегодня искусственные агенты делают научные открытия на уровне Нобелевской премии [52], все чаще используются специалистами в качестве источников для вынесения вердиктов о жизни и здоровье людей [33], к ним обращаются за житейским советом и эмоциональной поддержкой [36]. Появляется возможность делегирования не только рутинных практик, но и действий, связанных со сложными управленческими процессами, что существенно расширяет пределы включения искусственных агентов в область институциональных коммуникаций [26]. При этом моральные дилеммы, возникающие перед нечеловеческими акторами, практически никогда не могут быть решены с помощью простых алгоритмических правил [17]. В ситуациях, когда ИИ функционирует с относительной автономией, а сама моральная дилемма не может быть решена однозначным образом, оказывается неясным, кто в конечном счете будет виновен, если произойдет несчастный случай или нарушение прав человека [47].

Включение ИИ в область социальных взаимодействий, влекущих морально-релевантные последствия, актуализирует вопрос о восприятии искусственных акторов в качестве субъектов и объектов морально-релевантных действий (то есть их моральной агентности и моральной пациентности соответственно [12]), другими словами — вопрос восприятия их морального статуса. Между тем проблематика

моральной агентности и пациентности напрямую связана с понятием морального сознания. Это одна из центральных категорий социальной теории, однако внимание к ней снизилось в связи с общим кризисом социологии морали во второй половине XX в. В последние десятилетия предпринимаются попытки ревитализации социологического подхода к изучению моральных явлений [4; 5], но в рамках т. н. новой социологии морали проблематика человеко-машинной коммуникации практически не затрагивается. Однако, на наш взгляд, социологический подход к изучению коммуникации «человек — машина» способен концептуально насытить имеющиеся эмпирические данные в этой области, а кроме того, расширить и саму область изучения морального сознания за счет рассмотрения качественно новых социальных процессов [12].

Таким образом, актуальным становится вопрос морального стратифицирования ИИ¹ в континууме от неодушевленной вещи до самосознающего субъекта как носителя полного морального статуса и тех социальных последствий, к которым ведет это признание. Цель статьи — систематизация основных аргументов в дискуссии о моральном статусе ИИ (разворачивающейся прежде всего в философской традиции), а также обзор некоторых экспериментальных данных (источником которых являются главным образом когнитивные науки) относительно восприятия моральной агентности и пациентности ИИ. Это позволит обозначить потенциально перспективные векторы для социологического изучения проблематики.

Моральный статус ИИ: обзор междисциплинарной теоретической дискуссии и экспериментальных данных

Моральная агентность ИИ

Хотя большинством специалистов все еще признается, что даже самые продвинутые формы ИИ не обладают моральным статусом, сравнимым с человеческим, теоретические подходы к вопросу наделения ИИ моральной агентностью пестрят разнообразием. Согласно самой «мягкой» позиции, для признания актора моральным агентом ему достаточно быть способным совершать морально-релевантные действия (которые, в свою очередь, заключаются в том, чтобы как минимум избегать нанесения вреда) [26]. Авторы, придерживающиеся этой линии, полагают: развитие ИИ требует смены парадигмы в том, что касается критериев наделения акторов моральным статусом. Здесь нужно основываться не на вопросе, какие онтологические свойства присущи машине, а на ее перформативных способностях и на том, какие типы отношений «человек — машина» возможны [41]. Иными словами, вопрос морального статуса ИИ предлагается рассматривать сквозь призму бихевиористского подхода.

В связи с этим одним из наиболее дискуссионных оснований наделения ИИ моральной агентностью выступает интенциональность. Исследователи, апеллирующие к наиболее радикальной точке зрения — невозможности отнесения

¹ В этой статье ИИ будет определяться как область всех человеко-машинных коммуникаций, основанных на имитации человеческого поведения и мышления.

нечеловеческих акторов к категории моральных агентов, — отмечают, что условием интенциональности является наличие сознания [25]. По мысли же других авторов, которые придерживаются более «мягкой» позиции, не стоит рассматривать видимые последствия действий машин исключительно как функцию от интенциональности пользователей, разработчиков и т. д., поскольку таким образом игнорируются эмерджентные способности ИИ. Его самообучаемость, согласно этой точке зрения, требует новой концептуальной основы, признающей определенную свободу действий и «прединтенциональность» [45].

Не менее дискуссионно и другое основание, напрямую связанное с интенциональностью, — ответственность [36]. В качестве одного из аргументов против наделения машины ответственностью (помимо собственно отсутствия интенциональности) приводят невозможность обладания моральным авторитетом [50]. Однако этот тезис оказывается спорным: именно благодаря непрозрачности, функционированию по типу «черного ящика», алгоритмы воспринимаются как более объективные и безошибочные (и тем самым порой незаметно воспроизводят этически спорные решения) [41].

Особое внимание в этой связи получила проблема так называемого «пробела ответственности» (*responsibility gap*), который можно определить как сложности в приписывании и распределении ответственности в ситуациях, когда действия автономных машин повлекли морально-релевантные последствия [32]. В таких случаях остается неясным, где сосредоточивается ответственность при нанесении вреда: лежит ли она на самой системе ИИ (или же на другой технической части, к ИИ не относящейся), на пользователе (который продолжает эксплуатировать систему, несмотря на непонимание принципов ее функционирования), на менеджерах или на разработчиках; эта ответственность индивидуальна, институциональна или распределена между всеми акторами (и если да, то в каких долях) [28; 35]. Разумеется, сложности с распределением ответственности между разными акторами характерны не только для контекстов, где одним из акторов является машина. Однако особенность «пробела ответственности» в случае коммуникации «человек — машина» заключается в том, что вследствие (а) антропоморфизации ИИ и одновременно (б) восприятия алгоритмов как объективных и безошибочных, (в) сложности с отслеживанием цепочки действий, (г) потенциальной эмерджентности поведения машин возникает возможность снятия ответственности (намеренного или ненамеренного) с человеческих акторов [33; 53]. Кроме того, определение ответственных за причинение вреда сторон в значительной мере зависит от уровня абстрактности интерфейса, делающего одни стороны жизненного цикла ИИ видимыми, а другие — невидимыми [51].

Между тем в контексте разработки искусственных агентов, которым может быть делегирована ответственность в морально-релевантных ситуациях, приобретает значение то, в каких дискурсивных рамках разворачивается обоснование необходимости таких разработок. Как правило, наиболее представленными оказываются консеквенциалистские аргументы: например, в дискуссии о беспилотных автомобилях чаще всего звучит тезис о возможности спасти больше человеческих жизней в дорожных происшествиях. Однако подобные обыденные оценки моральной приемлемости, игнорирующие асимметрию (не)благоприятных последствий,

могут быть достаточно упрощенными, становясь тем самым фактором социального неравенства (беспилотные автомобили, не запрограммированные на приоритетность жизни пассажира, скорее всего, окажутся просто невостребованными) [40].

Наконец, если говорить о моральной агентности машин, то выделяются и ряд других оснований, согласно которым ИИ потенциально можно отнести к моральным агентам, — интерактивность, адаптивность и автономность [35]. Причем критерию автономности уделяется довольно пристальное внимание: утверждается, например, что в случае ИИ трактовка автономности как свободы воли неадекватна, поэтому предлагается интерпретировать ее бихевиористски — как способность реагировать на стимулы окружающей среды. Другие интерпретации включают также способность к (относительному) самоуправлению и самоконтролю. В конечном счете автономность машин предлагается определять как способность достигать поставленных целей и воздействовать на окружающую среду в течение некоторого времени без внешних интервенций, а также изменять свои собственные действия (хотя только в предзаданных рамках) [23]. Впрочем, критерий автономности оказывается проблематичным в практической плоскости: экспериментальный опыт демонстрирует, что человек в момент взаимодействия с роботом не способен определить, действует ли тот автономно или управляется оператором [1].

Моральная пациентность ИИ

В отличие от вопроса моральной агентности, проблеме наделения машин моральной пациентностью посвящено не очень много исследований. В частности, предпринимаются попытки разработки измерительных шкал для экспериментальных планов (напр.: [20]). Теоретическую дискуссию по данной проблеме едва ли можно назвать насыщенной. При этом внимание уделяется не столько реконцептуализации понятия моральной пациентности применительно к человеко-машинному взаимодействию (например, обсуждается, должны ли нечеловеческие акторы отвечать антропоцентричным критериям [19]), сколько вопросу о принципиальной возможности отнесения машин к категории моральных пациентов.

В отношении последней проблемы просматриваются два лейтмотива. Во-первых, поднимается вопрос: как при отсутствии способности к субъективному переживанию объект может быть конечным адресатом блага или вреда? По мнению некоторых авторов, сознание не является условием моральной пациентности, а некую сущность можно наделять моральной пациентностью постольку, поскольку она является телеологической системой [42]. Во-вторых, отмечается, что «конечным» моральным пациентом в человеко-машинной коммуникации оказывается сам человек. Последнее аргументируется конструированием социальных роботов преимущественно антропоморфными, что наделяет машину символическим значением [34]. Эксперименты показывают, что насилие по отношению к антропоморфному роботу оценивается так же, как и физический буллинг в адрес человека [21]. Впрочем, эта связь не столь очевидна: например, ролики с нанесением физического вреда антропоморфному роботу вызывают куда больше негативных эмоций, чем ролики с убийством человеческого персонажа компьютерной игры [40] (вероятно, в этом случае на восприятие влияет физическая воплощенность).

Важно также учитывать, что антропоморфизм как фактор морального признания имеет насыщенное культурное происхождение и не является единственно возможным паттерном продвинутой коммуникации с ИИ. В 2023 г. появились результаты кросс-культурного исследования морального отношения к роботам в Японии и США, где подчеркивается особое эмоционально насыщенное восприятие искусственных агентов японцами за счет культурных паттернов анимизма [38]. На то существуют как минимум две базовые причины: культурная и социальная. В контексте культуры повсеместное увлечение робототехникой поддерживается традиционными идеями синто, согласно которым дух Будды живет во всех вещах, включая механические. Если на Западе пугают злобным и бездушным Терминатором, то в Японии робот по своей «духовной» сути ничем не отличается от живого человека. Эмоциональная привязанность к домашнему роботу может соперничать с дружбой с реальным человеком, а похоронить по всем правилам вдруг сломавшуюся любимую роботизированную собачку Айбо не будет считаться отклонением от нормы. Что касается социальной причины, то высокая продолжительность жизни вкупе с низкой рождаемостью и почти нулевой иммиграцией диктует необходимость развития отрасли, способной массово производить эмоциональных роботов-сиделок для пожилых японцев. Все это создает особый коммуникативный паттерн как моральной агентности роботов, так и их моральной пациентности в форме человеческой заботы, эмоциональной привязанности и даже духовной связи с человеком.

Насыщенный моральный статус ИИ как коммуникативного партнера все больше просматривается в активном внедрении в повседневную жизнь встроенных голосовых помощников (в навигаторах, телефонах, умных колонках, умных домах) и виртуальных операторов. Общение с подобными собеседниками создает двойственную ситуацию сопряжения человеческой и нечеловеческой онтологий, что способно вызывать морально значимые эффекты. Когда компания Google представила в 2018 г. голосовую технологию Duplex, способную самостоятельно звонить абоненту и разговаривать неотличимым от человека образом (меняя интонации, делая паузы, запинаясь и даже делая оговорки), эксперты посчитали подобную антропоморфизацию неэтичной и даже жуткой [43], что заставило компанию-разработчика ввести правило для робота: обязательно представляться в начале любого разговора. Впоследствии доступ к этой технологии и вовсе ограничили. В целом же антропоморфность влияет на восприятие роботов нелинейным образом: чувство аффекта и отвращения, вызываемое чрезмерным антропоморфным реализмом, получило название «зловещей долины» — *uncanny valley* (существуют и другие вариации этого феномена — «зловещий обрыв» (*uncanny cliff*) или «зловещая стена» (*uncanny wall*) [9].

Отечественные исследования также показывают, что ставшие сегодня обыденными разговоры с роботами-операторами по телефону эффективны, только когда абонент понимает, что разговаривает с ИИ, и адаптивно смешивает паттерны общения «как с человеком» и «как с машиной», тем самым рефлексивно помогая преодолеть онтологический разрыв и достичь целей коммуникации [11]. Активное социальное вовлечение голосовых роботов в повседневную жизнь наиболее интенсивно ведет к росту их воспринимаемой моральной агентности и пациентности. Все большая рутинизация коммуникативных ситуаций с участием машин неиз-

бежно очеловечивает ИИ, наделяя его моральными качествами и ожиданиями, которые могут восприниматься как положительно, так и отрицательно. Например, способность умных колонок всегда быть включенными и слышать разговоры домоладцев включает паттерны поведения, характерные для присутствия чужих людей [10]. Пользователи могут избегать частных разговоров в присутствии колонки или стараться не разглашать чувствительную информацию. В то же время необходимость произнесения имени для активации умной колонки (так называемое *wake-word*) укрепляет восприятие голосового помощника как обладающего собственной личностью. Некоторые, говоря о своих помощниках, часто прибегают к гендерным местоимениям («она»). При этом те пользователи, которые называют голосовых помощников личными местоимениями, с большей вероятностью используют их для ведения бесед, в то время как другие, обозначающие помощников как объект («оно»), больше склонны воспринимать их как технологический девайс, обеспечивающий определенный функционал. Кроме того, голосовые ассистенты используются, как правило, в частном пространстве дома, что также побуждает относиться к ним как к партнерам по взаимодействию. В представлении пользователя голосовые помощники также могут играть разнообразные роли — не только партнера по взаимодействию, но и друга, личного помощника, слуги или эксперта [27]. Разговорные сюжеты заигрываний, сексуальные оскорбления и даже домогательства также возможны в ситуации феминизации коммуникативного интерфейса ИИ [13]. Таким образом, способ категоризации голосового помощника, степень его антропоморфизации имеют некоторую соотнесенность со стратегиями его использования [27].

ИИ в морально-релевантных контекстах: перспективы социологического подхода

По словам С. Хитлин и С. Вейзи, область интереса новой социологии морали охватывает не только нормы и ценности, но и нарративы, идентичности, институты, символические границы и когнитивные схемы, социальные и исторические различия в восприятии морального, а также социальные процессы, создающие и поддерживающие определенные концепции морали [37].

Между тем изучение приписывания моральных метакачеств ИИ в настоящее время является прежде всего стезей когнитивных наук (впрочем, как и исследования морали в целом). Это, в свою очередь, приводит к фокусировке на экспериментальных планах, оставляя без должного внимания конкретные контексты взаимодействия. С одной стороны, представляется, что в условиях бурного развития ИИ (а значит, и меняющихся практик) такая фокусировка неизбежно будет приводить к неполноте знаний о приписывании моральных метакачеств ИИ. С другой — в условиях продолжающейся институционализации новой социологии морали невнимание к актуальным проблемам несет для нее риск оказаться за бортом научной дискуссии [4].

В связи с этим можно выделить несколько векторов, потенциально перспективных для рассмотрения проблемы морального статуса ИИ через социологическую призму.

Прежде всего, восприятие моральных метакачеств ИИ может варьироваться в зависимости от контекста взаимодействия (например, в случае согласия/несогласия с решениями машины, при относительно беспроблемном протекании взаимодействия или в случае существенных «поломок», в приватной или публичной обстановке и т. д. [18]). Без внимания в настоящее время остается и поиск социальных различий — не только в приписывании агентности и пациентности, но и в восприятии моральной способности ИИ и моральных проблем, связанных с его использованием (или, напротив, в восприятии преимуществ делегирования морально-релевантных решений). В частности, интерес может представлять различие между обыденным и профессиональным знаниями о работе алгоритмов (например, представления об их объективности, стратегии объяснения принятых алгоритмом морально-релевантных решений и восприятие источника этих решений). Проблема агентности и пациентности ИИ трактуется профессионалами как вопрос экспертной разработки ценностно-сенситивного дизайна и нормативного регулирования инструментов машинного обучения и больших данных для эффективной имплементации соответствующих этических кодексов («Кодекс этики в сфере ИИ», «Сбер: Принципы этики ИИ», “Ethics guidelines for trustworthy AI”, “Montréal Declaration for Responsible Development of Artificial Intelligence”, “Principles for Accountable Algorithms and a Social Impact Statement for Algorithms” и др.). Кодификация моральной повестки также сталкивается здесь с проблемами ответственности в контуре «общество — разработчики — собственники — искусственный интеллект». Требуют социологической экспертизы несколько взаимосвязанных проблем разработки «этического дизайна»: (а) универсальные гуманитарные проблемы (человеческая автономность и независимость, защита данных); (б) экспертный надзор (подконтрольность обществу); (в) ценностный детерминизм (борьба с имплементацией предрассудков, предубеждений, нелегального контента в ИИ); (г) корпоративизм как локус этического контроля (проблема ИИ как частной собственности больших корпораций); (д) социально ответственные проектирование и эксплуатация ИИ (соблюдение всех международных конвенций, прав человека в разработке и работе ИИ); (е) прозрачность технологии (информированность населения о рисках ИИ; например, допустимо ли не быть информированным о том, что медицинский или юридический совет был дан человеку чат-ботом).

Заслуживает внимания и дальнейший поиск социально-культурных различий в моральных ожиданиях от ИИ. Подтверждением этому служит известное глобальное онлайн-исследование Массачусетского технологического института 2016–2017 гг. «Моральная машина», которое собрало мнения почти 40 миллионов людей со всех уголков мира об их моральных предпочтениях в ситуации столкновения с различными вариантами т. н. проблемы вагонетки² [17]. Респондентам предоставлялась возможность морально взвесить жизни людей и животных, пас-

² «Проблема вагонетки» (англ. — *Trolley problem*) — мысленный этический эксперимент, согласно классической версии которого на пути неуправляемой вагонетки привязаны пять человек. Они погибнут, если вагонетка продолжит двигаться. Можно перевести стрелки, и в таком случае вагонетка поедет по второму пути, к которому привязан один человек. Предполагается, что ИИ должен научиться видеть моральные дилеммы подобного рода и принимать максимально взвешенное решение, например, в случае дорожной аварии беспилотного транспорта.

сажиров и пешеходов, женщин и мужчин, молодых и старых, стройных и не очень, представителей высшего и низшего классов, большее и меньшее количество жертв в ситуации жизни и смерти. В итоге были выявлены значительные гендерные, региональные, культурные и институциональные различия морального выбора. Но три вывода более или менее объединяют всех: предпочтение людей животным, молодых — людям старшего возраста и спасения большего количества жизней — меньшему. Хватит ли этих принципов для разработки экспериментальной этики ИИ, все еще неясно. По мнению исследователей, будущим производителям необходимо учитывать особенности местных моральных кодексов в тех регионах, где традиции накладывают сильный отпечаток на коллективные представления.

При рассмотрении разных моделей восприятия ИИ в морально-релевантных контекстах следует решать и задачу теоретического насыщения. Важным шагом в этом является переход от понятий, по Г. Абенду [16], «тонких» (например, приемлемость) к «насыщенным», имеющим культурные и институциональные предпосылки (например, справедливость). Логично предположить, что чувствительность к различным «насыщенным» моральным концептам может варьироваться в зависимости не только от контекста, но и от других переменных, включая такие ценности, как технооптимизм, технопатернализм и технопессимизм.

Что касается делегирования морально-релевантных решений ИИ, то экспериментальные данные демонстрируют: принятие машинами морально-релевантных решений вызывает интуитивное отторжение. Однако представление об алгоритмах как о более непредвзятых и экспертных по сравнению с людьми, по всей видимости, помогает подобное отторжение преодолевать [24]. Исходя из этого интерес может представлять то, какие факторы влияют на приемлемость и желательность делегирования морально-релевантных решений ИИ. Такими факторами могут выступать воспринимаемые символические выгоды, связанные с личной идентичностью «первопроходца» новых технологий [27] или же, например, восприятие интенциональности алгоритма и его способности к субъективному переживанию. Изучение этих факторов вновь должно учитывать контекстуальность: во-первых, можно предположить, что для тех ИИ, которые воплощают роль личного ассистента, подчеркнутое интеллектуальное превосходство машины может оказываться нежелательным. Во-вторых, при делегировании морально-релевантных решений приобретает значение то, где проходят границы допустимого делегирования (например, в зависимости от чувствительности контекста). В-третьих, делегирование морально-релевантных решений предполагает и изучение того, в каких дискурсивных рамках разворачивается обоснование необходимости подобных разработок (или, напротив, их опасности). И, в-четвертых, это рефлексивное восприятие человеком собственной агентности (в том числе в тех организационных контекстах, где алгоритмизация оказывается вынужденной). Здесь явно прослеживается напряженность между повышением эффективности (а также символическими выгодами) и непрозрачностью алгоритмических архитектур выбора.

С учетом сказанного социологическое обоснование получает разработка модели моральной классификации ИИ на основе идеи иерархии морального статуса как реляционного феномена [30; 31; 46]. Эволюция моральной феноменологии в сфере зоозащиты, а также биоэтики показывает, что нечеловеческие субъекты и объекты могут располагаться на разных уровнях социального признания — от пренебрежимого

статуса (например, в качестве еды) до юридического приравнивания прав некоторых видов к правам человека. В этом смысле проблема моральной пациентности ИИ, в частности, может быть решена в рамках теории когнитивной эквивалентности, представленной Г. Шевлиным, где он сопоставляет когнитивный статус машин и животных с последующими моральными выводами. Это означает, что ИИ-систему следует считать «психологическим моральным пациентом» в той мере, в которой она обладает когнитивными механизмами, общими с другими субчеловеческими существами, каковых мы также считаем обладающими подобным статусом [48]. Однако непрозрачность подобных сравнений даже на экспертном уровне и нерешенность проблемы агентности заставляют искать более редуцированные подходы. Как показали эксперименты с буллингом, инкультурированная этика добродетели также требует, чтобы наше отношение к нечеловеческим объектам отвечало нормам «человечности» или «цивилизованности». Таким образом, проблема морального статуса ИИ может быть представлена как стратификация интегрированной моральной ответственности за социальные последствия в человеко-машинных взаимодействиях, в рамках которой можно выделить несколько уровней пациентности и агентности, демонстрирующих кумулятивный эффект моральной декогеренции ИИ, то есть усиление морального непризнания с ростом его автономности и разумности (см. рис.).

Пирамида морального статуса (МС) искусственного интеллекта

(1) Пациентный моральный статус ИИ получает как источник утилитарного блага и объект норм добродетели, что подразумевает непричинение ему вреда, необходимый уход и заботу со стороны человека как проявление морального патернализма по отношению к тому, что призвано служить человеку и повышать качество его жизни. Многочисленные свидетельства добровольной помощи прохожих застрявшим роботам-курьерам на улицах Москвы являются примером спонтанного поведения подобного рода [14]. Помимо сугубо деривативной ценности нечто, имеющее внутреннюю целостность, телеологию и динамические свойства («метаболизм»), претендует на ценность само по себе вне зависимости от того, живой это организм или искусственное создание, а значит, дополнительно отвечает требованиям минимального морально-пациентного статуса [22]. В то же время, как было показано, антропоморфизм или анимизм в восприятии воплощенного

ИИ сильно влияет на степень эмоционального отклика людей. Последующие уровни представленной пирамиды подразумевают не исключение, а надстраивание моральных статусов ИИ как превосходящих друг друга по степени агентности и одновременно усиливающих моральную декогеренцию.

(2) Пренебрежимый агентный моральный статус имеют все существующие модели ИИ, которые полностью основаны на программном коде и не способны к эмерджентному поведению. Операциональная моральная и юридическая ответственность здесь всегда возлагается на человеческих агентов — собственника, разработчика и оператора ИИ (в случае нарушения прав человека) либо пользователя (в случае эксплуатации ИИ ненадлежащим образом). В эту категорию входят почти все существующие модели ИИ, включая нейросети уровня System 1 и беспилотный транспорт вплоть до четвертого уровня автономности, однако проблема «пробела ответственности», неизбежно возникающая в данном случае, сама может иметь морально сомнительные решения. Характерно, что после пяти лет мучительного судебного разбирательства по делу о гибели пешехода от тестируемого автопилота компании Uber в 2018 г., все закончилось добровольным признанием вины тестировщика, сидевшего за рулем, а сама компания избежала наказания, хотя недоработки программного уровня были доказаны. То же самое произошло в случае ДТП с человеческими жертвами в 2019 г. с участием автопилота Tesla: ответственным был признан водитель, а не компания [49].

(3) Разделенный (с человеком) морально-агентный статус могут иметь те технические разработки, которым вменяется способность к автономному принятию решений, самообучению и функциональной интенциональности в контингентных (заранее непредусмотренных) условиях выбора. Передовые нейронные сети, различные экспертные системы в медицине, судебной системе, финансовом анализе, беспилотный транспорт пятого уровня автономности, а также действующие модели автономного беспилотного оружия подпадают под эту категорию, но имеют функционально ограниченную моральную чувствительность, поскольку их инструментальная эффективность превалирует над этичностью руководящих принципов. Многочисленные случаи дискриминации, несправедливых рекомендаций, нарушений частной жизни фиксируются в практике внедрения подобных систем по всему миру (подробнее см.: [15]). Уже на этом уровне проблема ИИ как «максимизатора скрепок» (Н. Бостром) не может быть решена эффективно сугубо средствами имплементации нормативных систем, а значит, ответственность и моральная подотчетность в таких формах человеко-машинного взаимодействия оказываются функционально эфемерными. Непроста еще в 2015 г. С. Хокинг и более сотни других ученых подписали открытое письмо против исследований в области автономного летального оружия [2], а в 2023 г. уже более 30 тыс. человек подписали новое письмо с призывом заморозить обучение более продвинутых LLM-систем, нежели ChatGPT-4, из-за рисков моральной непрозрачности [44]. Тем не менее дальнейшая разработка профессиональных этических кодексов, например в логике «морали сотрудничества», допускает возможность создания более робастных и транспарентных протоколов функционирования ИИ с обязательным участием экспертной панели [6].

(4) На делегированный морально-агентный статус уже претендуют нейросети поколения System 2 или супер-ИИ (AlphaGo, Strawberry). В отличие от ИИ первого поколения, который лишь эмулировал когнитивные процессы на основе перебора

тысяч и миллионов готовых решений и информационного ассортимента, System 2 не симулирует автономность и рациональность, а создает принципиально новый опыт, обладая своеобразным копирайтом на производство решений. Супер-ИИ демонстрирует качества морально обязанного субъекта: память о собственном прошлом, самооценку, способность рассуждать и принимать решения, не основанные на регенерации шаблонов, а творческие, исходящие из ситуации здесь и сейчас. Подобные системы приобретают не только когнитивную свободу, но и морально значимые конечные цели (интерес к выживанию), как живые существа. Однако уровень их моральной компетентности остается «серой зоной», поэтому широкое применение нечеловеческого разума сталкивается с моральным парадоксом: чем больше машина похожа на человека, тем меньше у нее шансов на социальное признание. Различные конечные цели у двух равных моральных систем (человеческой и искусственной) могут вступать в противоречие друг с другом (моральная конкуренция), а общая инструментальная сходимости (преследование таких целей, как самозащита, самосовершенствование, поддержание полезности, расширение доступа к ресурсам и др.) делает такой конфликт почти неизбежным. Именно поэтому такие системы имеют (пока) строго ограниченное применение (игра в го, например).

(5) Полный моральный статус. Эту высшую ступень моральной классификации всегда занимал человек, так как степени его автономности и рациональности, как предполагал Кант, уникальны и нормативны. Появление ИИ как морально обязанной и обязывающей личности, равной человеку, потенциально вступает в противоречие с самой идеей его моральной пациентности и имеет настолько непредсказуемые последствия, что возникает превентивная ответственность за недопущение появления подобных созданий. Дж. Баррат, автор книги с красноречивым названием «Последнее изобретение человечества», предлагает как можно скорее заключить специальное международное соглашение, предусматривающее программирование апоптоза (самоуничтожения) постъюринговых компьютерных систем при достижении ими определенного уровня развития [3, с. 266–269]. Однако с социологической точки зрения развитие ИИ следует рассматривать как институциональный, а не сугубо технический вопрос. Поэтому запуск «сильного ИИ» как социотехнической структуры так или иначе будет сдерживаться механизмами социального морфостаза, которые призваны отслеживать институционально значимые угрозы уже на уровне национальной безопасности, — так же, как это происходило в прошлом с ядерным оружием. Культурные, экономические, юридические ограничения тоже будут накладывать отпечаток на перспективы разработок в этой сфере, ведя к созданию скорее более слабых, но индигенизированных, то есть локальных, ценностно насыщенных, и при этом конкурирующих систем ИИ в различных регионах мира.

Важно также подчеркнуть, что «народное» описание когнитивного статуса продвинутого ИИ гораздо более склонно присваивать ему качества агентности, нежели экспертные оценки. Последние эксперименты показывают, что большинство людей считают, например, ChatGPT «имеющим опыт сознания» [29]. И чем интенсивнее «общение» с этой нейросетью у испытуемого, тем больше у него уверенности в этом. Случаи, когда ИИ в восприятии самих людей толкал их на попытки убийства и самоубийства, также имеются. Явное расхождение экспертных и «народных» оценок возможностей ИИ способно существенно повлиять на развитие дискурса о его моральном статусе в ближайшем будущем.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что проблематика приписывания ИИ моральных метакачеств, несмотря на свою обширность, имеет все же достаточно много лакун, которые довольно сложно закрыть инструментами поведенческих и когнитивных наук, в рамках которых она сейчас наиболее активно изучается. Представляется, что внимание к этой проблемной области со стороны социологии, включая социологию морали, способно серьезным образом ее расширить и обогатить. Несмотря на развитие преимущественно в смежных научных областях, проблематика морального статуса ИИ является безусловно социологической ввиду лиминальности социального положения искусственных акторов и вариативности социально-культурных и институциональных контекстов, стоящих за восприятием их в качестве моральных агентов и пациентов. Это позволяет относить понятие морального статуса к «насыщенным» концептам (в то время как в когнитивных науках в фокусе рассмотрения находятся «тонкие» представления [16]). В условиях моральной декогеренции ИИ, то есть усиления его морального непризнания с ростом автономности и разумности, основой социологически значимого понимания проблемы морального статуса ИИ оказываются такие факторы, как «народные» представления об ИИ, доминирующие ценностно-нормативные комплексы, а также риски институциональной безопасности. Пирамида морального статуса ИИ тем не менее демонстрирует, что перспектива наделения искусственных агентов социально и юридически значимыми правами как «лиц нечеловеческой природы» (по примеру защиты прав животных) вполне возможна в недалеком будущем на основе сохранения нормативности антропоцентрической этики. Наконец, социологический взгляд на проблематику морального статуса ИИ, по нашему мнению, не только углубляет обоснование этической экспертизы разработки систем ИИ, но и позволяет внести вклад в понимание человеческой моральной способности в целом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аганова Анастасия Вячеславовна — аспирант, Аспирантская школа по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший аналитик, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). **Телефон:** +7 (495) 772-95-90, доб. 12454. **Электронная почта:** avaganova@hse.ru

Катерный Илья Владимирович — доктор социологических наук, профессор, кафедры социологии, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (495) 225-40-89. **Электронная почта:** yarkus@mail.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 92–109. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.5)

Research Article

ANASTASIA V. AGANOVA^{1,2}, ILYA V. KATERNYF⁴

¹ HSE University.

11, Myasnitskaya st., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Foundation “Public Opinion” (FOM).

15, bl. 16A, Rochdelskaya st., 123376, Moscow, Russian Federation.

³ MGIMO-University.

76, Vernadskogo avenue, 119454, Moscow, Russian Federation.

⁴ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya st., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE MORAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: IN SEARCH OF A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract. The article examines AI from the perspective of moral agency and moral patiency. In the forepart, an overview of the main theoretical arguments as well as some experimental data regarding the (im)possibility of grounding the moral status of intelligent machines is provided. Evidence shows that perceived anthropomorphism and animism, this being culturally dependent, significantly influence the moral recognition of AI. The second part of the article highlights some research perspectives that seem promising for sociology of morality to be applied to the AI field: (a) discrimination of moral situations specific to interaction with AI, (b) discovering the cultural background of moral agency and patiency of AI, (c) expertise in AI code of ethics development, (d) inquiry into AI value alignment when delegating morally relevant decisions. The remainder of the article interprets moral status of AI as a stratification of integrated moral responsibility for social consequences in human-machine interactions and represents a pyramid within which several layers are distinguished, demonstrating the tendency to link the moral ‘non-recognition’ of AI with enhancing its autonomy and ‘consciousness’.

Keywords: AI; moral agency; moral patiency, morality; sociology of morality.

For citation: Aganova, A.V., Katernyi, I.V. The Moral Status of Artificial Intelligence: in Search of a Sociological Perspective. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 92–109. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.5)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Aganova — Postgraduate Student, Doctoral School of Sociology, HSE University; Senior Analyst, Foundation “Public Opinion” (FOM). **Phone:** +7 (495) 772-95-90, ext. 12454. **E-mail:** avaganova@hse.ru

Ilya V. Katernyi — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, MGIMO-University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (495) 225-40-89. **E-mail:** yarkus@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Абрамов Р.Н., Катечкина В.М.* Социальные аспекты взаимодействия человека и робота: опыт экспериментального исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 214–243. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.2.9](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9) EDN: **ASRIAF**
Abramov R.N., Katechkina V.M. Social Aspects of Human-Robot Interaction: Experience of Experimental Research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 214–243. DOI: [10.31119/jssa.2022.25.2.9](https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.9) (In Russ.)
2. Автономное оружие: открытое письмо исследователей ИИ и роботов, 01.09.2017 // Future of Life Institute [электронный ресурс]. Дата обращения 15.03.2020. URL: <https://futureoflife.org/open-letter-autonomous-weapons-russian/>
Open Letter on Autonomous Weapons, 01.09.2017. *Future of Life Institute*. Accessed 15.03.2020. URL: <https://futureoflife.org/open-letter-autonomous-weapons-russian/> (In Russ.)
3. *Баррат Дж.* Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 304 с.
Barrat J. *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era*. Transl. from Eng. Moscow: Alpina non-fikshn publ., 2015. 304 p. (In Russ.)

4. Быков А.В. Когнитивная и аналитическая перспективы в новой социологии морали: основания различия и ключевые особенности // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 26–42. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.2) EDN: FCOYMR
Bykov A.V. The New Sociology of Morality: Cognitive and Analytical Perspectives. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 26–42. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.1.2](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.1.2) (In Russ.)
5. Быков А.В. Понятие морального сознания в социологической традиции // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 26–43. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.3.5362](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5362) EDN: ZIPDET
Bykov A.V. The Concept of Moral Conscience in Sociological Tradition. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 3. P. 26–43. DOI: [10.19181/socjour.2017.23.3.5362](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5362) (In Russ.)
6. Девятко И.Ф. Проблема ориентации искусственного интеллекта на человеческие ценности (AI value alignment) и социология морали // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 16–28. DOI: [10.31857/S013216250027775-5](https://doi.org/10.31857/S013216250027775-5) EDN: QVKPLQ
Devyatko I.F. AI Value Alignment and Sociology of Morality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 16–28. DOI: [10.31857/S013216250027775-5](https://doi.org/10.31857/S013216250027775-5) (In Russ.)
7. Кант И. Критика практического разума / Пер. Н.М. Соколова // Кант И. Сочинения. В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 4. С. 373–479.
Kant I. Critique of Practical Reason. Transl. by N.M. Sokolov. Kant I. *Works. In 8 Vols.* Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: ChORO publ., 1994. Vol. 4. P. 373–479. (In Russ.)
8. Кант И. Основоположения метафизики нравов / Пер. Л.Д.Б. // Кант И. Сочинения. В 8 т. / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 4. С. 153–246.
Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. Transl. by L.D.B. Kant I. *Works. In 8 Vols.* Ed. by A.V. Gulyga. Moscow: ChORO publ., 1994. Vol. 4. P. 153–246. (In Russ.)
9. Катерный И.В. Каузальные объяснения эффекта «зловещей долины» в робототехнике: теории и исследовательские данные // Качество и жизнь. 2017. № 4. С. 88–96 EDN: YOPGDD
Katernyi I.V. Causal Explanations of the Uncanny Valley Effect in Robotics: Theories and Applied Research. *Kachestvo i zhizn*. 2017. No. 4. P. 88–96 (In Russ.)
10. Корбут А.М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 193–216. DOI: [10.14515/monitoring.2021.1.1808](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808) EDN: TKKKDP
Korbut A.M. Domestication of Artificial Intelligence: Smart Speakers and Transformation of Everyday Life. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*. 2021. No. 1. P. 193–216. DOI: [10.14515/monitoring.2021.1.1808](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808) (In Russ.)
11. Максимова А.С. Настройка собеседника: интеракционные барьеры в телефонном разговоре с роботом // Приключения технологий: барьеры цифровизации в России / Л.В. Земнухова и др. М., СПб.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 95–132. DOI: [10.31119/978-5-89697-339-3](https://doi.org/10.31119/978-5-89697-339-3)
Maksimova A.S. Configuring the Interlocutor: Interaction Barriers in a Telephone Conversation with a Robot. *Technology Adventures: Barriers to Digitalization in Russia*. Ed. by L.V. Zemnukhova, et al. Moscow, St. Petersburg: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences publ., 2020. P. 95–132. DOI: [10.31119/978-5-89697-339-3](https://doi.org/10.31119/978-5-89697-339-3) (In Russ.)

12. Нарьян С.К., Быков А.В. Проблема моральной агентности акторов: перспективы социологического подхода в контексте теории «моральной диады» // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 8–23. DOI: [10.19181/socjour.2022.28.1.8835](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8835) EDN: NIJSPT
Naryan S.K., Bykov A.V. The Problem of Moral Agency: Prospects of the Sociological Approach in the Context of the “Moral Dyad” Theory. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 1. P. 8–23. DOI: [10.19181/socjour.2022.28.1.8835](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8835) (In Russ.)
13. Хонинева Е.А. Гендер и дисплей: коммуникативные жанры и способы категоризации во взаимодействии с голосовыми ассистентами // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 95–112. DOI: [10.31119/jssa.2017.20.5.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.6) EDN: ZVMKGF
Khonineva E.A. Gender and Display: Communicative Genres and Ways of Categorization in Interaction with Voice Assistants. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 95–112. DOI: [10.31119/jssa.2017.20.5.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.6) (In Russ.)
14. Широкова М. К роботам-курьерам отнеслись по-человечески, 30.11.2023 // Коммерсантъ [электронный ресурс]. Дата обращения 02.01.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366826>
Shirokova M. Delivery Robots Were Treated Like Human Beings, 30.11.2023. *Kommersant*. Accessed 02.01.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6366826> (In Russ.)
15. Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем / Пер. с англ.; Науч. ред. А. Павлов. М.: Издательский дом ВШЭ, 2024. — 200 с. DOI: [10.17323/978-5-7598-2981-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2981-2) EDN: WYWKGL
Stahl B.C., Schroeder D., Rodrigues R. Ethics of Artificial Intelligence. Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges. Trans. from Eng. Scientific ed. by A. Pavlov. Moscow: Publ. House of HSE, 2024. 200 p. DOI: [10.17323/978-5-7598-2981-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2981-2) (In Russ.)
16. Abend G. Thick Concepts and the Moral Brain. *European Journal of Sociology*. 2011. Vol. 52. No. 1. P. 143–172. DOI: [10.1017/S0003975611000051](https://doi.org/10.1017/S0003975611000051)
17. Awad E., Dsouza S., Kim R., et. al. The Moral Machine Experiment. *Nature*. 2018. Vol. 563. P. 59–64. DOI: [10.1038/s41586-018-0637-6](https://doi.org/10.1038/s41586-018-0637-6)
18. Banks J. A Perceived Moral Agency Scale: Development and Validation of a Metric for Humans and Social Machines. *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 90. P. 363–371. DOI: [10.1016/j.chb.2018.08.028](https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.08.028)
19. Banks J. From Warranty Voids to Uprising Advocacy: Human Action and the Perceived Moral Patency of Social Robots. *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. 8. Art. 670503. DOI: [10.3389/frobt.2021.670503](https://doi.org/10.3389/frobt.2021.670503)
20. Banks J., Bowman N.D. Perceived Moral Patency of Social Robots: Explication and Scale Development. *International Journal of Social Robotics*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 101–113. DOI: [10.1007/s12369-022-00950-6](https://doi.org/10.1007/s12369-022-00950-6)
21. Bartneck C., Keijsers M. The Morality of Abusing a Robot. *Paladyn, Journal of Behavioral Robotics*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 271–283. DOI: [10.1515/pjbr-2020-0017](https://doi.org/10.1515/pjbr-2020-0017)
22. Basl J., Sandler R. Three Puzzles Regarding the Moral Status of Synthetic Organisms. *Synthetic Biology and Morality: Artificial Life and the Bounds of Nature*. Ed. by G.E. Kaebnick, T.H. Murray. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 89–106. DOI: [10.7551/mitpress/9780262019392.003.0009](https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262019392.003.0009)
23. Bertoncini A.L.C., Serafim M.C. Ethical Content in Artificial Intelligence Systems: A Demand Explained in Three Critical Points. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Art. 1074787. DOI: [10.3389/fpsyg.2023.1074787](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1074787)

24. Bigman Y.E., Gray K. People Are Averse to Machines Making Moral Decisions. *Cognition*. 2018. No. 181. P. 21–34. DOI: [10.1016/j.cognition.2018.08.003](https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.08.003)
25. Brożek B., Janik B. Can Artificial Intelligences Be Moral Agents? *New Ideas in Psychology*. 2019. Vol. 54. P. 101–106. DOI: [10.1016/j.newideapsych.2018.12.002](https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2018.12.002)
26. Cervantes J.-A., Lopez S., Rodriguez L.-F., et al. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status. *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 501–532. DOI: [10.1007/s11948-019-00151-x](https://doi.org/10.1007/s11948-019-00151-x)
27. Choi T.R., Drumwright M.E. “OK, Google, Why Do I Use You?” Motivations, Post-Consumption Evaluations, and Perceptions of Voice AI Assistants. *Telematics and Informatics*. 2021. Vol. 62. Art. 101628. DOI: [10.1016/j.tele.2021.101628](https://doi.org/10.1016/j.tele.2021.101628)
28. Coeckelbergh M. Artificial Intelligence, Responsibility Attribution, and a Relational Justification of Explainability. *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 2051–2068. DOI: [10.1007/s11948-019-00146-8](https://doi.org/10.1007/s11948-019-00146-8)
29. Colombatto C., Fleming S. Folk Psychological Attributions of Consciousness to Large Language Models. *Neuroscience of Consciousness*. 2024. No. 1. Art. niae013. DOI: [10.1093/nc/nae013](https://doi.org/10.1093/nc/nae013)
30. DeGrazia D. Moral Status as a Matter of Degree? *Southern Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 46. No. 2. P. 181–198 DOI: [10.1111/j.2041-6962.2008.tb00075.x](https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2008.tb00075.x)
31. DeGrazia D. Robots with Moral Status? *Perspectives in Biology and Medicine*. 2022. Vol. 65. No. 1. P. 73–88. DOI: [10.1353/pbm.2022.0004](https://doi.org/10.1353/pbm.2022.0004)
32. Dong M., Bocian K. Responsibility Gaps and Self-Interest Bias: People Attribute Moral Responsibility to AI for Their Own but not Others’ Transgressions. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2024. Vol. 111. Art. 104584. DOI: [10.1016/j.jesp.2023.104584](https://doi.org/10.1016/j.jesp.2023.104584)
33. Formosa P., Ryan M. Making Moral Machines: Why We Need Artificial Moral Agents. *AI & SOCIETY*. 2021. Vol. 36. No. 3. P. 839–851. DOI: [10.1007/s00146-020-01089-6](https://doi.org/10.1007/s00146-020-01089-6)
34. Friedman C. Human-Robot Moral Relations: Human Interactants as Moral Patients of Their Own Agential Moral Actions Towards Robots. *Artificial Intelligence Research. SACAIR 2021. Communications in Computer and Information Science*. Ed. by A. Gerber. 2020. Vol 1342. P. 3–20. DOI: [10.1007/978-3-030-66151-9_1](https://doi.org/10.1007/978-3-030-66151-9_1)
35. Fritz A., Brandt W., Gimpel H., et al. Moral Agency without Responsibility? Analysis of Three Ethical Models of Human-Computer Interaction in Times of Artificial Intelligence (AI). *De Ethica*. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 3–22. DOI: [10.3384/de-ethica.2001-8819.20613](https://doi.org/10.3384/de-ethica.2001-8819.20613)
36. Gamez P., Shank D.B., Arnold C., North M. Artificial Virtue: The Machine Question and Perceptions of Moral Character in Artificial Moral Agents. *AI & SOCIETY*. 2020. Vol. 35. No. 4. P. 795–809. DOI: [10.1007/s00146-020-00977-1](https://doi.org/10.1007/s00146-020-00977-1)
37. Hitlin S., Vaisey S. The New Sociology of Morality. *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39. No. 1. P. 51–68. DOI: [10.1146/annurev-soc-071312-145628](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145628)
38. Ikari S., Sato K., Burdett E., et. al. Religion-Related Values Differently Influence Moral Attitude for Robots in the United States and Japan. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2023. Vol. 54. No. 6–7. P. 742–759 DOI: [10.1177/00220221231193369](https://doi.org/10.1177/00220221231193369)
39. Korsgaard C. *The Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 273 p. DOI: [10.1017/CBO9780511554476](https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476)
40. Laakasuo M., Herzon V., Perander S., et al. Socio-Cognitive Biases in Folk AI Ethics and Risk Discourse. *AI and Ethics*. 2021. Vol. 1. No. 4. P. 593–610. DOI: [10.1007/s43681-021-00060-5](https://doi.org/10.1007/s43681-021-00060-5)

41. Mittelstadt B.D., Allo P., Taddeo M., et al. The Ethics of Algorithms: Mapping the Debate. *Big Data & Society*. 2016. Vol. 3. No. 2. Art. 205395171667967. DOI: [10.1177/2053951716679679](https://doi.org/10.1177/2053951716679679)
42. Moosavi P. Will Intelligent Machines Become Moral Patients? *Philosophy and Phenomenological Research*. 2023. Vol. 109. No. 1. P. 95–116. DOI: [10.1111/phpr.13019](https://doi.org/10.1111/phpr.13019)
43. O’Leary D.E. GOOGLE’S Duplex: Pretending to Be Human. *Intelligent Systems in Accounting Finance & Management*. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 46–53. DOI: [10.1002/isaf.1443](https://doi.org/10.1002/isaf.1443)
44. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter, 23.03.2023. *Future of Life Institute*. Accessed 09.01.2025. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
45. Redaelli R. Different Approaches to the Moral Status of AI: A Comparative Analysis of Paradigmatic Trends in Science and Technology Studies. *Discover Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 3. No. 1. Art. 25. DOI: [10.1007/s44163-023-00076-2](https://doi.org/10.1007/s44163-023-00076-2)
46. Scheessele M. A Framework for Grounding the Moral Status of Intelligent Machines. *Proceedings of the 2018 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society*. Ed. by J. Furman, G. Marchant, H. Price, F. Rossi. N.-Y.: Association for Computing Machinery, 2018. P. 215–256 DOI: [10.1145/3278721.3278743](https://doi.org/10.1145/3278721.3278743)
47. Shank D.B., DeSanti A., Maninger T. When Are Artificial Intelligence Versus Human Agents Faulted for Wrongdoing? Moral Attributions after Individual and Joint Decisions. *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. No. 5. P. 648–663. DOI: [10.1080/1369118X.2019.1568515](https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1568515)
48. Shevlin H. How Could We Know When a Robot Was a Moral Patient? *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2021. Vol. 30. No. 3. P. 459–471. DOI: [10.1017/S0963180120001012](https://doi.org/10.1017/S0963180120001012)
49. Smiley L. The Legal Saga of Uber’s Fatal Self-Driving Car Crash is Over. *Wired*. July 28, 2023. Accessed 25.12.2024. URL: <https://www.wired.com/story/ubers-fatal-self-driving-car-crash-saga-over-operator-avoids-prison/>
50. Sparrow R. Why Machines Cannot Be Moral. *AI & SOCIETY*. 2021. Vol. 36. No. 3. P. 685–693. DOI: [10.1007/s00146-020-01132-6](https://doi.org/10.1007/s00146-020-01132-6)
51. Sullivan Y.W., Fosso Wamba S. Moral Judgments in the Age of Artificial Intelligence. *Journal of Business Ethics*. 2022. Vol. 178. No. 4. P. 917–943. DOI: [10.1007/s10551-022-05053-w](https://doi.org/10.1007/s10551-022-05053-w)
52. The Nobel Prize in Chemistry 2024. Press-release, 09.10.2024. *The Royal Swedish Academy of Sciences*. Accessed 01.02.2025. URL.: <https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/2024/press-release/>
53. Tsamados A., Aggarwal N., Cows J., et al. The Ethics of Algorithms: Key Problems and Solutions. *Ethics, Governance, and Policies in Artificial Intelligence*. Ed. by L. Floridi. Springer, 2021. P. 97–123. DOI: [10.1007/978-3-030-81907-1_8](https://doi.org/10.1007/978-3-030-81907-1_8)

Статья поступила в редакцию: 12.09.2024; поступила после рецензирования и доработки: 06.03.2025; принята к публикации: 13.03.2025.

Received: 12.09.2024; revised after review: 06.03.2025; accepted for publication: 13.03.2025.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6
EDN: PAIXKU

Н.А. ШМАТКО¹, Ю.В. МАРКОВА²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

² Независимый исследователь, Москва.

«СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» П. БУРДЬЁ: ИСТОРИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается история и интерпретация понятия «социальное пространство» Пьера Бурдьё. С помощью этого понятия Бурдьё описывал совокупность взаимосвязанных социальных явлений, которые поддерживают и отражают друг друга. Он определял социальное пространство как многомерное распределение агентов (индивидуальных или коллективных) по объективным позициям, связанным с распределением эффективных ресурсов или капиталов — экономического, культурного, социального и символического. Капиталы в этом определении концептуализируют природу социального пространства посредством введения в него различных измерений. Согласно Бурдьё, социальное пространство — это результат сложного взаимодействия различных отношений, которые придают социальным позициям их свойства. Позиции социального пространства не существуют до или отдельно от существования отношений — первые конституируются посредством вторых. Изучение социального пространства представляет собой поиск инвариантов. Социология в ее объективистском плане есть социальная топология — осмысление пространственных отношений между социальными позициями в различных вариациях. Социальное пространство у Бурдьё не только структурирует социологическое знание, но и оформляет средства его получения.

Ключевые слова: история социологии; социальное пространство; социальная позиция; социальная структура; количественные методы; гомология; капиталы; габитус.

Для цитирования: Шматко Н.А., Маркова Ю.В. «Социальное пространство» П. Бурдьё: история конструирования понятия // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 110–123. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6 EDN: PAIXKU

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Продолжение будет опубликовано в следующем номере журнала, тема публикации — «Социальное и символическое пространства в социологии П. Бурдьё».

Термин «социальное пространство» отсылает нас к Эмилю Дюркгейму [8; 46]. Изучая как когнитивные, так и эмпирические аспекты социальной жизни, коллективные представления и системы классификации, Дюркгейм сформулировал парадигматическую точку зрения, согласно которой социальное пространство является отражением социальной организации: «...Если мир находится внутри общества, то пространство, занимаемое обществом, сливается с пространством вообще. Мы видели, каким образом каждая вещь обретает свое место в социальном пространстве. А то, что пространство вообще принципиально отличается от конкретных протяженностей, воспринимаемых нашими чувствами, убедительно доказывается тем фактом, что подобное размещение вещей является воображаемым и никоим образом не похоже на то, каким оно могло быть, если бы мы руководствовались чувственным опытом» [8, с. 727]. «Категоризированное» и «разделенное» «социальное пространство» у Дюркгейма выступало сценой, где разворачиваются социальные действия.

Дюркгеймовская трактовка «социального пространства» как категории, выражающей «сущностно социальные вещи» [8, с. 724, 730], резонировала в трудах Пьера Бурдьё. Представляется, что Бурдьё развивал концепцию социального пространства, опираясь на Дюркгейма и в то же время радикально пересматривая его точку зрения [54].

Сейчас «социальное пространство» Бурдьё формирует вокруг себя уважаемую исследовательскую программу (см., например: [9; 10; 38; 41; 42; 45; 49; 53]). Это делает актуальным рассмотрение истории и теоретический анализ данного понятия.

Специфика социологических понятий Пьера Бурдьё

Теория и эмпирия

Проблема соотношения теории и эмпирии всегда находилась в фокусе внимания Бурдьё. В 1992 г. он советовал вкладывать «...наиболее важные теоретические вопросы в тщательно проведенное эмпирическое исследование...» и обращаться «...за решением той или иной канонической проблемы к тематическим исследованиям — как я, например, сделал, вооружившись в попытке понять фетишизм не классическими текстами Маркса или Леви-Стросса, а анализом высокой моды и “марки” кутюрье» [27, р. 250]. Бурдьё полностью отождествлял себя с авторами, «...которые умеют вкладывать наиболее важные теоретические вопросы в тщательно проведенное эмпирическое исследование и которые используют концепции одновременно более скромно и более аристократично, доходя иногда до того, что скрывают свой собственный вклад в творческое переосмысление теорий, которые имманентны их объекту» [27, р. 250].

Помимо баланса теории и эмпирии, Бурдьё постоянно напоминал об открытом характере вводимых им социологических понятий, которые «...определяются только в системе и предназначены для того, чтобы их применять систематически в эмпирической работе... Понятия... могут быть определены лишь в рамках теоретической системы, которую они образуют, а не изолированно» [15, р. 96].

Система понятий Бурдьё выросла из множества отдельных эмпирических исследований. Она скрепляет воедино все его тексты, служит теоретическим каркасом, который на основе, казалось бы, разрозненных эмпирических данных позволяет выстроить целостную картину социального мира. «Вся моя научная деятельность... — писал Бурдьё, — вдохновляется убеждением, что самую глубокую логику социального мира можно схватить, только если погрузиться в детали эмпирической реальности, имеющей конкретное историческое место и время, и конструировать ее как “частный случай возможного”, говоря словами Гастона Башляра, то есть как возможный вариант в конечном пространстве возможных конфигураций» [33, р. 16].

Бурдьё органически сочетал эмпирическую работу, теоретические рассуждения и критическую рефлексию по поводу собственных исследовательских практик. Стремление к саморефлексии нашло свое отражение в таких работах, как «Профессия социолога: эпистемологические предпосылки» [23], «Эскиз теории практики» [17] и «Приглашение в рефлексивную социологию» [15]. По воспоминаниям его коллег и учеников, Бурдьё тщательно относился ко всем исследовательским операциям и бесчисленное количество раз переписывал свои тексты [40; 51; 52]. Как он сам объяснял, многократное возвращение к одним и тем же объектам, к одному и тому же анализу порождали своего рода «...спиралевидное движение, которое позволяло каждый раз достигать более высокой степени ясности и понимания, открывать новые возможности, незамеченные ранее отношения и скрытые свойства» [31, р. 17].

Эмпирическая укорененность, подвижность и взаимосоотнесенность понятий Бурдьё служит основой их эффективности, однако затрудняет понимание: в разных исследованиях понятия могут операционализироваться по-разному, а их тесная взаимосвязь в известной мере препятствует формальным дефинициям. Как писал он сам, «...понятия социального пространства, символического пространства или социального класса никогда не рассматриваются в моей работе сами по себе и для себя. Они применяются и проверяются в рамках исследования, являющегося неразрывно теоретическим и эмпирическим...» [33, р. 16]. Однако если следовать установке Бурдьё, определявшего понятие как «систему вопросов, которые в каждом конкретном исследовании принимают специфическую форму» [34, р. 72], то многое становится ясным.

Эмпирические и обобщающие публикации о социальном пространстве

Понятие социального пространства вырабатывалось постепенно, в ходе отдельных эмпирических исследований, а затем было обобщено в ряде статей, выступлений и книг. Например, Бурдьё изучал социальное пространство на основе как анализа художественной литературы [30], так и социологического опроса [14]. В первом случае он использовал роман Гюстава Флобера «Воспитание чувств», чтобы реконструировать социальное пространство романа и соотнести его с физическим (географическим) пространством Парижа. Во втором случае — провел анкетный опрос, чтобы изучить отношение между социальным пространством (упорядоченным множеством социальных групп) и пространством стилей жизни (вкусов). Однако наиболее полно, с использованием большого массива статистиче-

ских данных, интервью и фотографических материалов проблематика социального пространства реализована в фундаментальной монографии «Различение: социальная критика суждения» [20]². Бурдьё также планировал выпустить книгу (которая так и не была написана), посвященную теме социальных классов и фундаментальным принципам построения социального пространства [50]. Тем не менее он опубликовал несколько статей и сделал серию выступлений на эту тему. Наиболее известна статья «Социальное пространство и генезис “классов”» [5], которую можно рассматривать как дополнение к книге «Различение» [20]. К этой статье логически примыкают работы 1989 г. «Социальное пространство и символическая власть» [6] и «Социальное пространство и символическое пространство» [33]. Они вводят читателя в проблематику книги «Различения». В них Бурдьё формулирует теоретические принципы, лежащие в основе представленного в книге исследования социального пространства Франции 1970-х гг. Позднее, в 1990-е гг., Бурдьё разработал общую теорию социальных полей и социального пространства, которую, как указывают ученики, он планировал изложить в отдельной работе [32; 40].

Первые исследования в Алжире: кабилский дом

Интерес Бурдьё к понятию пространства восходит к самым первым его публикациям. Прежде всего следует указать на статью «Кабилский дом, или Перевернутый мир» [21]³, написанную в начале 1960-х гг. в структуралистском духе. В ней Бурдьё исследовал мифоритуальную систему крестьян Кабилии. В качестве объекта был взят крестьянский дом, выступающий моделью социального мира. В этой работе «дом» понимается одновременно и как жилище, и как группа лиц, связанная узами семейного родства (семья). Описывая кабилский дом, Бурдьё показывает, что и жилище и семья «...организуется вокруг совокупности гомогенных оппозиций: сухое/влажное :: высокое/низкое :: свет/тьнь :: день/ночь :: мужское/женское :: *nif/h'urma* :: оплодотворяющее/оплодотворяемое» [3, с. 526]. При этом каждый член указанных оппозиций «делится на самое себя и на свою противоположность» [3, с. 529]. Так, дом как жилище воспроизводит в уменьшенном масштабе внешний мир, организованный в соответствии с теми же оппозициями, и находится с ним в двойственных отношениях. С одной стороны, он является элементом оппозиции внутреннее/внешнее, где дом соответствует внутреннему полюсу. С другой стороны, будучи уменьшенной копией внешнего мира, дом воспроизводит его структуру и находится с ним в отношении гомологии. Эта же система оппозиций организует социальную жизнь семьи, разделение труда между полами и всю систему ритуалов.

Бурдьё заключает, что «...структура типа $a/b: b1/b2$, безусловно, самая простая и самая действенная из всех, которые только могут быть использованы ритуально-мифической системой, поскольку она не может противопоставлять, одновременно не объединяя, будучи способной интегрировать в одном порядке огромный объем данных, попросту применяя — путем бесконечного повтора — один и тот же принцип разделения» [3, с. 528]. Эта символическая структура

² В дальнейшем для краткости — просто «Различение». На русский язык книга не переводилась, однако читатель может ознакомиться с переводом отрывка, преимущественно из третьей главы, в [4].

³ Переиздавалась в [17] и [26]. На русском языке доступна по изданию [3].

работает одновременно на всех уровнях, при организации как дома (физическое пространство), так и жизни семьи (пространство практик и пространство представлений). Именно она определяет согласованность вещей и практик агентов и наделяет их мифоритуальным смыслом.

Изучение кабийского дома послужило основой и примером для многих более поздних разработок Бурдьё. Здесь мы находим важные для него исследовательские принципы:

- реляционный подход, когда приоритет отдается не социальным агентам и вещам, а отношениям между ними;
- выделение трех уровней анализа: физическое пространство (дом), социальное пространство (семья) и символическое пространство (мифоритуальная система, которая структурирует как физический мир, так и социальный);
- отношения гомологии между различными уровнями реальности (жилище, семья, мифоритуальная система);
- согласованность структур, объективированных в вещах и телах социальных агентов.

Реальное есть реляционное

Основу социологического видения Бурдьё составляет реляционный подход. Как замечает один из его учеников: «Мыслить реляционно — это было для него своего рода навязчивой идеей» [52, р. 120].

Объясняя основания своего подхода, Бурдьё писал: «Социальная наука начинается с радикального отказа от обычного образа мышления. Полностью переверачивая иерархию повседневной реальности, она должна считать более реальными *системы объективных отношений*, недоступные наивному реалистическому восприятию, а не непосредственно воспринимаемые элементы, не то, на что можно указать пальцем, как, например, индивиды, группы или их свойства, — всё то, на чем заканчиваются реалистические “классификации”» [24, р. 4]. Реконструировать и понять систему социальных отношений, которые никогда не даны полностью обыденному сознанию, можно лишь рассматривая свойства агентов как исключительно реляционные, «...как различия, которые возникают у индивидов или групп в их объективных отношениях с другими индивидами или группами» [24, р. 4].

Одна из главных трудностей реляционного анализа заключается в том, что отношения — это не то, что можно наблюдать непосредственно. Гораздо проще представить социальную дифференциацию в виде предсуществующих групп или классов, нежели в виде пространства отношений, которое еще нужно специально конструировать. В большинстве случаев социальные отношения можно зафиксировать лишь «...в форме распределения свойств между индивидами или конкретными институтами, поскольку доступные данные привязаны к индивидам или институтам» [15, р. 230]. Эти распределения, фиксирующие социальные отношения, обычно даны социологу в виде сводных таблиц и больших матриц признаков, которые он визуализирует с помощью диаграмм и графиков, отображающих многомерные данные на двух- или трехмерное пространство. Статистический анализ является «...единственным средством обнаружить структуру социального

пространства» [5, с. 18]. Поэтому реляционный способ мышления плохо согласуется со здравым смыслом и требует больших усилий со стороны исследователя, чем субстантивистский. Такому мышлению противится и сам язык, который «...лучше выражает вещи, чем отношения, лучше определяет состояния, чем процессы» [19, р. 189]. К тому же «...социологи всегда конкурируют с другими специалистами в области репрезентации социального мира, особенно с политиками и медиаэкспертами, которые кровно заинтересованы в таком здравомыслии» [15, р. 15], что создает для социологов дополнительные трудности.

Поэтому, с точки зрения Бурдьё, социология нуждается в понятии социального пространства: «Понятие *пространства* уже само по себе содержит принцип *реляционного* восприятия социального мира: оно действительно утверждает, что вся “реальность” <...> заключается во *взаимных внешних отношениях* составляющих ее элементов. Непосредственно воспринимаемые сущности, будь то индивиды или группы, существуют и продолжают свое существование посредством *различения*, то есть поскольку они занимают *относительные позиции* в пространстве отношений, которое, будучи невидимым и всегда с трудом проявляющим себя эмпирически, является самой реальной реальностью (*ens realissimum*, как говорили схоласты) и реальным принципом поведения индивидов и групп» [33, р. 53].

Что такое социальное пространство?

Социальное пространство как распределение ресурсов: абстрактная модель

Давая общее определение, Бурдьё указывал, что социальное пространство можно изобразить «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» [5, с. 15]. Такая структура способна стимулировать или подавлять — с определенной вероятностью — те или иные практики. Поэтому социальное пространство можно рассматривать как «...совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*» [5, с. 15].

Социальное пространство представляет собой структуру вероятностей сближения или отдаления, социальной близости или дистанции между агентами. В соответствии с идеей социального пространства чем больше общих свойств имеют социальные агенты, тем ближе друг к другу в этом пространстве они располагаются. И наоборот, чем дальше друг от друга социальные агенты расположены в социальном пространстве, тем меньше у них общих свойств. Таким образом расстояния на схеме социального пространства могут быть однозначно соотнесены с социальными различиями [33].

В силу неравномерности распределения активных свойств, в социальном пространстве формируются области, где концентрируются агенты с большим или меньшим объемом ресурсов. Поэтому можно говорить, что социальное пространство ориентированно или имеет положительные и отрицательные полюса [16, р. 94].

Социальное пространство как распределение капиталов: статистическое конструирование

Методической основой социального пространства для Бурдьё послужил «анализ соответствий», разработанный французским статистиком Жаном-Полем Бензекри [11]⁴. Анализ соответствий — метод понижения размерности многомерных категориальных данных, целью которого является определение связей между переменными и между объектами и отображение их на пространство небольшой размерности, чаще всего двумерное. В отличие от некоторых других статистических методов, анализ соответствий не содержит априорных допущений о структуре данных. По словам Бензекри, «...модель должна следовать за данными, а не наоборот» [47, р. 6].

При работе с анализом соответствий в качестве входных данных используется таблица вида «индивиды vs переменные», где на пересечении указаны частоты признаков. Результатом работы алгоритма является численное решение, которое позволяет определить связи между *явными* и *скрытыми* переменными, и визуальное решение, отображающее отношения на плоскость в виде диаграмм рассеяния. При работе с матрицами данных в анализе соответствий различают два вида переменных: *активные* и *пассивные*. Активные переменные используются для построения пространства признаков, а пассивные рассматриваются как дополнительные и интерпретируются вместе с активными.

Получаемые диаграммы можно рассматривать как своего рода «социальные» карты. Группы (индивиды), имеющие сильные положительные связи, будут расположены близко друг к другу, а группы (индивиды), располагающие сильными отрицательными связями, окажутся далеко друг от друга. В общем случае, чем ближе друг к другу в таком пространстве расположены группы (индивиды), тем больше они похожи, и наоборот (подробнее см.: [47]).

Бурдьё впервые использовал анализ соответствий в работе «Анатомия вкуса» [14], а затем в своем наиболее известном труде «Различение» [20]. В дальнейшем Бурдьё применял анализ соответствий почти во всех своих крупных эмпирических исследованиях: *Homo academicus* [18], «Государственная знать: высшие школы и корпоративный дух» [22], «Консервативная революция в издательстве» [37], «Социальные структуры экономики» [29].

В «Анатомии вкуса» [14] и «Различении» [20] социальное пространство строилось на основе таблиц сопряженности, где объектами наблюдения служили «профессиональные группы». В качестве активных переменных выступали атрибуты образа жизни (стиль одежды, отношение к изобразительному искусству, музыке, еде), а в качестве пассивных переменных — социально-демографические характеристики респондентов. Пассивные свойства не включались в конструирование социального пространства, но интерпретировались вместе с атрибутами

⁴ Необходимо указать на различия между простым и множественным анализами соответствий. В первом случае в качестве входных данных используются частоты таблиц сопряженности, во втором — матрицы индикаторов вида «индивиды vs переменные» (подробнее см.: [13]). Простой анализ соответствий использовался в 1960–1970-х гг., когда не хватало компьютерных мощностей для обработки больших матриц вида «индивиды vs переменные». Сегодня таких ограничений не существует, поэтому исследователи используют множественный анализ соответствий. Для упрощения изложения мы будем везде писать «анализ соответствий», подразумевая в том числе и множественный анализ соответствий.

образа жизни и использовались для описания осей пространства. Таким образом, метод анализа соответствий позволил одновременно изучать данные, относившиеся как к образу жизни, так и к социальным позициям.

Первые два измерения полученного решения Бурдьё обозначил как «...структура капитала (экономического и культурного) и объем капитала, или, при повороте осей на 45 градусов, как экономический и культурный капиталы. Пассивные переменные (социально-демографические характеристики) он использовал, чтобы подтвердить интерпретацию этих измерений» [13, р. 210]. Полученное эмпирическое решение позволило Бурдьё утверждать, что агенты в социальном пространстве «...распределены в первом измерении по общему объему имеющегося у них капитала во всех его видах, и во втором измерении — по структуре их капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме капитала, которым они располагают» [6, с. 70]. Отсюда следует, что социальное пространство есть «...структура распределения различных типов и подтипов капитала», которая «...образует имманентную структуру социального мира...» в определенный момент времени [7, с. 520]. Объем и структура капиталов выступают в качестве универсальных факторов, структурирующих социальный мир, а капиталы оказываются конкретно-историческими формами ресурсов практик⁵. Социальное пространство, построенное подобным образом, представляет собой «...совокупность ограничений, вписанных в саму реальность этого мира, надежно контролирующих его функционирование и определяющих шансы на успех тех или иных практик» [7, с. 520].

Обобщая результаты своих исследований, Бурдьё выделял три основных типа капиталов: экономический, культурный и социальный, а также дополнительный, так называемый символический капитал, или капитал признания. В зависимости от исторической ситуации и сферы деятельности, капитал «...может выступать в трех основных обличиях: *экономического капитала*, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме права собственности; *культурного капитала*, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций; *социального капитала*, образованного социальными обязательствами (“связями”), который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например в форме аристократического титула» [7, с. 521]⁶. В свою очередь символический капитал — это «...любой вид капитала (экономический, культурный, образовательный или социальный), когда он воспринимается в соответствии с категориями восприятия, принципами видения и деления, системами или схемами классификации или когнитивными схемами, которые <...> являются результатом инкорпорации объективных структур конкретного поля» [33, р. 161]⁷. В качестве примеров символического капитала Бурдьё анализировал известность, честь, доверие.

⁵ Например, рассуждая о государствах советского типа, Бурдьё предположил, что в этом случае главными могут оказаться политический и культурный капиталы, а не экономический и культурный, как это было в случае Франции. Это должно быть связано с тем, что в силу отсутствия частной собственности на средства производства роль экономического капитала в этих государствах оказалась сниженной, а на его место заступил политический капитал [33].

⁶ Подробнее о понятии капитала см.: [39; 43; 44; 48].

⁷ Подробнее о понятии символического капитала см.: [1; 2; 36].

Социальное пространство и анализ соответствий: избирательное сродство

Рассмотрим подробнее вопрос отношения между абстрактной моделью социального пространства и способом его конструирования в социологическом исследовании. Прежде чем обратиться к анализу соответствий, Бурдьё предпринял несколько попыток представить социальные отношения как пространство.

Работая в Алжире, Бурдьё применял различные инструменты классификации и визуализации собранного эмпирического материала. Например, он пытался использовать перфокарты: «...Когда я попробовал собрать в одной круговой схеме имеющуюся информацию по календарю земледельческих работ, то столкнулся с бесчисленными противоречиями, пытаясь зафиксировать одновременно более определенного числа основных оппозиций. Подобные же затруднения бесконечно возникали, как только я пытался сопоставить соответствующие схемы разных областей практики: если я определял одну совокупность соответствий, то другая, бесспорно установленная, становилась невозможной и так далее» [3, с. 26]. Для фиксации практических оппозиций, наблюдавшихся в земледельческих ритуалах, женских занятиях, годовых циклах и т. п., Бурдьё строил различные диаграммы, которые «...придавали наглядную форму связям по гомологии или по оппозиции, сохраняя при этом линейный порядок временной последовательности» [3, с. 25].

Вспоминая об исследовании стилей жизни, которое впоследствии переросло в монографию «Различение», Моник де Сент Мартен рассказывала, что Бурдьё и сотрудники Центра европейской социологии «...долго искали способы пространственного представления данных, имеющих более двух измерений» [50, р. 22]. В начале 1970-х гг. Бурдьё сотрудничал с известным французским картографом Жаком Бертаном [*Jacques Bertin*], чтобы понять, как лучше визуализировать имевшиеся данные [40]⁸. Решение было найдено только с появлением анализа соответствий Бензекри, который позволял одновременно изучать два взаимосвязанных пространства: индивидов и их свойства. По словам де Сент Мартен, «Бурдьё был одним из первых во Франции, кто стал применять этот статистический метод, поскольку он позволял получать графические представления, своего рода “карты”, социальные пространства или поля, связанные с социальными характеристиками индивидов и групп» [40, р. 196].

Метод анализа соответствий активно использовался Бурдьё, потому что по своей сути совпадал с его пространственным пониманием социальных отношений. Бензекри, так же как и Бурдьё, исходил из эпистемологического постулата, что реальное есть реляционное⁹. Поэтому неслучайно, что между социологическим видением социальных отношений Бурдьё и методом анализа соответствий существовало «избирательное сродство»: «...те, кто знаком с принципами множественного анализа соответствий, поймут сходство между этим методом математического анализа и мышлением в терминах поля» [34, р. 70]. В другом месте Бурдьё пояснял:

⁸ См., например, работу «Категории профессорского понимания» [25] или «Стратегии реконверсии: социальные классы и система образования» [28], где использовались матрицы в стиле Бертана.

⁹ Заметим, что Бензекри и Бурдьё были знакомы еще в годы учебы в Высшей нормальной школе (École normale supérieure). Бурдьё получил образование в области гуманитарных наук, Бензекри — в области естественных. С тех пор они поддерживали связь друг с другом [12; 13].

«Если я широко использую анализ соответствий, вместо, например, многомерной регрессии, то потому, что анализ соответствий есть реляционный метод анализа данных, философия которого в точности соответствует тому, что, на мой взгляд, представляет собой реальность социального мира. Это техника, которая “мыслит” в терминах отношений...» [15, р. 96]. Для Бурдьё анализ соответствий оказался не просто статистической техникой, а выражением его идеи. Этот метод дал ему язык и инструменты, чтобы эксплицировать свою социологическую интуицию.

Социальное пространство как множество позиций: социологическая классификация

Как мы уже отмечали, социальное пространство представляет собой структуру распределения различных типов капитала. Агенты в этом пространстве располагаются не произвольно, а согласно имеющимся ресурсам: в соответствии с общим объемом и структурой капитала. Агенты, обладающие сходными наборами социальных свойств, оказываются в таком пространстве ближе друг к другу, а обладающие различными наборами — дальше друг от друга. На основе пространственной близости агентов можно объединить в *социальные позиции*, или классы в логическом смысле слова. Такие социальные позиции выступают элементами объяснительной классификации, «...совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике» [5, с. 17]. Отсюда следует, что социальное пространство есть «...множество отдельных и сосуществующих позиций, внешних по отношению друг к другу и определяющих друг друга посредством *взаимного задания границ* и отношений близости, соседства или удаленности, а также отношений порядка, таких как выше, ниже и *между*» [33, р. 20]. Социальное пространство можно представить как территорию или поле, разрезанное на отдельные участки (позиции). Неслучайно Бурдьё иногда использовал глагол «разрезать» (*découper*), когда писал об определении позиций.

Построенная по таким принципам социологическая классификация «...является действительно объяснительной: она не ограничивается описанием множества классифицированных реальных объектов, но, как хорошая таксономия естественных наук, связана с существенными свойствами, которые <...> позволяют предсказать другие свойства и которые различают и объединяют агентов, максимально похожих друг на друга и максимально отличающихся от представителей других близких или удаленных классов» [33, р. 25]. Это возможно, потому что свойства социальных агентов или институтов «...предстают в сочетаниях, имеющих очень неравную вероятность: так же, как у животного, покрытого перьями, больше вероятности иметь крылья, чем у животного, покрытого шерстью, у обладателей изящной речи больше шансов быть увиденными в музее, чем у тех, кто ею не владеет» [6, с. 77].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шматко Наталья Анатольевна — кандидат философских наук, заведующий сектором, Центр статистики и мониторинга образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (926) 273-37-73. **Электронная почта:** nshmatko@hse.ru

Маркова Юлия Владимировна — кандидат социологических наук, независимый исследователь. **Электронная почта:** yulia.markova@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 110–123. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6

Research Article

NATALIA A. SHMATKO¹, YULIA V. MARKOVA²

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Independent Researcher, Moscow.

“SOCIAL SPACE” OF PIERRE BOURDIEU: HISTORY OF CONCEPT CONSTRUCTION

Abstract. The article deals with the history and interpretation of Pierre Bourdieu’s concept of “social space”. With the help of the concept, Bourdieu described a set of interrelated social phenomena that support and reflect each other. He defined social space as a multidimensional distribution of agents (individual or collective) over objective positions determined by the distribution of effective resources or capitals — economic, cultural, social and symbolic. Capitals conceptualize the nature of social space by introducing different dimensions into it. According to Bourdieu, social space is the result of a complex interplay of various relations that give social positions their properties. Social positions within this space do not exist separately from or prior to these relationships — they are constituted by them. The study of social space is a search for invariants. Sociology according to Bourdieu is a social topology — the understanding of spatial relations between social positions in different variations. Bourdieu’s social space not only structures sociological knowledge, but also provides methods for obtaining it.

Keywords: history of sociology; social space; social position; social structure; quantitative methods; homology; capitals; habitus.

For citation: Shmatko, N.A., Markova, Yu.V. “Social Space” of Pierre Bourdieu: History of Concept Construction. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 110–123. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.6

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Shmatko — Candidate of Philosophical Sciences, HSE University.

Phone: +7 (926) 273-37-73. **Email:** nshmatko@hse.ru

Yulia V. Markova — Candidate of Sociological Sciences, Independent Researcher.

Email: yulia.markova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бурдьё П. Генезис и структура поля религии / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Под ред. Н.А. Шматко. СПб., М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 7–74.
Bourdieu P. The Genesis and Structure of the Field of Religion. Transl. from French by O.I. Kirichik. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 7–74. (In Russ.)
2. Бурдьё П. О символической власти / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социология социального пространства / Под ред. Н.А. Шматко. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 87–96.

- Bourdieu P. About Symbolic Power. Transl. from French by N.A. Shmatko. Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 87–96. (In Russ.)
3. Бурдьё П. Практический смысл / Под ред. Н.А. Шматко. СПб.; М.: Алетея; Институт экспериментальной социологии, 2001. — 562 с. EDN: [QOGTMH](#)
Bourdieu P. Practical Meaning. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2001. 562 p. (In Russ.)
 4. Бурдьё П. Различение: Социальная критика суждения (фрагменты) / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 537–565.
Bourdieu P. Discernment: A Social Critique of Judgment (Fragments). Transl. from French by O.I. Kirchik. *Western Economic Sociology: A Textbook of Modern Classics*. Ed. by V.V. Radaev. Moscow: ROSSPEN publ., 2004. P. 537–565. (In Russ.)
 5. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социология социального пространства / Под ред. Н.А. Шматко. СПб., М.: Алетея, Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 14–48.
Bourdieu P. Social Space and the Genesis of “Classes”. Transl. from French by N.A. Shmatko. Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 14–48. (In Russ.)
 6. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Бурдьё П. Социология социального пространства / Под ред. Н.А. Шматко. СПб., М.: Алетея, Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 64–86.
Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power. Transl. from French by N.A. Shmatko. Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Ed. by N.A. Shmatko. St Petersburg; Moscow: Aleteiya, Institute of Experimental Sociology publ., 2005. P. 64–68. (In Russ.)
 7. Бурдьё П. Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.
Bourdieu P. The Forms of Capital. Transl. from Eng. by M.S. Dobryakova. *Western Economic Sociology: A Textbook of Modern Classics*. Ed. by V.V. Radaev. Moscow: ROSSPEN publ., 2004. P. 519–536. (In Russ.)
 8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. В.В. Земсковой. М.: Элементарные формы, 2018. — 808 с.
Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. Transl. from French by V.V. Zemskova. Moscow: Elementarnye formy publ., 2014. 808 p. (In Russ.)
 9. Atkinson W. Charting Fields and Spaces Quantitatively: From Multiple Correspondence Analysis to Categorical Principal Components Analysis. *Quality & Quantity*. 2024. Vol. 58. No. 1. P. 829–848. DOI: [10.1007/s11135-023-01669-w](#)
 10. Atkinson W., Schmitz A. The German Social Space and Its Homologies: National Variation on a Basic Structure. *Current Sociology*. 2024. Vol. 72. No 1. P. 168–191. DOI: [10.1177/00113921221100582](#)
 11. Benzécri J.-P. *Correspondence Analysis Handbook*. N.-Y.: Marcel Dekker, 1992. 665 p. DOI: [10.1201/9780585363035](#)
 12. Benzécri J.-P. L'Analyse des données: Histoire, bilan, projets,..., perspective. *La Revue MODULAD*. 2006. No. 35. P. 1–5. Accessed 12.09.2024. URL: <http://modulad.fr/archives/numero-35/Benzecri-35/Benzecri-35.pdf>

13. Blasius J., Schmitz A. Empirical Construction of Bourdieu's Social Space. *Visualization and Verbalization of Data*. Ed. by J. Blasius, M.J. Greenacre. N.-Y.: Chapman & Hall/CRC, 2014. P. 247–264. DOI: [10.1201/b16741-19](https://doi.org/10.1201/b16741-19)
14. Bourdieu P., Saint Martin M. de. Anatomie du goût. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1976. Vol. 2. P. 2–81. DOI: [10.3406/arss.1976.3471](https://doi.org/10.3406/arss.1976.3471)
15. Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 348 p.
16. Bourdieu P. Espace social et champ politique. *Propos sur le champ politique*. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2000. P. 93–97.
17. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie Kabyle*. Genève: Librairie Droz, 1972. 269 p. DOI: [10.3917/droz.bourd.1972.01](https://doi.org/10.3917/droz.bourd.1972.01)
18. Bourdieu P. *Homo academicus*. Paris: Éditions de Minuit, 1984. 320 p.
19. Bourdieu P. *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*. Ed. by M. Adamson. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. 236 p. DOI: [10.1515/9781503621558](https://doi.org/10.1515/9781503621558)
20. Bourdieu P. *La distinction: Critique sociale du jugement*. Paris: Éditions de Minuit, 1979. 680 p.
21. Bourdieu P. La maison kabyle ou le monde renversé. *Échanges et communications II. Mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss à l'occasion de son 60-ème anniversaire*. Dir. J. Pouillon, P. Maranda. Berlin: De Gruyter Mouton, 1970. P. 739–758. DOI: [10.1515/9783111698281-002](https://doi.org/10.1515/9783111698281-002)
22. Bourdieu P. *La noblesse d'État: Grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Éditions de Minuit, 1989. 576 p.
23. Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. *Le métier de sociologue: Préalables épistémologiques*. Paris: Mouton, 1968. 359 p. DOI: [10.1515/9783112322062](https://doi.org/10.1515/9783112322062)
24. Bourdieu P., Saint Martin M. de. Le patronat. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1978. Vol. 20. No 1. P. 3–82. DOI: [10.3406/arss.1978.2592](https://doi.org/10.3406/arss.1978.2592)
25. Bourdieu P., Saint Martin M. de. Les catégories de l'entendement professoral. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1975. Vol. 1. No 3. P. 68–93. DOI: [10.3406/arss.1975.3413](https://doi.org/10.3406/arss.1975.3413)
26. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Éditions de Minuit, 1980. 475 p.
27. Bourdieu P. *Les règles de l'art: Genèse et structure du champ littéraire*. Paris: Éditions du Seuil, 1992. 480 p.
28. Bourdieu P., Boltanski L., Saint Martin M. de. Les stratégies de reconversion: Les classes sociales et le système d'enseignement. *Social Science Information*. 1973. Vol. 12. No 5. P. 61–113. DOI: [10.1177/053901847301200503](https://doi.org/10.1177/053901847301200503)
29. Bourdieu P. *Les structures sociales de l'économie*. Paris: Éditions du Seuil, 2000. 289 p.
30. Bourdieu P. L'invention de la vie d'artiste. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1975. Vol. 1. No 2. P. 67–93. DOI: [10.3406/arss.1975.2458](https://doi.org/10.3406/arss.1975.2458)
31. Bourdieu P. *Méditations pascaliennes: Éléments pour une philosophie négative*. Paris: Éditions du Seuil, 1997. 316 p.
32. Bourdieu P. *Microcosmes: Théorie des champs*. Paris: Raisons d'agir, 2021. 700 p.
33. Bourdieu P. *Raisons pratiques: Sur la théorie de l'action*. Paris: Éditions du Seuil, 1994. 251 p.
34. Bourdieu P. *Science de la science et réflexivité: Cours du Collège de France 2000–2001*. Paris: Raison d'agir, 2001. 240 p.
35. Bourdieu P. *Sociologie générale. Vol. 1. Cours au Collège de France (1981–1983)*. Dir. P. Champagne, J. Duval, F. Poupeau, M.-C. Rivière. Paris: Éditions du Seuil, 2015. 730 p.
36. Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic Capital and Social Classes. *Journal of Classical Sociology*. 2013. Vol. 13. No 2. P. 292–302. DOI: [10.1177/1468795X12468736](https://doi.org/10.1177/1468795X12468736)

37. Bourdieu P. Une révolution conservatrice dans l'édition. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1999. Vols. 126–127. No 1. P. 3–28. DOI: [10.3406/arss.1999.3278](https://doi.org/10.3406/arss.1999.3278)
38. *Bourdieu et les Amériques: Une internationale scientifique: genèse, pratiques et programmes de recherche*. Dir. A. Garcia, M.-F. Garcia Parpet, F. Poupeau, et al. Éditions de l'IHEAL, 2023. 364 p. DOI: [10.4000/books.iheal.11110](https://doi.org/10.4000/books.iheal.11110)
39. Desan M.H. Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model. *Sociological Theory*. 2013. Vol. 31. No 4. P. 318–342. DOI: [10.1177/0735275113513265](https://doi.org/10.1177/0735275113513265)
40. Ducourant H., Eloire F. Entretien avec Monique de Saint Martin. *Revue Française de Socio-Économie*. 2014. Vol. 13. No 1. P. 191–201. DOI: [10.3917/rfse.013.0191](https://doi.org/10.3917/rfse.013.0191)
41. *Empirical Investigations of Social Space*. Ed. by J. Blasius, F. Lebaron, B. Le Roux, A. Schmitz. Cham: Springer Cham, 2019. 440 p. DOI: [10.1007/978-3-030-15387-8](https://doi.org/10.1007/978-3-030-15387-8)
42. Flemmen M., Jarness V., Rosenlund L. Social Space and Cultural Class Divisions: The Forms of Capital and Contemporary Lifestyle Differentiation. *The British Journal of Sociology*. 2018. Vol. 69. No 1. P. 124–153. DOI: [10.1111/1468-4446.12295](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12295)
43. Fulkerson G.M., Thompson G.H. The Evolution of a Contested Concept: A Meta-Analysis of Social Capital Definitions and Trends (1988–2006). *Sociological Inquiry*. 2008. Vol. 78. No 4. P. 536–557. DOI: [10.1111/j.1475-682X.2008.00260.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-682X.2008.00260.x)
44. Grenfell M. *Pierre Bourdieu: Key Concepts*. L.: Routledge, 2014. 304 p. DOI: [10.4324/9781315729923](https://doi.org/10.4324/9781315729923)
45. Jarness V. Viewpoints and Points of View: Situating Symbolic Boundary Drawing in Social Space. *European Societies*. 2018. Vol. 20. No 3. P. 503–524. DOI: [10.1080/14616696.2017.1371317](https://doi.org/10.1080/14616696.2017.1371317)
46. Mauss M., Durkheim É. *De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives*. Paris: PUF, 2017. 150 p. DOI: [10.4000/lectures.23208](https://doi.org/10.4000/lectures.23208)
47. *Multiple Correspondence Analysis and Related Methods*. Ed. by M. Greenacre, J. Blasius. N.-Y.: Chapman & Hall/CRC, 2006. 608 p. DOI: [10.1201/9781420011319](https://doi.org/10.1201/9781420011319)
48. Neveu E. Bourdieu's Capital(s): Sociologizing an Economic Concept. *The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu*. Ed. by T. Medvetz, J.J. Sallaz. Oxford University Press, 2018. P. 347–374. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199357192.013.15](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199357192.013.15)
49. Reed-Danahay D. Bourdieu and Social Space: Mobilities, Trajectories, Emplacements. N.-Y.; Oxford: Berghahn, 2020. 170 p. DOI: [10.2307/j.ctv1dwqlm3](https://doi.org/10.2307/j.ctv1dwqlm3)
50. Saint Martin M. de. From “Anatomie du goût” to “La Distinction”. Attempting to Construct the Social Space. Some Markers for the History of the Research. *The Routledge Companion to Bourdieu's Distinction*. Ed. by P. Coulangeon, J. Duval. L.: Routledge, 2015. P. 15–28.
51. Saint Martin M. de. Le sens du terrain et la pratique de la recherche. *Rencontres avec Pierre Bourdieu. Textes rassemblés par Gérard Mauger*. Dir. G. Mauger. Bellecombès-en-Bauges: Croquant, 2005. P. 69–80.
52. Schmitz A. An Interview with Frédéric Lebaron on the Genesis and Principles of Bourdieusian Sociology: The Real Is (Still) Relational. *Theory, Culture & Society*. 2017. Vol. 35. No 6. P. 113–130. DOI: [10.1177/0263276417742705](https://doi.org/10.1177/0263276417742705)
53. Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory*. Cambridge: Polity Press, 2023. 288 p.
54. Wacquant L. Durkheim and Bourdieu: The Common Plinth and Its Cracks. *The Sociological Review*. 2001. Vol. 49. No. 1. P. 105–119. DOI: [10.1111/j.1467-954X.2001.tb03536.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2001.tb03536.x)

Статья поступила в редакцию: 24.09.2024; поступила после рецензирования и доработки: 15.01.2025; принята к публикации: 20.01.2025.

Received: 24.09.2024; revised after review: 15.01.2025; accepted for publication: 20.01.2025.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.7
EDN: RLBUGL

Н.В. КОРЫТНИКОВА¹

¹ Страсбургский университет.
4, rue Blaise Pascal, 67081, Strasbourg Cedex, France.

НЕЛИНЕЙНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Б.З. ДОКТОРОВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ¹

Аннотация. Нелинейный биографический анализ является авторской методологией Б.З. Докторова и применяется в науковедческом проекте по истории советской/российской социологии. Показано, что такой биографический анализ основан на следующих принципах. Принципом «толстое настоящее» обозначается познание через ретроспективное и перспективное углубление в предмет анализа с точки зрения сегодняшних реалий. Постоянное уточнение, дополнение и переписывание с одновременным учетом прошлого и современности обеспечивает полноту истории жизни. Другой принцип проекта — многомерность, когда в биографическом поиске применяются разнообразные средства описания жизни ученого, в частности совмещаются историзм и мемуарность. Принцип стратификации «биографического подпространства» акцентирует внимание на неразрывности индивида и социального окружения, плавном перетекании общих и внешних факторов проживания в уникальные и внутренние детали жизненной траектории. Этическая позиция нелинейного биографа допускает принцип пристрастности как признание в предрасположенности и эмпатии. Такой принцип рассматривается как преимущество, помогающее избежать догмы объективности и охватить любые практики и процессы прошлого. Неразрывность личности и творчества в истории науки указывает на человекоцентричность нелинейного анализа как на еще один его принцип. Кроме институциональных признаков включаются неформальные связи, коммуникационные сети, внутренние мотивации и установки, что позволяет сохранить значимость личностных факторов в истории науки. Делается вывод, что методология нелинейного биографического анализа Б.З. Докторова ориентирована на глубину раскрытия биографии и полноту понимания личности.

Ключевые слова: Б.З. Докторов; биографический анализ; нелинейность биографического анализа; науковедение; «толстое настоящее»; многомерность; стратификация «биографического подпространства»; пристрастность; человекоцентричность.

¹ Автор выражает благодарность Б.З. Докторову за консультации, поддержку и уделенное время при подготовке материала.

Для цитирования: Корытникова Н.В. Нелинейный биографический анализ Б.З. Докторова: методологические принципы // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 124–139. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.7) EDN: RLBUGL

Введение

Биографические исследования представляют собой отдельную традицию в социальных науках [6; 7]. Началом развития указанного направления послужила интерпретационная парадигма Чикагской школы, когда У. Томас и Ф. Знанецкий включили жизненные записи в источниковую базу социологических данных. В последующем исследователи экспериментировали в рамках своих теоретических конструкций и разрабатывали специальные аналитические процедуры для жизненных описаний. Интерес социологов к индивидуальным историям привел к размышлениям о биографическом повороте: «Пока не будет показано, что индивиды видоизменяют общество, что они являются социальной силой, до тех пор, в конечном счете, мало чего можно будет ожидать от изучения социального мира с биографической точки зрения» [9, с. 18]. Мобилизация биографических подходов и методов увеличивается по мере распространения концепций и методологических инструментов [11]. Например, Б. Лаир разрабатывает методологию социологической биографии [14], П. Кайпайнен предлагает в биографическом анализе применять акторно-сетевую теорию [13].

Отдельное направление написания биографий — науковедческие исследования, объектом изучения которых являются ученые. Высоким образцом научных биографий считаются книги историка и социолога науки Б.Г. Кузнецова². Становлением и спецификой жанра интеллектуальной биографии занимаются историки Д.М. Володихин, Л.П. Репина, М.А. Базанов [1], которые в жизнеописание ученого включают не только профессиональную карьеру, библиографический анализ, но и личностную характеристику, информацию о социокультурной среде. Актуальность исследований по истории социологической науки подтверждает инициатива New Voices, заявленная на ежегодном собрании Американской социологической ассоциации (ASA) в Нью-Йорке в 2019 г. [12]. Данная статья ограничивается рассмотрением специфики методологии биографических исследований только в рамках российской социологии.

Научная биографика российских социологов впервые начала разрабатываться в исследованиях Г.С. Батыгина [8]. Для него биографические нарративы служили источником данных про структурные отношения в системе воспроизводства научного результата, указывали на динамику социальных взаимосвязей, обозначали критерии научного престижа. В отличие от предложенного Батыгиным институционального аспекта научной биографии, Л.А. Козловой представлен социально-культурный подход, при котором на основе множества переменных осуществляется переход от субъективного к объективному содержанию, производится «вторичная» интерпретация, учитываются три уровня социокультурной объ-

² Б.З. Докторов посвятил ученому два сборника: Б.Г. Кузнецов — историк, философ и социолог науки. — URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=11>; Кабинет биографического анализа им. Б.Г. Кузнецова. — URL: <https://proza.ru/avtor/bdbd80&book=2> (дата обращения 25.02.2025).

ективации [4]. Разнообразие биографического материала, собранного социологами и касающегося истории социологии, можно наблюдать в американско-российском проекте «Международная биографическая инициатива» (IBI), общее руководство которым осуществляли Б. Докторов и Д. Шалин³. Этот проект посвящен истории российской социологии постхрущевского периода, где много внимания уделяется методологии биографического исследования.

На данном этапе существует широкий спектр подходов к исследованию истории науки. Историко-наукоеведческий проект Б.З. Докторова отличается последовательным выстраиванием концепции и масштабностью собранной автором базы данных, что привлекает внимание к изучению его методологии. В анализ биографий социологов Докторов вводит социоисторический контекст. Его предмет исследования — «биографичность творчества» социологов, — понимаемый как связь их идей и интересов с особенностями и событиями личных биографий, привел к рассмотрению истории социологии через перекрестный анализ общей истории (история в биографиях) и личностной презентации (биография в истории). Принципиальная позиция и задача Бориса Зусмановича — отталкиваться в первую очередь от личности социолога и даже от инициирования внутреннего диалога с исследуемым ученым, через индивидуальную оптику биографа показать функциональные сдвиги в науке и стратификацию поколений социологов. Оригинальность социологического подхода Докторова состоит в том, что в силу своих исследовательских задач на определенных этапах проекта он отходит от классических критериев научности. Его познавательные приемы включают интуицию и иррациональность, исследовательский поиск с постоянным обогащением уже достигнутого знания, личностное восприятие, а форма изложения характеризуется элементами литературности. При этом результаты нелинейного биографического анализа являются объективными, систематическими, воспроизводимыми описаниями жизни. Таким образом, науковедческий масштабный проект по истории российской социологии Б.З. Докторова является авторским проектом, который занимает особое положение в научной биографике, а потому заслуживает рассмотрения специфики его методологических оснований. Цель статьи — обобщить авторскую методологию и выделить принципы нелинейного биографического анализа Б.З. Докторова, используемые для исследования истории советской/российской социологии.

Концепт «нелинейности»

В биографике как научном направлении история жизни строится так, что не только включает формальный перечень событий и фактов, но и выявляет причины и последствия произошедшего для человека, его профессии, семьи, общества в целом. Каузальная цепочка становится базой для биографического анализа, который чаще всего строится в хронологическом порядке. Во время интервью респондент придерживается прямой последовательности своих жизненных этапов, а между ними добавляет собственную рефлексию, предлагает свое объяснение происходящего, демонстрирует отношение и установки к социальной ситуации.

³ См. сайт: Международная биографическая инициатива (IBI). University of Nevada, Las Vegas. — URL: <https://cdclv.unlv.edu/mission/index2.html> (дата обращения 25.02.2025).

Особенностью науковедческого проекта Б.З. Докторова является то, что строго линейный порядок изложения биографии становится нелинейным, то есть прерывается в связи с необходимостью заполнить пробелы в знаниях о биографируемом, которые могут возникнуть по причине недостаточного знакомства с личностью ученого, в зависимости от степени доступности творчества социолога и меры открытости биографических фактов. «Свободно написанная биография может быть и линейной, и нелинейной, это может быть просто набор, мозаика жизненных коллизий героя, передающих ключевые моменты его биографии, это даже могут быть портреты людей из его окружения»⁴. Поэтому приходится довольствоваться стихийным комментированием разрозненных сюжетов и обрывочностью собранных материалов. Кроме этого, нарушение линейного хода биографического интервью обуславливается также практикой исторического поиска. «К примеру, иногда через какое-то время, когда все известное мне о жизни и деятельности того или иного человека было проанализировано и описано, — пишет Докторов, — обнаруживалось, что ранее не известный мне человек встречался с моим героем и оставил о нем ценные воспоминания. Этот новый сюжет мог не иметь четкой временной прописки, но интересным образом характеризовал как говорящего, так и того, о ком он говорил. Нахождение на уже созданном портрете места для новой краски иногда бывало очень сложным делом, но я стремился найти его, поскольку это придавало дополнительную объемность сделанному ранее» [3, т. 1, с. 152].

Надо отметить, что в проекте Б.З. Докторова используются как линейный, так и нелинейный подходы, сочетание которых помогло реализовать историко-социологическое исследование на двух уровнях: на макро- (интервью с социологами) и микроуровне (биографии социологов). Вводя концепт «нелинейность», Б.З. Докторов не призывает отказываться от хронологического изложения. В задачи нелинейного биографического анализа входит уловить в творческой биографии уникальное, актуальное, значимое для будущего науки. Поэтому Б.З. Докторов предлагает отталкиваться от собственного исследовательского интереса с ориентацией на сегодняшние взгляды на историю и социологическую науку. Оригинальность методологии нелинейного биографического анализа заключается в необычном порядке изложения, стихийности сюжетных линий, неожиданных поворотах. Биографии без строгой хронологичности и с акцентом на индивидуальность личностей ученых заслуживают внимания и способствуют развитию научной биографики. Таким образом, нелинейность биографического сюжета становится основой для авторской методологии биографического анализа. Методология Б.З. Докторова строится на следующих принципах науковедческого исследования: *«толстое настоящее»*, *многомерность*, *принцип стратификации «биографического подпространства»*, *пристрастность*, *человекоцентричность истории социологии*.

⁴ Из личной переписки с Б.З. Докторовым.

Принципы нелинейного биографического исследования

«Толстое настоящее». Познание через ретроспективное и перспективное углубление в предмет анализа

«За счет “освоения” прошлого наше настоящее наращивается, “утолщается”, становится более объемным, обеспечивает лучшее видение, понимание реальности, делает более отчетливым будущее»⁵

Б.З. Докторов подходит к изучению жизни ученых через призму современности с фокусом на приближение прошлого. По его мнению, использование их первоначальных идей и результатов проведенных исследований открывает путь к пониманию нынешней реальности, «историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее»⁶. Докторов отталкивается от своей трактовки настоящего: «Я убежден, что нет “гладкого”, “гомогенного”, “постоянного” настоящего. Настоящее — это огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации»⁷. В ходе аналитической работы каждый новый эпизод из прошлого, каждый новый биографический слой, каждое новое открытие пережитого настроения обволакивают настоящее, увеличивают его понимание, дополняют эмоциями и тем самым объемнее, глубже, полнее раскрывают героя. В работах Докторова прямо не упоминается применение герменевтического анализа в ходе обработки качественной информации, но методическое описание указывает на использование идей герменевтики как аналитических инструментов для оперирования полученными данными. По Х.-Г. Гадамеру и К. Гирцу, в герменевтических кругах расширяется единство понятого смысла и концентрируется новое знание. Множественные пересмотры обеспечивают прогресс в поиске дополнительных значений. Погружение в прошлое допускает мысленное возвращение в настоящем к своей личной истории для рефлексии относительно своих прежних взглядов, разнообразит интерпретации мотиваций и последствий произошедших поступков.

«Толстое настоящее» уточняет предмет анализа, на порядок шире раскрывает его грани и способствует лучшему объяснению и моделированию будущего. «В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками — как то: вчера, сегодня, завтра, — но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от “сегодня” (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений» [3, т. 1, с. 76]. Так, ориентация на демократизацию и либерализацию постсоветского периода способствовала пересмотру прошлого, и предлагался другой фон описания советской эпохи. Использование принципа «толстого настоящего»

⁵ Цитата из «Предисловия к третьему изданию» девятитомника Б.З. Докторова [3]. — URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/intro_3.htm (дата обращения.15.03.2025).

⁶ Из личной переписки с Б.З. Докторовым.

⁷ Цитата из «Предисловия к третьему изданию» девятитомника [3]. — URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/intro_3.htm (дата обращения.15.03.2025).

сделало уместным дополнение биографий в плане изучения семейного происхождения, особенностей воспитания, что потребовало возобновления исторических поисков, архивных запросов.

Далее появилось стремление регулярно пересматривать биографию, возвращаться к интервью и обсуждать новые эпизоды. Переход из прошлого в современность заставляет заново выстраивать логику жизнеописания и обнаруживать необоснованно забытые факты. «Невозможно освободиться от мысли о том, что настоящее — лишь точка в развитии различных процессов. Пришло осознание того, что прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, что в каждой его клеточке существует “свое” прошлое, настоящее и будущее» [3, т. 1, с. 76]. В момент биографического интервью герой живет уже в нынешних обстоятельствах, поэтому он описывает свое прошлое в другом временном измерении. «[Воспоминания социологов] сделаны более чем через полвека после описываемых ими событий войны и первых послевоенных лет. И следует помнить: события воспринимались детьми, но вспоминались “очень” взрослыми людьми. Те впечатления были бесконечно яркими, сильными, они остались в этих людях навсегда» [3, т. 1, с. 166]. В процессе серии таких интеракций биография переписывается, уточняется, пополняется, тем самым обеспечивается полнота истории.

В контексте «толстого настоящего» Борис Зусманович подчеркивает, что «биография — это описание преимущественно уже того, что состоялось или не состоялось, но было возможным или вероятным, иногда — лишь желанным» [3, т. 1, с. 75–76]. Допущение в нелинейном жизнеописании элементов возможного, вероятного и желанного указывает на пересечения с методом философской археологии Дж. Агамбена: «...археология движется назад по ходу истории ровно так же, как и воображение по оси индивидуальной биографии» [10, с. 23]. Биографическое воображаемое отталкивается от того, что «естественный закон теряет свойство выражать неизбежную последовательность явлений, — теперь они обретают вероятностный, статистический характер». Человека, по мнению Агамбена, следует изучать как «существо потенции, [он] может действовать или бездействовать, добиваться успеха или терпеть неудачу, терять или обретать себя» [10, с. 24]. Радикальный подход Агамбена понимать жизнь как несосчитанное в противовес рассмотрению жизни как набора подсчитанных фактов исключается в методологии нелинейного анализа. Докторов поясняет, что добавлять в портрет личности допустимо и даже необходимо именно значимые для современности домысливания, чтобы человека из прошлого можно было оживить для настоящего. «Другими словами, “чистого” прошлого в историко-биографических исследованиях не существует», — подытоживает Б.З. Докторов [3, т. 1, с. 75–76].

Многомерность биографии.

Учет разнообразия биографического поиска в координатах времени

«Ежемоментно жизнь человека развивается (движется) по траектории в многомерном пространстве прожитых событий и текущего времени, тогда как хронологическая упорядоченность жизненных событий осуществляется лишь по одной из координат»⁸.

⁸ Докторов Б.З. Три года, охватившие десятилетия // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2024/07/15/1480> (дата обращения 23.02.2025).

Биографию можно описать множеством версий, включающих разнообразие носителей исторической информации, бесчисленные переменные, варианты их сочетания, собственные интерпретации. Разные способы подчеркивают «сквозной вневременной характер» составления истории жизни, и приветствуются многократные уточнения с учетом дополнительных интеракций в беседах (интервью), вновь открывшихся фактов из биобиблиографии ученого (документы), изменяющихся обстоятельств деятельности и разного рода интересов биографа (наблюдения). Используя определенную систему координат, исследователь выбирает стержень, на который будет «наносить» факты и воспоминания, выделять чувства и поступки своего героя. Тем самым биограф определяет свой прожектор для освещения лишь одной стороны человеческой жизни. Законченное жизнеописание — всегда ограничение человека в одной плоскости, интересной и важной для автора биографии. Только возвращение к объекту биографии, возобновление диалога с ним, включение вновь появившихся источников информации позволят дополнить анализ другими аспектами. «Ретроспекция не бывает абсолютной, она осуществляется в некоей системе координат, и наши вопросы должны образовать эту координатную сетку. Тогда они будут стимулировать поиски во всех областях историко-наукovedческого пространства и наше профессиональное сообщество сможет сформировать в себе готовность обсуждать разные выводы и принимать разные точки зрения» [3, т. 1, с. 26]. Новый виток интервью создает иные системы связей, обогащает материал другими компонентами. Б.З. Докторов рекомендует приступать к интерпретации первичных данных еще во время полевого этапа, чтобы найти нетронутые путеводные нити для выхода на нераскрытые территории. С каждым разом возникает особое прочтение эмпирической информации, применяются разные подходы к биографическому описанию, тем самым осуществляется переход к новому этапу осмысления.

Многомерность биографии открывает дорогу к синтетическому жанру интервью, совмещающему историзм и мемуарность. Связь с историей задавалась тематикой исследования, в котором обсуждались факты из профессионального становления наряду с персональной мотивацией и общественной деятельностью героя. Мемуарный характер проявлялся в мягкости интервью, потому что респонденту давалась полная свобода выбирать те акценты своей жизненной траектории, которые для него казались наиболее важными, детализировать их в зависимости от глубины пережитых чувств и эмоций.

Сочетание историзма и мемуарности указывает на связь с другой исследовательской стратегией — устной историей (*oral history*), целью которой является сбор устных свидетельств очевидцев значимых событий в истории⁹. Обобщив работы предшественников и собственный опыт, М.В. Мокрова дает следующее определение: «...устная история науки — это ретроспективная информация, полученная в результате целенаправленно организованного диалога между специа-

⁹ Документы, собранные в рамках данного дизайна исследования, активно применяются в науковедении. Так, в США выполнены несколько проектов по устной истории науки: «Нобелевские лауреаты в науке» под руководством А. Невинса, проект историка медицины С. Бенисона, проект «Архив по истории квантовой физики» под руководством физика-теоретика Дж.А. Уилера и философа науки Т. Куна. В России наиболее результативным проектом в области устной истории науки считается фонд фонодокументов по истории науки XX в., сформированный В.Д. Дувакиным (URL: <https://oralhistory.ru/>).

листом-историком науки и ученым, проведенного в рамках определенного тематического исследования или проекта и зафиксированного на аудиовизуальном носителе» [5, с. 20]. Такое понимание охватывает большое разнообразие техник и приемов организации интервью, но ограничивает фиксацию данных лишь аудиовизуальным форматом. В частности, беседа может проходить по электронной переписке, что вносит свои характерные приемы и особенности получаемого результата.

По методу сбора информации устная история — это тоже интервью и тоже разговор о прошлом. Разница появляется в предметном фокусе беседы, а именно устная история концентрируется на личных фактах и переживаниях вокруг прожитого уникального опыта, то есть за основу берется событие, а не личность; в биографическом интервью акцент делается на личностное восприятие своей жизни и переплетения общей истории с персональной судьбой человека. Особенностью методики нелинейного биографического анализа Б.З. Докторова является то, что обращение к информантам предполагает неоднократное возвращение к диалогу с ними и дополнение материалов биографии. Поэтому интервью складывается на основе продолжительных отношений, исследователем выступает социолог и специалист по истории науки, формулировки вопросов заранее не проговариваются.

Пересечение с другими исследовательскими стратегиями подтверждает мультипарадигмальность и междисциплинарность нелинейного биографического анализа. В нем совмещаются два объекта исследования (общество и личность), разные научные направления (история с социологией и философией) и методы сбора информации (интервью с анализом документов и наблюдениями). Двубъектность историко-наукovedческого проекта означает, что в ареале изучения одновременно находятся как общая динамика научных поисков, так и истории конкретных ученых. «Первый объект — это история развития определенных разделов научного знания, второй — люди, создававшие эту историю» [3, т. 1, с. 58]. При интерпретации исследователем данных в нем также сочетаются две перспективы анализа с разным уровнем абстракции: универсализм (выходить на единые тенденции, выделять закономерности, делать обобщения) и партикуляризм (характеризовать специфику поколений, учитывать разнообразие условий и случайностей, углубляться в детали). «При изучении биографий необходимо быть социологом-партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека... Наоборот, лишь позиция универсалиста, или дженералиста, позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в своем единстве создающих историю» [3, т. 1, с. 58]. Указанное сочетание проявляется в том, что исследователь через детализированный анализ микроисторий (воспоминания, индивидуальные траектории) переходит к характеристике поколения, которое рассматривается как реальная социально-профессиональная группа и как абстракция для описания истории науки в целом.

Таким образом, многомерность исследовательского подхода подчеркивает как важность макросоциальных факторов для воспроизводства динамики и результатов научного процесса, так и фундаментальную роль личности в научных открытиях и прогрессе современных направлений. Только через внутренние

мотивации (интересы, установки, ценности) личности отражаются состояние и движение внешних векторов трансформации науки. Поэтому «...центральной фигурой процесса строительства науки является само научное сообщество и развитие науки — дело, заслуга конкретных людей»¹⁰.

Принцип стратификации «биографического подпространства».

***Указание на неразрывность индивида (субъективного)
и социального окружения (объективного)***

«Работа становится не серией биографических очерков, но сюжетным, динамически организованным изложением истории социологии, какой она предстает в биографиях и воспоминаниях исследователей» [3, т. 1, с. 153].

Историко-научные проекты по изучению развития науки и становлению профессиональной коммуникативной сети отталкиваются от непрерывности связи между прошлым и настоящим. Чтобы приступить к анализу столь разрозненной на первый взгляд информации, требуется особый подход с сочетанием «биографии в истории» и «истории в биографиях». В результате появляется интерпретационное правило: «Биографические данные никогда не “отрываются” от индивида, сообщившего их, они всегда представлены как “именные”» [3, т. 1, с. 153]. Обозначенный принцип позволяет при анализе индивидуальной деятельности ключевых фигур выходить на общие явления, на одинаковые для многих условия профессионального становления и личностного развития. Подобное переплетение уникального и общего превращается в объективное, заслуживающее стать частью истории.

Общее в биографиях свидетельствует о независимых от личности внешних факторах развития, что выводит на характеристику объективных условий и обстоятельств проживания. Уникальное дополняет героя специфическими чертами, указывает на внутренние детали, обозначает тонкости жизненной траектории. Плавное перетекание от общего к уникальному и, наоборот, от уникального к общему, собственно, и является историко-биографическим поиском. «Все представленное сейчас в биографиях и документах — всего лишь незначительная часть той информации, которой будут обладать следующие поколения историков российской социологии. Вполне возможно, что их изыскания подтвердят что-то из известного нам сейчас и “объективизируют” историю, а что-то — уточнят или полностью пересмотрят» [3, т. 1, с. 53].

Записанные Б.З. Докторовым биографии постоянно пополняются с учетом механизмов памяти и содержат не только факты, но и уместные домысливания. В описании прошлого информант осуществляет фрейминг, то есть рассказывает значимые истории своей жизни на основе нынешнего восприятия и интерпретации реальности. С течением времени взгляд на жизнь меняется, поэтому в воспоминаниях разного периода всплывают одни моменты и забываются другие. Следовательно, при трансформации свидетельств ставится вопрос о достижении объективности, так как «само восприятие происшедшего было актом субъективным, к тому же за прошедшие годы оно, осознанно или непроизвольно, могло еще более субъективизироваться» [3, т. 1, с. 52].

¹⁰ Цитата из «Предисловия ко второму изданию» девятитомника [3]. — URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/intro_2.htm (дата обращения.15.03.2025).

Таким образом, расширение познания происходит за счет перманентного научного процесса от анализа к синтезу, и проект не может быть законченным, он становится непрерывно развивающимся. В биографических интервью важно учитывать все доступные компоненты описания происходящего (причины, последствия, взаимовлияние, эмоциональный фон, культурные стимулы), далее в анализе разделять ускользающее прошлое от переосмысления его в настоящем. Б.З. Докторов настаивает на необходимости фиксировать индивидуальное восприятие и включать ауторефлексию в осмысление истории социологии. Персональная систематизация собственной жизни дает респонденту свободу самовыражения, у него появляется шанс передать внутреннюю мотивацию и раскрыть свои мировоззренческие идеалы, а также он получает право на передачу послания следующим поколениям. В оптике описания прошлого в настоящем считается послание в будущее. Без субъективного измерения биография становится сухой, скучной, что не позволяет понять и почувствовать героя и его эпоху.

Пристрастность как эмпатическая включенность в личность и судьбу героя

«Я сразу отдал предпочтение пристрастности, которая при честности биографа ведет к объективности. Одновременно пристрастность должна дополняться документальностью»¹¹.

В методологии нелинейного биографического анализа уделено внимание этическим принципам, которые указывают на ценности и нормы исследователя и выливаются в предписания при выборе источников информации и предпочтения по способам интерпретации и использования результатов. Б.З. Докторов заявляет о принципе пристрастности в выборе героев и оправдывает субъективизм историко-биографических исследований. «С одной стороны, я стремился минимизировать проявление пристрастности, с другой — опять же в соответствии с духом ряда подходов этнометодологии, считаю, что историк, биограф имеет право быть пристрастным» [3, т. 1, с. 374].

Нелинейный биографический анализ связывается с этнометодологией по двум основаниям. Одно из них состоит в том, что исследователю нельзя смотреть на изучаемый предмет отстраненным взглядом, поэтому важны постоянное взаимодействие с героями интервью и сопереживание с ними пройденного и случившегося. «Пристрастность ориентирует исследователя на всесторонний анализ жизненного пути и творческого наследия людей, долгие годы работавших в науке. Биографу трудно оставаться нейтральным, да и возможна ли в принципе нейтральность, отстраненность от героя биографического анализа, нужно ли к ней стремиться?» [3, т. 1, с. 375]. Ссылаясь на М. Полани, который заявлял о неизбежности «страстного вклада познающей личности», Докторов заостряет эту мысль и отмечает, что для социологии идеал научной беспристрастности может стать разрушительным. «Нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам. Наоборот, пристрастность может быть базой объективности, заставляя искать

¹¹ Докторов Б.З. Три года, охватившие десятилетия // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2024/07/15/1480> (дата обращения 23.02.2025).

правду» [3, т. 1, с. 375]. Эмоциональная включенность, выход за пределы признанной всеми истории, отказ от удобных объяснений помогают не только собрать неизвестную фактологическую информацию, но и вывести собеседника на более глубокую нетривиальную рефлексию над прожитым опытом. Появление свежих взглядов, точность понимания, всестороннее раскрытие личности гарантируют приближение к объективности описания истории ее жизни. Второе совпадение заключается в том, что для получения релевантной и полной информации требуется быть максимально включенным в изучаемую группу, и не только эмоционально, но и профессионально, чтобы компетентно разбираться в наблюдаемых практиках и предлагать обоснованные интерпретации. «От подобной пристрастности невозможно избавиться, если сам свыше сорока лет проработал в этом профессиональном цехе и десятилетиями знаком и дружен со многими. Однако в силу таких особых отношений с респондентами интервью приобретает тот уровень открытости, доверительности, который невозможен между незнакомыми друг другу людьми, но который необходим при познании прошлого» [3, т. 1, с. 375].

Допущение пристрастности в биографическом интервью, по мнению Б.З. Докторова, является преимуществом, потому что, во-первых, глубокий мысленный диалог с героями позволяет выйти на более яркое описание пережитого опыта; во-вторых, неформальность и теплая атмосфера беседы выводят на неспешные воспоминания с целью достижения всех этапов биографирования; в-третьих, внутренняя свобода исследователя повышает познавательный потенциал, поскольку он в поисках новых тем и героев опирается на интуицию, позволяет себе гибкость и открыт к переходу к другим измерениям личности в истории науки. В итоге Докторов предостерегает: «Мне бы хотелось указать на существование в наших историко-научно-исследовательских разработках “тоталитаризма объективности”, под которым я понимаю существование в этой малоизученной области исследований представлений о возможности понять и объяснить прошлое нашей науки без наполнения используемой методологии положениями социологии повседневности» [3, т. 1, с. 376]. Таким образом, сочетание разного рода микросоциологических парадигм позволяет, с одной стороны, избежать догмы объективности для свободы поиска новых интерпретаций и, с другой стороны, не утонуть в море субъективности, а, в конце концов, охватить любые практики и процессы прошлого. Поэтому при нелинейном анализе биографий ученых следует в числе прочего отталкиваться от повседневности, которая помогает познавать историю через обыденное восприятие.

Человекоцентричность.

Неразрывность личности и творчества в истории науки

«Воспоминания социологов становятся главным источником эмпирической информации исследования и они же — база для формирования исследовательских гипотез и инструмент проверки этих научных допущений» [3, т. 1, с. 414].

При реализации научно-исследовательского проекта Б.З. Докторов входит в пространство человеческих судеб, где ученый «выступает в трех ипостасях: как главный субъект создания науки; как архитектор, строитель профессионального сообщества и как носитель информации о процессе становления и развития советской/рос-

сийской социологии» [2]. Именно совокупность разных жизненных траекторий, а не единая история в рассказах многих обозначила главную идею проекта — «человекоцентричная» («биографоцентричная») история социологии. Предыдущий проект Докторова о жизни и творчестве Гэллапа реализовывался в методико-технологическом векторе с ориентацией на личность, то есть «при анализе становления гэллаповской процедуры опроса максимально учитывать “человеческий фактор”», а при рассмотрении биографии Гэллапа по возможности детальнее изучать среду его деятельности, в частности его окружение»¹². В историко-биографическом направлении изучения российской социологии остался такой же акцент на личность ученого, который означает сохранение целостности, признание неразрывности личного и творческого в истории науки [3, т. 3, с. 126]. Поэтому, кроме рассказа непосредственно о творческом пути, тематика интервью включает сведения о семейной предыстории, детских воспоминаниях, школьном периоде, социокультурном окружении, профессиональном выборе. Тем самым осуществляется «стремлени[е] создать историю современной российской социологии “с человеческим лицом”, или историю, написанную от лица тех, кто ее делал и делает» [3, т. 1, с. 414]. В результате многомерного и мультитемпорального изучения биографий возникает задача обобщить полученные потоки данных таким образом, чтобы сохранить значимость личностных факторов в истории науки.

Человекоцентричность не исключает, а, напротив, дополняет институциональный подход, когда объектом историко-наукovedческого исследования являются научные темы, исследовательские институты и коллективы, программы подготовки специалистов, то есть формальные надструктуры, организующие работу ученых и определяющие векторы развития. Однако ограниченность лишь институциональным ракурсом истории не позволяет увидеть, «в каких условиях, как происходила ранняя социализация будущих социологов, чем был обусловлен выбор ими их будущей профессии, какие обстоятельства повлияли на профессиональные интересы ученых и т. д.» [3, т. 1, с. 415]. В биографическом подходе проявляются неформальные связи, коммуникационные сети, внутренние мотивации и установки, что объединяет профессиональное и человеческое, синтезирует творческое и обыденное.

Б.З. Докторов признает наличие обоих подходов к написанию истории российской социологии, но в предыдущих исследованиях замечает превалирование институционального подхода, объясняя эту ситуацию «политико-идеологическими чертами общества, в котором социологическая наука функционирует как социальный институт, продолжительностью развития социологии в стране, вниманием общества к своему прошлому, объемом и качеством биографической информации, доступной историкам» [3, т. 1, с. 415]. Борис Зусманович считает недостаточным внимание к человеческой составляющей и в своем проекте настаивает на доминировании биографической парадигмы. «Признание того, что наука делается учеными, и, пока все наблюдавшееся и пережитое ими не выявлено, не проанализировано и не описано, истории науки нет, а незнание социологическим сообществом своей истории почти равносильно ее отсутствию. Таким образом,

¹² Цитата из «Предисловия к первому изданию» девятитомника [3]. — URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/intro_1.htm (дата обращения.15.03.2025).

история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, прежде всего причастных к выработке собственно социологического знания»¹³. Действительно, результатом применения принципа человекоцентричности становится решение важных задач, когда личная характеристика героя наполняет историю живыми эмоциями и вызывает интерес к прошлому, когда мотивация поступков конкретных представителей науки помогает понять складывающиеся социальные процессы, когда биография выделяет аргументы для обозначения лидеров науки.

Выводы

Нелинейный биографический анализ является авторской методологией Б.З. Докторова и применяется им в науковедческом проекте по истории советской/российской социологии. Каждое биографическое интервью выстраивается индивидуально, направлено на сотворчество и сопереживание, реагирует на интерес и желание собеседника, «беседа о жизни человека — всегда штучная, интимна» [3, т. 1, с. 63]. Оригинальность подхода к предмету исследования связана со спонтанностью, проявляющейся в неожиданном развитии сюжета, в отложенности решения методических вопросов, в открытости к уточнению программы на любой стадии исследования. Кроме оперативного реагирования на возникающие нюансы полевого этапа и личной сопричастности к жизнеописанию социолога, автор обогащает аналитические тексты метафоричностью, художественными образами и живой речью героев. Историко-биографический проект Б.З. Докторова становится примером интеллектуальной биографии для социологической науки.

Нелинейность как характеристика исследования может определяться хаотичностью, бессистемностью, неструктурированностью. Однако исследование Б.З. Докторова описывается другим смысловым облаком, где нелинейность содержит такие значения, как мозаичность, всеохватность, непредсказуемость, сетеобразность, надхронологичность. Детальность выбора исследовательских процедур и тщательная эпистемологическая рефлексия указывают на особый взгляд Докторова на методологию биографического анализа. Отход от тотальной объективности, интерес к «утолщению настоящего», задача по вневременной фиксации истории науки и раскрытие уникальностей в биографиях ученых делают проект масштабным, живым и искренним. Тем самым к истории российской социологии применяется новая методология Докторова, дополняющая социологическую биографику собственными материалами и обладающая самостоятельным интерпретативным потенциалом. Кроме методологических принципов нелинейного изучения биографий, проанализированных в этой статье, рассмотрению подлежат организационные процедуры биографического метода и особенности методических приемов интервью.-

¹³ Цитата из «Предисловия к третьему изданию» девятитомника [3]. — URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/intro_3.htm (дата обращения.15.03.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корытникова Надежда Владимировна — кандидат социологических наук, доцент; ассоциированный член Группы восточных, славянских и неоеллинистических исследований, Страсбургский университет, Франция. **Телефон:** (+3376) 651-15-44. **Электронная почта:** nadezdakorytnikova@gmail.com

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 124–139. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.7)

Research Article

NADEZHDA V. KORYTNIKOVA¹

¹ University of Strasbourg.

4, rue Blaise Pascal, 67081, Strasbourg Cedex, France.

NONLINEAR BIOGRAPHICAL ANALYSIS OF B.Z. DOKTOROV: METHODOLOGICAL PRINCIPLES

Abstract. Nonlinear biographical analysis is the author's methodology of B.Z. Doktorov and is applied in a science project on the history of Soviet/Russian sociology. It is shown that such biographical analysis is based on the following principles. The principle of “thick present” denotes cognition through retrospective and prospective immersion into the subject of analysis from the perspective of today's realities. Constant refinement, supplementation and rewriting while taking into account the past and the present ensures the truthfulness and completeness of one's life story. Another principle of the project is multidimensionality, where the biographical search applies a variety of means to describe the life of the scholar, in particular combining historicism and memoirism. The principle of stratifying “biographical subspace” multi-temporality emphasizes the inseparability of the individual and the social environment, the uneven rhythms of the past, the smooth flow of common and external factors of experience into unique and internal life trajectory details. The ethical position of the non-linear biographer allows for partiality as a confession of predisposition and bias. Such a principle is seen as an advantage that helps to avoid the dogma of objectivity and to embrace any practices and processes of the past. The inseparability of personality and creativity in the history of science points to the person-centricity of nonlinear analysis. In addition to institutional attributes, informal ties, communication networks, internal motivations and attitudes are included, thus preserving the importance of personal factors in the history of science. It is concluded that the methodology of nonlinear biographical analysis focuses on the depth of biographical disclosure and the completeness of understanding the individual.

Keywords: B.Z. Doktorov; biographical analysis; nonlinearity of biographical analysis; science studies; “thick present”; multidimensionality; stratification of “biographical subspace”; partiality; person-centricity.

For citation: Korytnikova, N.V. Nonlinear Biographical Analysis of B.Z. Doktorov: Methodological Principles. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 124–139. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.7](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.7)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda V. Korytnikova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; Associate Member, Group of Oriental, Slavic and Neo-Hellenistic Studies, University of Strasbourg, France. **Phone:** (+3376) 651-15-44. **E-mail:** nadezdakorytnikova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Базанов М.А.* Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 221–234. EDN: [WBCBQR](https://elibrary.ru/WBCBQR)

- Bazanov M.A. Intellectual Biography: The Contours of a New Genre in Russian and Ukrainian Historiography. *Dialog so vremenem*. 2016. Iss. 55. P. 221–234. (In Russ.)
2. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2–15. EDN: [KYWVKR](#)
Doktorov B., Kozlova L. “Telescope” Looks into the Past. A Conversation about Studying the History of Modern Russian Sociology. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2009. No. 1. P. 2–15. (In Russ.)
3. Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9 т. [электронный ресурс] / Ред.-консультант А.Н. Алексеев, ред. электронного издания Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2016. — 5901 с. Дата обращения 13.03.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches. In 9 Vols.* Ed., consultant A.N. Alekseev, ed. of the electronic edition E.I. Grigoreva. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing publ., 2016. 5901 p. Accessed 13.03.2025. URL: https://www.isras.ru/files/el/hta_9/htm/menu.htm (In Russ.)
4. Козлова Л.А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87. EDN: [PCVZPB](#)
Kozlova L.A. Biographical Study of Russian Sociology: Preliminary Theoretical and Methodological Remarks. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2007. No. 2. P. 59–87.
5. Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению: Автореф. дис. ... канд. ист. н.: 07.00.09. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М., 2004. — 30 с. EDN: [NOFAVL](#)
Mokrova M.V. *Oral History of Science: From Historiographical Traditions to Complex Source Study. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: 07.00.09*. Moscow: S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology publ., 2004. 30 p. (In Russ.)
6. Rogozin D.M. Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 120–129. EDN: [UYLXAL](#)
Rogozin D.M. Biographical Method: Literature Review. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 10. P. 120–129. (In Russ.)
7. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — 381 с. EDN: [SDSRBR](#)
Rozhdestvenskaya E.Yu. *Biographical Method in Sociology*. Moscow: Publ. House of HSE, 2012. 381 p. (In Russ.)
8. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.
Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents. Ed., foreword by G.S. Batygin; Comp. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. 683 p. (In Russ.)
9. Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 7–24. EDN: [QVKJML](#)

- Rustin M. Reflections on the Turn Towards Biographies in the Social Sciences. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. 2002. No. 1. P. 7–24. (In Russ.)
10. Яценко Н. Биографическое воображаемое: Джорджо Агамбен и спасение реального // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 22–30. EDN: [MLJWHR](#)
- Yatsenko N. The Biographical Imaginary: Giorgio Agamben and the Salvation of the Real. *Puti Rossii*. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 22–30. (In Russ.)
11. Caetano A., Nico M. Forever Young: Creative Responses to Challenging Issues in Biographical Research. *Contemporary Social Science*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 361–378. DOI: [10.1080/21582041.2018.1510134](#)
12. Ford L., Niebrugge-Brantley G. The Future of Sociology's History: New Voices in the History of Sociology. *American Sociologist*. 2021. Vol. 52. No. 2. P. 247–253. DOI: [10.1007/s12108-021-09503-2](#)
13. Kaipainen P. Actor-network Theory in Biographical Analysis. *Conference Papers — American Sociological Association*. 2007. Accessed 20.01.2025. URL: <https://research-ebsco-com.scd-rproxy.u-strasbg.fr/c/us2ujs/viewer/pdf/6ttr3nltgv?route=details>
14. Lahire B. Sociological Biography and Socialisation Process: A Dispositionalist-Contextualist Conception. *Contemporary Social Science*. 2019. No. 14 (3–4). P. 379–393. DOI: [10.1080/21582041.2017.1399213](#)

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025; поступила после рецензирования и доработки: 04.03.2025; принята к публикации: 18.03.2025.

Received: 16.01.2025; revised after review: 04.03.2025; accepted for publication: 18.03.2025.

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.8
EDN: VSXVEP

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ¹, П.А. АМБАРОВА¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

К МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ¹

Аннотация. Цель статьи — в разработке методологии междисциплинарного изучения биографии социальной общности на основе синтеза социологии и истории. Эта проблематика редко рассматривается в социологической литературе. В качестве основы междисциплинарности авторами были использованы социологические и исторические трактовки, причем как индивидуально-личностной, так и общественной (коллективной) биографии. Выявлены особенности социологического и исторического подходов к исследованию биографии социальной общности. Среди основных методологических проблем исследования — понятие биографии социальной общности, ее структура, характеристика биографического подхода, биография социальной общности как феномен. Показываются, с одной стороны, общие аспекты, с другой — отличия в трактовке биографии индивида и биографии социальной общности, возможности использования тех и других в анализе биографических особенностей обоих субъектов. Раскрывается существо предбиографического, биографического, постбиографического этапов социальной общности. В заключительном разделе статьи описанную методологию авторы частично применяют к определению понятия биографии социальной общности научно-педагогических работников российских вузов, кратко рассматривая основные этапы ее становления и развития.

Ключевые слова: социальная общность; биография социальной общности; научно-педагогические работники; биографический подход; просопография; предбиография; постбиография.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. К методологии междисциплинарного исследования биографии социальной общности // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 140–160. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.8 EDN: VSXVEP

Введение. Постановка проблемы

Статья была подготовлена в рамках научного семинара памяти одного из ведущих отечественных социологов Г.С. Батыгина (1951–2003)². С точки зрения авторских научных интересов, касающихся биографических исследований соци-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

² Юбилейный методологический семинар памяти Геннадия Семёновича Батыгина «Социальное познание сегодня: изменяющаяся социология в изменяющемся мире» состоялся 13 ноября 2024 г., Москва, ФНИСЦ РАН.

альных общностей, их методологии и методики, заслуживает внимания в первую очередь книга, изданная под редакцией Г.С. Батыгина, «Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах» [21]. Среди принципов, которых придерживался инициатор проекта, для нашего исследования наиболее важными оказались «антропологизация» истории отечественной социологии; критерии профессиональной идентификации сообщества социологов «первого призыва»; подходы к построению биографических интервью; междисциплинарный характер исследования, соединение биографии и истории.

«Российская социология...» незаслуженно обойдена исследовательским вниманием и спустя четверть века требует нового обращения к ее идеям, в частности, к перечисленным нами методологическим принципам. Определяя значение книги, Б.З. Докторов в своих недавних воспоминаниях пишет: «Намеренно или интуитивно Батыгин сделал значительно больше, чем закрепил в интервью с социологами и написанными ими краткими автобиографиями некоторые факты и обстоятельства рождения нашей науки. Прежде всего, эти интервью были **БИОГРАФИЧЕСКИМИ**, т. е. они вводили в историю социологии главных участников становления советской социологии, таким образом, Батыгин “очеловечил”, или “антропологизировал” историю. Книга представляет российскую социологию не в воспоминаниях [как это значит в ее названии. — Г. З., П. А.], а прежде всего в биографиях, т. е. в жизнях, а теперь — и в судьбах первопроходцев. С годами содержание книги будет приобретать новый смысл, а ее роль в раскрытии процесса становления отечественной социологии будет возрастать» [11].

В «Российской социологии...» мы видим не просто биографии (и фрагменты автобиографий) 25 социологов и ученых, работающих в проблематике на стыке с социологической наукой, а постановку проблематики их профессиональной идентификации. Уже во «Введении» Г.С. Батыгин ставит вопрос о различении социологии и не-социологии, о проблеме профессиональной идентификации социологов: «Вполне сознавая, что попытка отделить “социологов” от “несоциологов” малопродуктивна и может повлечь за собой немало недоразумений, составители избегали строгих критериев и в этом случае. В качестве отдельной дисциплины социология была институционализована только в 1986 году, и даже сегодня, когда выпускникам университетов стали вручать дипломы социологов [1999 г. — Г. З., П. А.], нельзя с уверенностью провести дисциплинарные разграничения... Действительно, социологами можно назвать тех, кто занимался социологией. Точка зрения, тональность, исследовательская манера имеют большее значение для понимания обществоведческой работы того времени, чем специализация» [21, с. 9].

Важно отметить, что проводившиеся Г.С. Батыгиным биографические интервью по своему характеру изначально были попыткой «программного» (то есть однотипного по структуре) изучения жизненного пути информантов. Предполагалось, что интервью по унифицированной схеме выявит содержание основных этапов жизни и научной карьеры: «...первоначальные намерения составителей сборника, — писал Батыгин, — связывались со стандартной схемой тематизации “научной карьеры”: семейное воспитание, интеллектуальные и идейные влияния в юности, выбор профессии, учеба в университете, формирование исследовательских интересов, основные труды и “вклады” в науку, расстановка сил в профессиональном сообществе, характерные эпизоды, итоги творческого пути...» [21, с. 7]. Однако, как

он пишет далее, «к счастью, унифицированную схему повествований выработать не удалось. Пришлось также отказаться от жанровой тематизации материалов. Многие из них действительно близки профессиональной биографии, другие содержат размышления не столько о себе, сколько об обстоятельствах научной жизни того времени, третьи более похожи на заметки» [21, с. 7–8].

Значение исследования истории российской социологии 1950–1960-х гг., предпринятого Г.С. Батыгиным, состоит в том, что оно изначально имело характер междисциплинарного, поскольку базировалось на исторической и социологической методологиях, объединенных общим историко-биографическим содержанием. Это исследование послужило важной предпосылкой дальнейшего развития историко-биографических работ в социологии. В частности, оно вдохновило Б.З. Докторова на такой значимый проект, как изучение собранных им биографий 218 российских социологов семи поколений (по классификации ученого). «Российская социология...», как уже было отмечено, стала источником важных идей и для нашего исследования, посвященного биографии социальной общности. Биографические интервью ученого с социологами были, по сути, одной из первых попыток описать биографию этого научного сообщества (равно как научного сообщества как такового).

Авторы данной статьи полагают, что разработка проблемы биографии социальной общности вносит существенный вклад в развитие социологической теории социальной общности, фундамент которой был заложен работой Ф. Тённиса «Общность и общество» 1887 г. [25]. В современной социологии практически отсутствуют работы, в которых анализируется не индивидуальная биография, а биография социальной общности. В то же время в исторической науке биографический метод реализуется в формате и индивидуального (личностного) жизнеописания, и коллективной биографии — биографии поколений, этнических, социокультурных и иных групп. В связи с этим цель нашего исследования состояла в рассмотрении методологии междисциплинарного изучения биографии социальной общности на основе синтеза социологии и истории.

В статье осуществляется попытка доказать, что биография может характеризовать жизнь не только человека (индивида, личности), но и такого социального феномена, как социальная общность. Соответственно, биографический метод в социологии может быть использован в исследовании не только конкретного индивида, но и социальной общности. Вместе с тем признаки социальной общности целесообразно рассматривать и в процессе изучения биографии человека (индивида, личности) в качестве присвоенных им и ставших индивидуально-биографическими, помогающими увидеть сходство и взаимосвязь между жизненным путем человека и биографией социальной общности. Термин «биография» предлагается рассматривать не традиционно, как принято это делать в связи с описанием жизни (или даже истории жизни) индивида, конкретного человека, а применительно к социальной общности, то есть изначально к определенной группе людей. Попытаемся ответить на вопрос: насколько это правомерно?

Сам термин «биография» — постоянный гость, а можно даже сказать, хозяин на страницах книжных (как печатных, так и электронных) изданий, и означает не что иное, как жизнеописание (рассмотрение жизненного пути) человека в качестве его важнейшей индивидуально-личностной характеристики. Значение

же термина «биография социальной общности» как жизнеописания социальной общности выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов, применяемых к жизни человека.

Использование понятия «биография социальной общности» требует анализа видов и форм деятельности (образование, семья, профессиональная работа и др.) людей, составляющих группу, ее роли и места в структуре общественных отношений, связей и взаимодействий с иными группами и общностями, значения этих связей в жизни социума.

В свете сказанного мы определяем, что проблематика биографии социальной общности (начиная с базовых характеристик — понятия, структуры, функций) нуждается в своей теоретической разработке и эмпирической верификации. В этой статье мы подробно остановимся на методологии исследования биографии социальной общности как феномена, а также попытаемся применить некоторые свои позиции к изучению конкретной социальной общности — научно-педагогическим работникам (НПР). Кроме того, наша цель состоит в рассмотрении возможности для трактовки социальной общности использовать биографический метод — наряду с другими, ставшими уже традиционными подходами и методами (общностным, ресурсным, деятельностным и др.).

Трактовка понятия биографии

Вначале остановимся на ключевом понятии нашего текста — «биография». В литературе можно найти бесконечное количество его определений и трактовок. Любой словарь русского (и иного) языка, гуманитарной направленности, иностранных слов обязательно раскрывает содержание слова «биография». Предельно лаконичное определение содержит академический четырехтомный «Словарь русского языка»: биография — это «описание чьей-либо жизни; жизнеописание» [23, с. 90]. С учетом особенностей дисциплинарного подхода остановимся на тех базовых, по нашему мнению, точках зрения и определениях понятия биографии, которые разработаны в социологии. Рассмотрим лишь два из них.

Одно принадлежит Б.З. Докторову, который поставил перед собой задачу связать биографию и биографический метод с социологической и исторической наукой. В своей известной монографии, посвященной решению этой проблемы, он предлагает следующее определение: *«Биография — это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то и увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил»* [12, с. 56].

Сразу уточним: Б.З. Докторов здесь пишет не о любой биографии, а только о той, которая принадлежит социологу и им создается³. Но от этого ограничения само определение понятия биографии не теряет своего значения, а напротив, укрепляет нас в мысли, что понятие биографии всякий раз соответствует той науке, в рамках которой и для которой оно создается.

³ В ряде эссе последних лет объектом интереса Докторова становятся биографии или биографические описания не только ученых, но и деятелей литературы, культуры и искусства.

Используя приведенное суждение Б.З. Докторова, мы полагаем, что биография социолога может создаваться двумя путями. Первый — им самим, когда социолог по своей либо чьей-то инициативе (к примеру, службы персонала предприятия или учреждения) описывает свой жизненный путь (выражаясь на понятийном уровне, формулирует, или создает свою историю жизни, которая уже «у него за спиной»). Второй путь представляет собой интервью, которое социолог дает как информант другому социологу, выступающему в качестве не только интервьюера, но одновременно и «со-автора» его биографии. Здесь многое зависит от профессионального мастерства интервьюера: так, профессор Б.З. Докторов внес поистине неоценимый вклад в исследование проблемы интервьюирования российских социологов, принадлежащих к выделенным им семи поколениям, опросив более двух сотен коллег.

Другая точка зрения на понятие биографии принадлежит Е.Ю. Рождественской. В монографии, посвященной биографическому методу в социологии, она пишет, что биография выступает как форма самопрезентации и самоописания индивидов в современных обществах. «Биография интегрирует различные жизненные практики в единое целое и вследствие этого принадлежит к основным средствам ориентации и интеракции во множестве социальных ситуаций» [20, с. 19]. Рождественская рассматривает биографию в тесной связи с жизненным путем индивида, историей его жизни. Сама же «история жизни подразумевает жизненный путь, получивший форму истории, т. е. реконструированной последовательности значимых событий, и рассказанной в качестве таковой» [20, с. 21]. Е.Ю. Рождественская вводит понятие центральной социальной функции биографий, которое, как нам кажется, расширяет индивидуально-биографический взгляд до социально-биографического уровня. Эта функция, по ее мнению, «заключается в производстве или концептуализации непрерывности жизненного пути, что возможно при особой модальности биографического опыта. Приобретая тот или иной жизненный опыт, действующий субъект расширяет свое предшествующее знание и повышает свою готовность ориентироваться в сложных или неожиданных ситуациях» [20, с. 26]. Социальная функция биографии, следовательно, позволяет увидеть и применить возможности биографического метода, связанные с жизнедеятельностью социальной общности.

Постановка вопроса о пересмотре биографического метода в социологии, о возможности его использования в изучении социальной общности на первый взгляд необычна, ведь о нем написано уже много работ. Среди них — книги и статьи Е.Ю. Рождественской [3; 16; 17; 20], В.В. Семёновой [22; 24], Е. Здравомысловой [2], В.Б. Голофаства [8], М. Бургоса [4], П. Бурдьё [5], Р. Тёрнера [26] и др. Между тем большинство социологических работ ориентировано на рассмотрение понятия и феномена биографии в контексте истории жизни индивидов, конкретных людей, а значит, не могут обеспечить в полной мере релевантную методологию исследования биографии коллективного социального субъекта.

На первый взгляд биография социальной общности изоморфна биографии человека. Однако значение этого понятия выходит далеко за пределы обычных характеристик событий и этапов жизни человека («родился, учился, женился» и т. д.). Использование понятия «биография социальной общности» требует применения несколько иных методологических принципов, подчеркивающих социальный

характер становления и развития социальной общности. В своем междисциплинарном исследовании биографии социальной общности мы обратились как к методологическому арсеналу социологического подхода, так и к методологическому опыту исторической науки. Начнем с первого.

Социологический подход к исследованию биографии социальной общности

В рамках социологии главной проблемой нам представляется не только (и не столько) понятие биографии человека, сколько соотношение ее с биографией и теорией социальной общности, а также ответ на вопрос: есть ли у социальной общности своя биография, или применительно к ней можно говорить только о теории? Мы считаем, что у социальной общности есть своя биография, которую попытаемся далее теоретически определить, используя существующие трактовки как первой (социальной общности), так и второй (биографии) [13]. При этом обязательным условием является их сопряженность друг с другом, то есть речь идет о биографии именно социальной общности. В предлагаемой нами далее трактовке учитываются не все, а лишь наиболее значимые признаки социальной общности.

Биография социальной общности — это описание и характеристика истории становления, функционирования и развития реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности людей, связанных устойчивыми формами совместной жизнедеятельности.

Структура биографии социальной общности включает в себя описание истории ее возникновения, функционирования, развития. Это скорее внешний контур, чем внутренний, сущностный пласт социальной общности. Он свидетельствует о появлении общности как реального феномена, выполняющего определенные внутренние и внешние функции в отношении своих членов и ближайшего социального окружения. Биография социальной общности знакомит также с ее достижениями и ограничениями, жизненным опытом людей, находящихся в ней, их деятельностью и проблемами, ценностями, образцами поведения и т. д.

Рассматривая соотношение биографии и теории социальной общности, мы подчеркиваем отличие первой от второй в допуске наличия такой характеристики биографии общности, как ее *определенная историческая протяженность*. Теория социальной общности (в особенности социологическая теория) начинает «жить» (существовать) с того времени, с какого она зафиксирована как теория (концепция), то есть когда ее характеристики начинают соответствовать признакам научной теории (концепции). И живет теория ровно столько, сколько существует предмет этой теории и надобность (потребность) в ней. Исчезает (неважно, по каким причинам) сама социальная общность — и исчезает потребность в развитии ее теории.

Принципиально иной по длительности существования представляется нам биография социальной общности. С одной стороны, общность может существовать ограниченный срок, не иметь большого значения для общества (то есть не вызывать необходимости ее теоретического изучения), не становиться предметом специального исследования и причиной создания особой теории (концепции).

Именно так происходит в динамичных, быстро развивающихся обществах. О некоторых общностях, рождающихся и умирающих в них, мы часто даже не узнаем, настолько их «жизнь» скоротечна, так что их биографии не становятся привлекательным исследовательским материалом. Можно приводить многочисленные примеры возникающих или создаваемых на короткий срок общностей, сообществ, клубов, организаций, структур, команд (в том числе молодежного, субкультурного, религиозного, террористического, экстремистского характера), не являющихся предметом систематических социологических исследований.

С другой стороны, возникают социальные общности, способные существовать на протяжении длительных исторических периодов и вызывающие как теоретический, так и эмпирический, как научный, так и практический интерес. В этом случае и появляется необходимость изучения биографии такой социальной общности. При этом специалисты по использованию метода изучения биографий (правда, не социальной общности, а индивида) говорят о трех основных этапах биографий и их изучения — *предбиографическом, биографическом и постбиографическом*, соотнося их с историческим описанием жизненного пути той или иной личности.

Понятно, что, рассматривая все три этапа биографии человека, авторы имеют в виду не всех людей, а только тех, чей жизненный путь и масштаб значения в общественной жизни продолжают привлекать большое внимание после их ухода из жизни. Именно такие люди и становятся предметом постбиографического анализа их личности. Специально подчеркиваем это обстоятельство потому, что оно может касаться биографии не только человека, но и социальной общности. Ниже мы попытаемся реализовать такой подход к изучению структуры биографии социальной общности НПР, останавливаясь как раз на основных ее этапах — *предбиографическом, биографическом и постбиографическом*. Будем надеяться, что последний у нее далеко впереди, настолько, что его пока совсем не видно, хотя попытки предсказать «смерть» педагогической профессии иногда предпринимаются⁴.

Теперь коснемся более конкретно вопроса об этапах биографии индивида и социальной общности — *предбиографии, биографии и постбиографии*. Предбиография — это этап, предвещающий возникновение биографии и ее начального этапа. Она приобретает особенные черты как у индивида, так и у социальной общности. Главная черта предбиографии состоит в том, что она предшествует физическому и социальному рождению, — соответственно, как человека (индивида), так и социальной общности.

На превращение предбиографии в биографию решающее влияние оказывает семья человека (в которой он родился и воспитывался). В случае социальной общности это социальная среда (социум, общество), благодаря влиянию которой она появилась. Если превращение предбиографии в биографию индивида имеет традиционный социобиологический характер, то процесс превращения предбиографии социальной общности в ее биографию происходит чрезвычайно дифференцированно у социальных общностей разного типа. Одно дело — появление на свет новой профессиональной общности, другое — новой этнической общности,

⁴ Павел Лукша: «Собрать себя как специалиста можно будет и без университета» // Московские новости. 06.01.2013. — URL: <https://www.mn.ru/society/85401> (дата обращения: 24.12.2024)

третье — новой образовательной общности, четвертое — новой религиозной общности и т. д. и т. п. Очевидно, что каждая социальная общность характеризуется своим возникновением как процессом длительным, находящимся под влиянием целого ряда экономических, социальных, политических, культурных и других факторов. Понятно, что этап становления и развития социальной общности включает ряд периодов (раннего становления, созревания, социальной зрелости, старения).

Этапы предбиографии и биографии человека и социальной общности по понятным причинам существенно разнятся по длительности у каждого из субъектов. В еще большей степени это касается постбиографии. Здесь хотелось бы ввести некоторые уточнения, связанные с этим новым термином. Речь идет об определенной категории людей, достигших при жизни заметных или даже выдающихся результатов деятельности, нашедших отражение в их прижизненных биографиях. Сейчас принято говорить о ментальном продолжении жизни этих людей после их физической смерти в тех делах, поступках, результатах, которые они оставили после себя и которые получили общее название «постбиографии».

Таким образом, жизнеописание, получившее вначале отражение в биографии, хронологически заметно расширяет свои границы в «постбиографии». Происходит как бы некоторое временное сближение биографии индивида и биографии социальной общности, которая в темпоральном аспекте, как правило, более продолжительна, чем первая. Более того, постбиография отдельных выдающихся личностей может быть значительно более протяженной по времени, чем биографии многих социальных общностей.

Теперь обратимся к вопросу об использовании термина «биография» применительно к социальной общности. Здесь мы наблюдаем некие метафорические акценты. Они связаны с выделением определенных этапов и периодов в возникновении и развитии феномена, который мы называем «социальная общность». Метафорические акценты — это определенные дублирования этапов хронологического (темпорального, временного) воспроизводства человека (рождение, затем начальный дошкольный период становления личности, школьный период и т. д.).

Грубые аналогии в названии этапов (периодов) возникновения и становления, а затем и развития социальной общности и жизненной биографии индивида мы можем обнаружить без большого труда. Временные интервалы в биографии социальной общности — совсем не те, что временные интервалы в биографии человека. Они существенно различаются своими хронологическими характеристиками и количественно, и структурно, и тем более содержательно. Каждый этап в биографиях социальной общности и человека включает одинаковые по названию, но разные по содержанию «временного наполнения» периоды своего становления, существования, развития, трансформации, исчезновения.

Возникает важный вопрос: насколько признаки социальной общности «биографичны» с позиций биографии человека, или, иными словами, насколько характеристики и различные стороны (аспекты) биографии человека могут быть использованы для трактовки биографии социальной общности? Попробуем ответить на него, используя трактовку признаков биографии социальной общности и биографии человека.

Характеризуя объективные и субъективные признаки социальной общности, мы называли как их общее число (14), так и почти пропорциональный расклад объективных и субъективных признаков [14, с. 109–110]. Рассматривая эти признаки с позиций не только теории, но и биографии социальной общности, мы также говорим о ровном их раскладе. Но общее их число сокращаем более чем в 2 раза, учитывая, что выделенные признаки характеризуют как социальную общность, так и ее биографию. Тогда к главным отличительным особенностям биографии социальной общности мы относим как преимущественно объективные (1, 2, 3), так и преимущественно субъективные (4, 5, 6) признаки:

1) включенность социальной общности и ее биографии в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) наличие у членов социальной общности и ее биографии значимого основания (причины), объединяющего всех участников общности, отвечающего их интересам и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности и «участниками биографии», взаимодействия между ними в самых различных сферах повседневной жизни;

4) принятие всеми или большинством членов социальной общности и биографическими «актерами» правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для общности;

5) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности и ее биографии, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), иными словами, самоидентификация членов общности;

6) признание данной социальной общности и в этом смысле ее биографической идентичности существующим социальным окружением, то есть посторонними людьми.

Мы считаем, что названные признаки социальной общности вполне биографичны индивидуально и личностно — в том смысле, что могут быть «перенесены» на конкретного человека, индивида, личность. Все признаки, имеющие как объективный, так и субъективный характер, обуславливают отношение человека к коллективу (любому — трудовому, учебному, спортивному), ближайшему социальному окружению (семье, творческому объединению, дружеской кампании) как к разновидности социальной общности, порождая схожесть, подобие, взаимодействие и взаимопересечение биографий как индивидов, так и социальной общности. Здесь мы и получаем возможность увидеть в биографиях социальных общностей отражение биографий конкретных людей.

В социологии исследование биографий тесно связано с одним из распространенных методов качественного эмпирического исследования, который широко описан в литературе и часто применяется в изучении индивидуальных социальных практик. Биографический метод в социологии направлен на исследование субъективной стороны социальной реальности. При этом применяется анализ жизненного пути отдельного человека. В его основе — изучение личных документов, в особенности когда социолог пытается выявить субъективный смысл и значение социальных процессов, о которых идет речь в этих документах (подробнее о биографическом методе см.: [20; 22]).

Биографический метод в социологии — это важный инструмент, с помощью которого целесообразно изучать жизненные истории людей (life stories) и их влияние на социальные процессы. В основе метода — анализ индивидуальных биографий, социальных взаимодействий людей и их исторического контекста. При этом индивидуальные биографии ценны не сами по себе, а как материал для обобщения и унификации характеристик, используемых в анализе биографии социальной общности. Поскольку биографический метод связан с исследованием субъективного мира людей, постольку он позволяет углубиться в понимание социальных явлений и процессов, выявляя при этом индивидуальные и коллективные опыты и переживания людей. Вместе с тем следует учитывать ограничения этого метода, такие как субъективность данных, сложность обобщения результатов, временные границы биографий.

Далее мы перейдем к рассмотрению методологического опыта исторической науки в трактовке биографии социальной общности. При этом сразу отметим, что историки используют, в отличие от социологов, вместо понятия «биография социальной общности» понятие «коллективная биография».

Исторический подход к исследованию коллективной биографии

Рассмотрение исторического подхода к исследованию коллективной биографии мы начнем, как бы это ни показалось странным, с Роберта Мертона. В одной из своих статей 1938 г. («Наука, технология и общество в Англии XVII в.» [32]), написанной на основе докторской диссертации, американский социолог представил исследование влияния ценностей пуританства на развитие науки в Англии XVII в. Исследование было реализовано в том числе с помощью особого варианта метода просопографии⁵. В основе мертоновской методики было выделение типичных черт представителей социальной группы «средних обезличенных» англичан и использование кодирования качественной информации о них в цифровые (статистические) показатели [28, с. 9–10; 38, р. 42].

В конце 1970-х гг. Р. Мертон предложил создать «Словарь научных биографий», обосновав в одной из своих статей [33] необходимость стандартизации биографических данных ученых — для создания просопографического архива и проведения статистического анализа научных сообществ (например, сообщества социологов науки Т. Куна, Дж. Сартона, К. Поппера). Р. Мертон использовал просопографию в сочетании с наукометрическим методом изучения цитирований. Подробное изложение исследования Р. Мертоном биографии Т. Куна на основе методологии просопографии представлено в статье А.П. Огурцова «Т. Кун: между агиографией и просопографией» [18].

Нужно отметить, что использование Р. Мертоном просопографии было замечено больше историками, нежели социологами. Об этом говорит тот факт, что зарубежные и отечественные историки включают работы Мертона в описание эволюции

⁵ Этимология термина «просопография» связана с греческими словами «человек, лицо» (prosopon) и «пишу» (graphos). Ю.Ю. Юмашева отмечает, что существительное в этом термине стоит во множественном числе — prosora («люди, лица»). Это позволяет перевести термин как «пишу о людях» и подчеркнуть коллективный характер объекта исследований [28, с. 2].

просопографического подхода в истории, а социологи обращают внимание лишь на сами результаты мертоновских исследований, игнорируя метод, которым они были получены. Кроме того, примечательно, что упомянутая работа Мертона “*Science, Technology and Society in Seventeenth Century England*” в международных системах индексирования всегда относится к рубрике «История», а не «Социология», хотя бы потому, что была опубликована в историческом журнале “*Oziris*”. Таким образом, можно предположить, что историческая методология просопографии оказала на Мертона большое влияние, поскольку в тот период метод просопографии уже активно использовали в своих исследованиях историки [31; 34] и историки науки [6; 35; 36]. Для социологов же обращение Р. Мертона к просопографии скорее осталось полузабытым фактом истории социологии и социологии науки.

В исторической науке просопография, действительно, имеет богатую историю развития и с точки зрения оформления ее методологии, и с позиций совершенствования методического инструментария. Если принять во внимание мнение историков о том, что просопография — это не просто методологический подход или метод исторического исследования, но еще и особая отрасль (или направление) научного знания, то ее конституирование тем более заслуживает отдельного рассмотрения не только на страницах статьи, но и в жанре монографического исследования. Поскольку тема и задачи статьи ставят определенные ограничения на пути расширения предмета нашего исследования — социологической методологии изучения коллективной биографии, ограничимся отсылкой к работам по этапам развития просопографии в истории [10; 28; 30], но определим некоторые общие принципы и особенности исторической просопографии.

С позиций исторического подхода личность рассматривалась как выражение типичного представителя той или иной социальной группы, а биографические данные использовались как значимые переменные в статистическом анализе социальных процессов того или иного исторического периода [18, с. 13]. Известный историк Л. Стоун определял просопографию как «исследование общих исторических характеристик группы исторических акторов посредством изучения их коллективной жизни» [37, р. 46].

Главное отличие просопографии от традиционного биографического метода, применяемого в методологии *case study*, заключается в том, что личностные характеристики объекта исследования нивелируются в большом массиве количественной информации по биографиям других представителей социальной группы⁶. В истории просопография представляется набором разных исследовательских техник, общая цель которых — провести организованный сбор данных, отражающих не внутренний мир исследуемых лиц, не их субъективные, уникальные мысли и идеи, а внешние характеристики (происхождение, родственные и семейные отношения, образование, карьеру, социальный статус, религиозную принадлежность и др.) [10]. Собранные биографические сведения дополняются иными количественными и качественными данными, характеризующими социальные процессы и обстоятельства того исторического периода.

⁶ Отметим, что в истории сформировалась особая разновидность просопографии — описательная просопография, или биографика, которая предполагает описание биографии одного лица или небольшого количества лиц (3–5). Однако такая разновидность просопографии не соотносится с феноменом коллективной биографии в социологии, поскольку последняя интересуется не малыми, а массовыми социальными общностями.

Преимуществом просопографической методологии является то обстоятельство, что она позволяет реконструировать коллективную биографию социальной общности в прошлом. Неслучайно некоторые историки считают просопографию не отдельным методом, а методикой или подходом, объединяющим и биографические личные интервью, и изучение документов (в том числе визуальными техниками), и устные истории [19].

Важно то, что просопография позволяет изучать коллективную биографию в динамике. Для этого исследователи определяют и затем выявляют в массиве данных динамические характеристики, в соответствии с которыми фиксируется развитие во времени жизненного пути как отдельного человека, так и всей исследуемой общности [29].

Таким образом, богатые методологические и методические возможности просопографии были открыты прежде всего историками (как зарубежными, так и российскими). Их исследовательский потенциал был использован зарубежными социологами, но остался за границами внимания социологов отечественных. Между тем актуализация просопографической методологии как нельзя точно соответствует задачам социологического исследования биографии социальных общностей, сочетая при этом, с одной стороны, принцип «человекомерного» исследования социальной реальности [9], а с другой — принцип объективно-социологического взгляда на нее.

Особенно это касается многопоколенных социальных общностей, обладающих длительной историей своего существования и оказавших значительное влияние на развитие общества в целом либо его отдельных значимых структур. По мнению представителей многопоколенных социальных общностей (обладающих таким значительным историческим прошлым), им крайне важно знать биографии своих общностей. Они ищут глубокие корни своих семей в историях и биографиях их членов. Эти истории и биографии могут играть особо значимую роль в понимании преемственности и связи с предшествующими поколениями своих социальных общностей, формировать у их членов гордость за принадлежность к ним или, напротив, вызывать тревогу и желание что-то изменить в собственной жизнедеятельности.

Мы полагаем, что среди социальных общностей с многопоколенной историей, имеющих огромное значение для общества и личности, особое место занимают НПР. Биография и история данной социальной общности органично вплетается в историю университетов и высшего образования и заслуживает превращения ее в предмет специального социологического и исторического исследования. Таким образом, возникает возможность использования методологии междисциплинарного изучения социальной общности НПР. В связи с этим стоит остановиться на понятии биографии социальной общности НПР (в том числе российских), критериях ее выделения и основных этапах возникновения и функционирования.

Биография социальной общности научно-педагогических работников российских вузов

Под биографией социальной общности НПР мы понимаем описание исторического процесса профессионально-педагогического становления и развития реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой (по целям деятельности,

образу жизни) и самостоятельной совокупности работников, связанных устойчивыми формами совместной активности с целью подготовки специалистов высокой квалификации для различных сфер профессиональной деятельности.

Рассматривая биографию социальной общности НПР, следует говорить о предпосылках, истоках, как хронологических, так и содержательных и организационных. Отметим, что и в Западной Европе, и в России появление этой общности связано с возникновением университетов. Первые европейские университеты возникли в XIII–XIV вв., российские гораздо позднее — в XVIII–XIX вв.

В средневековых университетах было положено начало профессионализации преподавательской деятельности и развитию механизмов самоорганизации и саморегуляции внутри профессиональной корпорации. Главным содержанием профессиональной деятельности европейских средневековых университетских преподавателей было образование, обучение и просвещение — как способ интерпретации, трансляции и диссеминации канонического знания в различных областях. Наука еще не утвердилась в университетах того времени как система производства нового знания. Это значит, что мы можем рассматривать формирование общности преподавателей средневековых университетов как начальный этап биографии НПР. Может быть, точнее даже говорить об их предбиографии. Чтобы получить обоснованный ответ на вопрос о том, что представляет собой эта предбиография, нужен анализ критериев и содержательных характеристик профессиональной деятельности преподавателей средневековых университетов. В качестве таких критериев и содержательных характеристик могут выступить характер профессиональной деятельности и взаимодействия с коллегами «по цеху» и со студентами, специфика образа жизни (в том числе территориальной мобильности), отношений с горожанами, светской и религиозной властью, мировоззрение (в том числе религиозное) и ценности как его основа. Но эта проблема требует специального рассмотрения, что выходит за пределы задачи, поставленной авторами в данной статье. Подробнее с описанием этой деятельности можно ознакомиться в работах П.Ю. Уварова [27] и Е.В. Глаголевой [7].

Вместе с тем мы располагаем достаточными основаниями рассматривать университетских преподавателей в эпоху Средневековья как своего рода протосоциальную общность, на базе которой в Новое время возникла сначала образовательная, а затем и научно-образовательная социальная общность педагогических работников университетов.

В России биография общности педагогов складывалась по-другому. Вплоть до Нового времени ее как таковой не было. Протосоциальная общность педагогов если и формировалась в условиях существования феодальных порядков, то в очень ограниченном количестве приглашенных (в основном из-за рубежа) учителей по математике, иностранным языкам и воспитателей и реально в виде сообщества не выступала. Отдельные люди, воспитывавшие и учившие «недорослей», не имели никакого объединяющего их начала. Высших учебных заведений, тем более под государственным контролем, еще не было.

Ситуация с появлением высшего образования и первых университетов в России никак не была связана с эпохой феодализма. Вслед за Московским университетом (1755 г.) в XIX в. возникли еще девять университетов: Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Александровский

(в Гельсингфорсе), Св. Владимира в Киеве, Новороссийский в Одессе, Варшавский, Томский. Тип этих университетов принципиально отличался от европейского, преподавательские и студенческие сообщества также были совершенно иными.

Вместе с тем не следует забывать, что университеты в России создавались в определенной степени по образцу немецких и испытывали на себе влияние немецких традиций. Именно поэтому они возникали как государственные учреждения (каковыми остаются в подавляющем большинстве и сегодня) [1]. Это обстоятельство не могло не повлиять на положение социальной общности НПР и перемены в ней в течение всего XX в. и начале XXI в.

После 1917 г. в России возникает принципиально новый этап в развитии университетов, а одна из его основных особенностей заключается в создании иных условий для жизни и профессиональной деятельности социальной общности университетских педагогов. В частности, таким важным условием стала актуализация научного знания и его тесная связь с образовательным знанием. В XX в., особенно в его второй половине, эта связь явилась основой содержания современного университетского образования и развития социальной общности НПР.

Биография этой общности в период постреволюционного развития страны тесно связана с открытием большого числа вузов (преимущественно инженерно-технического профиля) как в довоенный, так и в особенности в послевоенный периоды развития системы высшего образования. В 1970–1980-е гг. начался процесс массовизации высшей школы. Базой этого процесса стало наличие двух условий: превращение полного среднего образования во всеобщее обязательное и достаточное количество вузов по всем основным направлениям и специальностям подготовки высшего образования. Тем самым была открыта дорога в вузы большому числу студентов и преподавателей. К 2000 г. счет НПР пошел на сотни тысяч специалистов, занятых в системе вузовского образования. Переход к XXI в. социальная общность НПР встретила в ситуации готовности к переменам (подробнее см.: [15, с. 204–294]).

Далее перейдем к обозначению основных этапов биографии социальной общности педагогических, а затем и научно-педагогических работников (с XVII в. по настоящее время). Но прежде необходимо хотя бы коротко остановиться на критериях используемой периодизации. При этом нужно иметь в виду, что на разных этапах и в рамках разных периодов критерии срабатывали неодинаково или не срабатывали вообще. Сам историко-биографический процесс развития социальной общности педагогических работников занимает такой длительный хронологический интервал, а его насыщение событиями настолько дифференцированно, что попытка выровнять критерии для сравнения основных этапов биографии социальной общности педагогических работников изначально обречена на неудачу.

Рассмотрим критерии периодизации биографии социальной общности НПР. Их несколько. Первый и самый главный — соответствие количества работающих в университетах педагогических работников численности вузов. Конкретизация этого критерия выводит на соотношение численности педагогов и количества специальностей и программ подготовки студентов.

Еще один критерий периодизации требует выявления соответствия численности НПР месту вуза в структуре системы высшей школы страны. Чем более высокую позицию занимает вуз в рейтинге высшего образования, тем больше ставок для преподавателей он получает. На численность педагогов влияет учебный план и учебно-методический комплекс изучаемых дисциплин. В целом можно утверждать, что на изменения в биографии социальной общности НПР воздействует развитие университетов как вширь, так и вглубь.

Что касается критериев периодизации биографии НПР, отражающих качественные изменения рассматриваемой социальной общности, то среди них, конечно, важно выделить и происхождение, и характеристики полученного базового образования, и способы рекрутирования в профессиональную корпорацию, и социальный статус, занимаемый разными группами вузовских преподавателей и ученых, а также образ жизни, карьерные траектории и многие другие объективно фиксируемые характеристики. Но особое значение, на наш взгляд, приобретают критерии, указывающие на изменение субъективных сторон жизнедеятельности НПР, а именно на уровень их субъектности (самостоятельности, автономности), роль в формировании и изменении этоса академической профессии, участие в формировании научных коммуникативных сетей, научных сообществ (школ, кружков). Возможно, это самые сложные для изучения аспекты коллективной биографии НПР, поскольку они требуют не просто обобщения в социальном контексте статистических и историографических данных, но их глубокого социологического понимания и интерпретации. Именно при таком подходе к анализу биографии НПР может проявиться коллективный смысл жизни всей социальной общности не только на конкретном биографическом этапе, но также во всем ее внутреннем развитии.

Назовем и кратко охарактеризуем основные *шесть этапов* периодизации:

- формирование протосоциальной общности (XVII в. — середина XVIII в.): появление первых представителей общности педагогов, включавшей слушающих в знатных семьях учителей математики, иностранных языков, воспитателей, гувернеров (гувернанток);
- становление социальной общности преподавателей университетов (середина XVIII–XIX в.): выделение особой группы преподавателей первых российских университетов;
- переформатирование общности научно-педагогических работников советских вузов (1917 г. — начало Великой Отечественной войны) в контексте становления новой системы высшего образования;
- количественный и качественный рост социальной общности научно-педагогических работников в послевоенных условиях восстановления разрушенных и строительства новых вузов (окончание Великой Отечественной войны — начало перестройки в середине 1980-х гг.);
- появление постсоветской общности научно-педагогических работников вузов (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.) на фоне реформирования высшего образования;
- развитие современной общности научно-педагогических работников (с 2000-х гг. по настоящее время): восходящая и нисходящая тенденции количественного и качественного преобразования социальной общности НПР в условиях трансформации высшего образования.

Не имея возможности в рамках статьи погрузиться в биографическое содержание каждого из названных этапов, тем не менее отметим, что количественные и институционально-статусные изменения социальной общности НПР российских вузов, происходившие на каждом этапе, отражают лишь внешний контур изменений в коллективной биографии НПР. За ними на самом деле скрывается очень противоречивый, «драматический» ее характер. Он проявляется в тенденциях поступательного развития культуры и самосознания научно-педагогического сообщества и в резких, как это бывает во многих биографиях, разрывах преемственности поколений и ее восстановлениях, в освоении новых профессиональных и общественных ролей, в частичной потере и возрождении субъектности, нарастании конфликтной внутренней дифференциации социальной общности и в обретении ею вновь единства и корпоративной целостности. Если институциональная история высшего образования и университетов представляет собой более или менее изученный предмет, то коллективная биография НПР, скорее всего, является перспективой социологических исследований высшей школы, с обязательным обращением к междисциплинарному знанию (по меньшей мере, к историческому) и междисциплинарной методологии.

Эти перспективы охватывают не только предбиографический этап развития общности НПР или ранние этапы биографии. Они касаются и современного этапа, охватывающего первую четверть XXI в. Система университетского образования России за это время была подвергнута серьезным испытаниям (внедрение принципов Болонского процесса, ЕГЭ, оптимизация и реструктуризация высшего образования, эпидемия коронавируса, переход на новые формы и методы обучения в системе онлайн и дистанционного образования, специальная военная операция). Биография социальной общности НПР испытала их влияние на себе. А впереди нас поджидает немало других трудностей, с которыми мы наверняка столкнемся в процессе новых трансформаций и новых исследований изучаемой социальной общности.

Заключение

В статье предпринята одна из первых попыток анализа междисциплинарной методологии исследования биографии социальной общности. Две дисциплины послужили основой для его реализации — социология и история. Их использование позволило обратить внимание на связь в изучении биографий таких субъектов деятельности, как социальная общность (у социологов) и коллектив (у историков). Этому способствовали применение общностного подхода у первых и метода просопографии у вторых. В обеих науках использование дисциплинарных трактовок вовсе не означает отказа от индивидуально-личностных характеристик биографий и позволяет сравнивать с ними особенности общностного и просопографического подходов.

Поскольку статья была выполнена в рамках социологического исследования, подведем краткие итоги сделанного в нашей науке в области изучения биографии социальной общности.

Во-первых, было дано определение понятия биографии социальной общности, методологическим фоном для которого стало обращение к характеристике биографии индивида и сравнение с трактовками ее исследования.

Во-вторых, были показаны, с одной стороны, общие аспекты, с другой — отличия в трактовке биографии индивида и социальной общности и возможности использования тех и других в процессе анализа биографических особенностей обоих субъектов.

В-третьих, были раскрыты структура биографии социальной общности, суть социологического подхода к ее изучению, основные этапы социальной общности (предбиографический, биографический, постбиографический).

В-четвертых, методология исследования биографии социальной общности была показана на материалах изучения НПР российских вузов. Были предложены ее понятие и особенности изучения, кратко рассмотрены основные этапы становления и развития социальной общности (вплоть до нашего времени), показана тесная связь с изменениями в сфере высшего образования.

В-пятых, из сказанного выше вытекает следующая задача методологического исследования биографии социальной общности — подготовить почву для эмпирического ее изучения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 140–160. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.8

Research Article

GAROLD E. ZBOROVSKY¹, POLINA A. AMBAROVA¹

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. bl. 19, Mira st., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

TOWARDS THE METHODOLOGY OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON THE BIOGRAPHY OF A SOCIAL COMMUNITY

Abstract. The purpose of the article is to develop a methodology for the interdisciplinary study of the biography of a social community based on the synthesis of sociology and history. This issue is rarely considered in sociological literature. The authors used sociological and historical interpretations both of individual-personal and community (collective) biography as the basis of interdisciplinarity. The peculiarities of sociological and historical approaches to the study of the biography of a social community are revealed. The main methodological problems of the study include the concept of the biography of a social community, its structure, the characteristics of a biographical approach, and the biography of a social community as a phenomenon. On the one hand the general aspects are shown, on the other hand the differences in the interpretation of the biography of an individual and the biography of a social community, the possibility of using both in the analysis of the biographical characteristics of both subjects. The essence of the pre-biographical, biographical, and post-biographical stages of a social community is revealed. In the final

section of the article, the authors partially apply the described methodology to the definition of the concept of a biography of a social community of scientific and pedagogical workers of Russian universities, briefly considering the main stages of its formation and development.

Keywords: social community; biography of a social community; research and pedagogical staff (RPS); biographical approach; prosopography; pre-biography; post-biography.

For citation: Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. Towards the Methodology of Interdisciplinary Research on the Biography of a Social Community. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 140–160. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.8](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.8)

Acknowledgements. The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/> The authors would like to thank the reviewers for their valuable recommendations, which made it possible to improve the article.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garold E. Zborovsky — Doctor of Sociological Sciences, Research Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com
Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Андреев А.Л. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М.: ВГИК, 2014. — 310 с. EDN: [TIFTUN](#)
 Andreev A.L. *Education and Education in the Social History of Russia: From the Middle Ages to Modern Times*. Moscow: All-Russian State University of Cinematography publ., 2014. 310 p. (In Russ.)
2. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. — 223 с.
The Biographical Method in The Study of Post-Socialist Societies. Ed. by V. Voronkova, E. Zdravomyslova. St Petersburg: Centre for Independent Social Research publ., 1997. 223 p. (In Russ.)
3. Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М.: Институт социологии, 1994. — 147 с.
The Biographical Method: History, Methodology, Practice. Ed. by E.Y. Meshcherkina, V.V. Semenova. Moscow: Institute of Sociology publ., 1994. 147 p. (In Russ.)
4. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 123–130.
 Burgos M. A life Story. Storytelling and Self-discovery. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 123–130. (In Russ.)
5. Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81. EDN: [QBKJOJ](#)
 Bourdieu P. The Biographical Illusion. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*. 2002. No. 1. P. 75–81. (In Russ.)
6. Гиндилис Н.Л. Просопография в науковедении 80-х годов // Метафизика и идеология в истории естествознания / И.Д. Рожанский, И.В. Лупандин, Г.Д. Гачев и др.; Отв. ред. А.А. Печенкин. М.: Наука, 1994. С. 141–153.
 Gindilis N.L. Prosopography in the Science of the 80s. *Metafizika i ideologiya v istorii estestvoznaniya*. Ed. by I.D. Rozhanskii, I.V. Lupandin, G.D. Gachev et al.; Ed. in Chief A.A. Pechenkin. Moscow: Nauka publ., 1994. P. 141–153. (In Russ.)

7. Глаголева Е.В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014. — 318 с.
Glagoleva E.V. *The Daily Life of European Students from the Middle Ages to the Enlightenment*. Moscow: Molodaya gvardiya publ., 2014. 318 p. (In Russ.)
8. Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. EDN: [TZJHEP](#)
Golofast V.B. The Variety of Biographical Narratives. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1995. No. 1. P. 71–88. (In Russ.)
9. Голубович И.В. Биография: методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология & Философия науки. 2012. Т. XXXIII. № 3. С. 84–97. DOI: [10.5840/eps201233321](#) EDN: [PCOFVR](#)
Golubovich I.V. Biography: Methodology of Analysis in Humanitarian Knowledge. *Epistemologiya & Filosofiya nauki*. 2012. Vol. XXXIII. No. 3. P. 84–97. DOI: [10.5840/eps201233321](#) (In Russ.)
10. Гончаренко С.А. Просопография: история становления и развития метода // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 3. С. 94–100.
Goncharenko S.A. Prosopography: The History of the Formation and Development of the Method. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2017. No. 3. P. 94–100. (In Belarus.)
11. Докторов Б. А оказалось, что под пеплом лежат красные угли // Проза.ру [электронный ресурс]. Дата обращения 25.12.2024. URL: <https://proza.ru/2024/10/30/295/>
Doktorov B. And it Turned Out That There Were Red Coals under the Ashes. *Prose.ru*. Accessed 01.06.2024. URL: <https://proza.ru/2024/10/30/295/> (In Russ.)
12. Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.
Doktorov B.Z. *Modern Russian Sociology: History in Biographies and Biographies in History*. St Petersburg: Publ. House of European University at Saint Petersburg publ., 2013. 560 p. (In Russ.)
13. Зборовский Г.Е. Есть ли у социальной общности биография? // Известия УрФУ. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 2. С. 151–163. DOI: [10.15826/izv1.2024.30.2.035](#) EDN: [EGHOMR](#)
Zborovsky G.E. Does the Social Community Have a Biography? *Izvestiya UrFU. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 151–163. DOI: [10.15826/izv1.2024.30.2.035](#). (In Russ.)
14. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. — 304 с.
Zborovsky G.E. *Theory of Social Community*. Ekaterinburg: The Liberal Arts University publ., 2009. 304 p. (In Russ.)
15. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники в современной России: теория и биография социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2024. — 431 с. EDN: [PNLXLU](#)
Zborovsky G.E. Ambarova P.A. *Scientific and Pedagogical Workers in Modern Russia: Theory and Biography of a Social Community*. Ekaterinburg: The Liberal Arts University publ., 2024. 431 p. (In Russ.)

16. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67. EDN: [MPKWPP](#)
Meshcherkina E.Yu. Life Path and Biography: Continuity of Sociological Categories. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. No. 7. P. 61–67. (In Russ.)
17. Мещеркина Е.Ю., Астафьева Е.Н., Кошелева О.Е. и др. Биографическое интервью. М.: Изд-во УРАО, 2001. — 86 с.
Meshcherkina E.Yu., Astafeva E.N., Kosheleva O.E., et. al. *Biographical Interview*. Moscow: Izdatelstvo University of Russian Academy of Education publ., 2001. 86 p. (In Russ.)
18. Огурцов А.П. Т. Кун: между агиографией и просопографией // Философия науки и техники. 2004. Т. 10. № 1. С. 3–28. EDN: [TTMWVL](#)
Ogurtsov A.P. T. Kuhn: between Hagiography and Prosopography. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2004. Vol. 10. No. 1. P. 3–28. (In Russ.)
19. Петрова М. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 3. С. 939–954. DOI: [10.15826/qr.2022.3.710](#). EDN: [TFHTKH](#)
Petrova M. The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop). *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 939–954. DOI: [10.15826/qr.2022.3.710](#) (In Russ.)
20. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. — 380 с. EDN: [SDSRBR](#)
Rozhdestvenskaya E.Yu. *The Biographical Method in Sociology*. Moscow: Publ. House of HSE, 2012. 380 p. (In Russ.)
21. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.
Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents. Ed. in chief, foreword by G.S. Batygin; Comp. by S.F. Yarmolyuk. St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., 1999. 683 p. (In Russ.)
22. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. — 292 с. EDN: [VGVMOP](#)
Semyonova V.V. *Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology*. Moscow: Dobrosvet publ., 1998. 292 p. (In Russ.)
23. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. — 702 с.
Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 1: A–J. Moscow: Russkii yazyk publ., 1985. 702 p. (In Russ.)
24. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / В. Бигуаа, Д. Берто, Е. Долгих и др.; отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Институт социологии, 1996. — 426 с.
The Fate of People: Russia XX Century. Biographies of Families as an Object of Sociological Research. Ed. by V. Biguaa, D. Berto, E. Dolgikh, et al. Eds. in chief V. Semenova, E. Foteeva. Moscow: Institute of Sociology publ., 1995. 426 p. (In Russ.)
25. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. — 450 с.
Tönnies F. *Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology*. Transl. from Germ. by D.V. Sklyadnev. Moscow: Fond Universitet publ.; St Petersburg: Vladimir Dal publ., 2002. 450 p. (In Russ.)

26. Тёрнер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121–133.
Turner R. Comparative Content Analysis of Biographies. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No. 1. P. 121–133. (In Russ.)
27. Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Электронная библиотека Marco Binetti. Дата обращения 27.12.2024. URL: <http://www.binetti.ru/content/335>
Uvarov P.Yu. Universities and the Idea of European Community. *Elektronnaya biblioteka Marco Binetti*. Accessed 27.12.2024. URL: <http://www.binetti.ru/content/335> (In Russ.)
28. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566). EDN: [OZDDBT](https://www.edn.ru/0ZDDBT).
Yumasheva Yu.Yu. Prosopography: On the Question of the Periodization of the Application of the Method in Historical Research. *Istoricheskaya informatika*. 2022. No. 1. P. 1–51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566) (In Russ.)
29. Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. — 331 с. EDN: [RDVLTD](https://www.edn.ru/RDVLTD)
Yurkin I.N. *The Demidovs are Scientists, Engineers, Organizers of Science and Production: The Experience of Scientific Prosopography*. Moscow: Nauka publ., 2001. 331 p. (In Russ.)
30. Charle C. Prosopography (Collective Biography). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Ed. by J. Wright. 2nd ed. Vol. 4. Oxford: Elsevier, 2015. P. 256–260. DOI: [10.1016/B978-0-08-097086-8.62146-3](https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.62146-3)
31. Chastagnol A. La prosopographie, méthode de recherche sur l’histoire du Bas-Empire. *Annales Histoire, Sciences Sociales*. 1970. Vol. 25. No. 5. P. 1229–1235. DOI: [10.3406/ahess.1970.422267](https://doi.org/10.3406/ahess.1970.422267)
32. Merton R. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. *Osiris*. 1938. Vol. 4. P. 360–632. DOI: [10.1086/368484](https://doi.org/10.1086/368484)
33. Merton R. *The Sociology of Science: An Episodic Memoir*. Southern Illinois University Press, 1979. 168 p.
34. Nicolet C. Prosopographie et histoire sociale: Rome et l’Italie à l’époque républicaine. *Annales Histoire, Sciences Sociales*. 1970. Vol. 25. No. 5. P. 1209–1228. DOI: [10.3406/ahess.1970.422266](https://doi.org/10.3406/ahess.1970.422266)
35. Pyenson I. Who the Gyes Were: Prosopography in the History of Science. *History of Science*. 1974. Vol. 15. Iss. 3. P. 155–188. DOI: [10.1177/007327537701500301](https://doi.org/10.1177/007327537701500301)
36. Shapin St., Tackray A. Prosopography as a Research Tool in the History of Science: the British Scientific Community. *History of Science*. 1974. Vol. 12. No. 1. DOI: [10.1177/007327537401200102](https://doi.org/10.1177/007327537401200102)
37. Stone L. Prosopography. *Daedalus*. 1971. No. 1. P. 46–79.
38. Verboven K., Carlier M., Dumolyn J. A Short Manual to the art of Prosopography. *Prosopography Approaches and Applications: A Handbook (Prosopographica et Genealogica)*. Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. University of Oxford, Linacre College Unit for Prosopographical Research, 2007. P. 35–70.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2024; поступила после рецензирования и доработки: 06.03.2025; принята к публикации: 13.03.2025.

Received: 30.12.2024; revised after review: 06.03.2025; accepted for publication: 13.03.2025.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.9
EDN: VXJBLY

Д.Б. ЛИТВИНЦЕВ¹

¹ Новосибирский государственный технический университет.
630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20.

ЖИЛИЩНАЯ ПРЕКАРНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ “PRECARIOUS HOUSING IN EUROPE: A CRITICAL GUIDE” ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. МЮНХ, А. ЗИДЕ

Аннотация. Жилищная прекарность (прекарность жилья) — современная проблема ненадежности/неустойчивости жилищной ситуации, которая в научных кругах стала широко обсуждаться относительно недавно. Первый обширный опыт и результаты исследований данного многомерного феномена получили именно европейские ученые, представляющие различные научные направления. Нестабильность на рынке труда, финансиализация жилья, усиление миграционных процессов, угроза выселения и/или перемещения, развитие неформальных практик проживания и другие факторы способствовали прекаризации жилищной сферы, развитию домашней культуры прекарности и становлению так называемого жилищного прекариата. Книга “Precarious Housing in Europe: A Critical Guide” под редакцией С. Мюнх и А. Зиде, уже получившая положительные оценки от других ученых, впервые обобщает результаты многолетних исследований прекарности жилья в странах Евросоюза. В работе особое внимание уделяется разным проявлениям жилищной прекарности и ее крайней форме — бездомности, уязвимым социальным группам (молодежь, мигранты и др.), а также государственной политике в жилищной сфере. Несмотря на то что книга стала результатом междисциплинарного сотрудничества, она фактически является знаковым изданием именно в области жилищной социологии, а потому представляет интерес для исследователей из других стран.

Ключевые слова: жилищная социология; прекаризация жилья; жилищная прекарность; жилищный прекариат; право на жилье; неформальное жилье; бездомность.

Для цитирования: Литвинцев Б.Д. Жилищная прекарность как социологическая проблема. Рецензия на книгу “Precarious Housing in Europe: a Critical Guide” под редакцией С. Мюнх, А. Зиде // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 161–167. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.9 EDN: VXJBLY

Критическое руководство “Precarious Housing in Europe” под редакцией Сибиллы Мюнх (Sybille Münch) и Анны Зиде (Anna Siede) было издано на английском языке в Австрии в 2022 г. и находится в открытом доступе на сайте Университета непрерывного образования Кремса (Die Universität für Weiterbildung Krems). Оно представляет собой результат интенсивного междисциплинарного сотрудничества и интеллектуального обмена в течение трех лет, который получил финансирование по программе Erasmus+¹ как проект “PusH — Precarious Housing in Europe”² (01.09.2019 — 31.08.2022, грант № 2019-1-DE01-KA203-004986) [4].

Эта книга — первая коллективная монография, в центре внимания которой находится проблема именно жилищной прекарности в европейских странах, в последние годы она становится все более актуальной для исследователей по всему миру [1; 2]. Несмотря на то что феномен прекаризации жилья стал изучаться социологами сравнительно недавно, уже существует консенсус относительно его трактовки. Во «Введении» авторы обращают внимание, что под прекарным понимается жилье, которое либо недоступно, либо непригодно для проживания, например, потому, что перенаселено, находится в плохом состоянии, неудобно расположено или небезопасно (р. 7). Исходя из того, что существует много проявлений жилищной прекарности, каждая из семи глав посвящается конкретному ее проявлению либо социальной группе, проживающей в прекарных условиях.

Книга уже получила положительные отзывы в научном сообществе. Так, К. Листерборн отмечает, что это впечатляющий исследовательский обзор различных смежных областей, связанных с жилищной сферой, а редакторы и авторы демонстрируют стойкую приверженность поиску новых и более инклюзивных способов мышления о доме и жилье, нежели другие исследователи. При этом сама книга, по ее мнению, должна быть адресована в том числе политикам и государственным служащим как целевой аудитории [3].

Концепция прекарного жилья, представленная в первой (вводной) главе, основывается на социально-культурных представлениях о самом доме и жилище. Без ответов на вопросы «Что есть дом?», «Что значит чувствовать себя как дома?» попросту был бы невозможен разговор о неустойчивом, нестабильном, ненадежном жилище. При этом комплексное представление о доме/жилище (безопасное убежище, центр активности, территория соседства, инвестиционное благо, источник социального статуса и др.) позволяет исследовать прекарность жилья как крайне многогранный и многомерный феномен (р. 13, 16). В то же время само по себе признание права на адекватное/достаточное жилье (как противоположное прекарному) не решило проблему недоступности жилья и не привело к снижению бездомности в Европе, на чем в книге делается особый акцент. Это в том числе связано и с процессами прекаризации труда, на которые авторы неизбежно обращают внимание (р. 11). Неслучайно именно у мигрантов прекарность социального и жилищного статуса вызывает особую озабоченность. Важным представляется вывод и о том, что прекарность рынка труда и прекарность рынка жилья обусловлены схожими факторами, а именно ростом неолиберальной экономической

¹ Программа поддержки школьного и высшего образования, профессионального обучения, молодежных инициатив и спорта в Европейском союзе с 1987 г.

² Понятно, что в данном случае PusH — это акроним. Однако применительно к жилищной сфере как английский глагол он может означать притеснение и/или давление, а как существительное — критическое положение, что невольно подчеркивает особый дискурс исследования жилищной прекарности.

модели, которая ставит конкуренцию и индивидуальную ответственность выше государственной поддержки и коллективных действий. Однако если процессам прекаризации труда в последние годы уделяется немало внимания, то проблема жилищной прекарности во многом остается неизученной (р. 31).

В главе 2 анализируется взаимосвязь прекаризации и финансиализации³ жилья. Дается обзор жилищной прекарности в странах Евросоюза, приводятся примеры прекарного жилья с акцентом на молодежь. Показаны процессы и акторы (частные домовладельцы, банки и финансовые организации, поставщики социального жилья, институциональные инвесторы и др.) финансиализации и коммодификации жилья (р. 36–95). Различные измерения жилищной прекарности, по мнению авторов, демонстрируют большое разнообразие в европейских странах. С точки зрения пригодности жилья в большинстве своем наблюдается улучшение, однако доступность жилья ухудшается для групп с низким доходом во многих европейских странах. Риск жилищной прекарности выше среди арендаторов, одиноких людей, безработных, людей с более низким уровнем образования и дохода. Молодежь также сталкивается с проблемой доступности жилья в результате его финансиализации, которая является ключевым аспектом современных жилищных процессов в Европе, и прекаризации труда (р. 82).

Проблематика выселения и перемещения актуализируется в главе 3. Авторы идентифицируют эти два различных⁴, но в то же время схожих для российских исследователей понятия. Джентрификация, являясь фактором перемещения, рассматривается как замена групп населения с низким доходом на группы с более высоким. Отдельные разделы посвящены проблеме выселений в странах Евросоюза и их последствиям, политической экономии этих процессов, а также политическим решениям и коллективным действиям по предотвращению выселений (р. 96–141). Финансиализация рынка жилья, как отмечают в заключении главы авторы, привела к росту перемещений и выселений и создала «жилищный прекариат»⁵. Выселения и перемещения относятся к ситуациям, в которых люди вынуждены покинуть свои дома из-за внешних условий, а иногда и насильно. Статистика выселений отражает лишь частично общую картину количества недобровольных перемещений. Периодизация джентрификации продемонстрировала, что многие — но при этом разные — жилые пространства следуют общим траекториям развития из-за более значимых политических и экономических событий. Единственной крупнейшей причиной бездомности в Европе на сегодняшний день являются именно выселения (р. 134).

В главе 4 обсуждается право мигрантов на адекватное жилье (барьеры, политика и практики). Рассмотрены такие вопросы, как проблема стигматизации и образ мигрантов, их социальная интеграция и препятствия в доступе к жилью.

³ Финансиализация — рост значимости финансового сектора как источника прибыли (по сравнению с «реальным» сектором производства или торговли товарами). Важным аспектом финансиализации жилья является то, что оно становится финансовым активом, которым можно легко торговать на финансовых рынках в целях получения прибыли, зачастую оторванных от социальных и жизненных ценностей жилья как источника убежища и общественной жизни (р. 60–61).

⁴ Выселение — это принудительная форма перемещения (выселение арендатора из арендуемой недвижимости арендодателем посредством судебного иска, выселение лиц из изъятых по ипотеке жилых помещений и т. п.). Добровольное перемещение происходит тогда, когда домохозяйство вынуждено переехать в силу факторов, которые влияют на жилищные условия (р. 96).

⁵ Термин используется по аналогии с «прекариатом» в работах Г. Стендинга. Встраивание прекариата в структуру именно жилищных классов, предложенных в свое время Дж. Рексом и Р. Муром, — актуальная задача, которая, однако, в рассматриваемой книге не решалась.

Особое внимание уделяется проблеме нехватки и прекарности жилья для вынужденных мигрантов (желающих получить убежище, беженцев) и других особо уязвимых групп мигрантов. В конце затрагиваются вопросы неформальных типов жилья (р. 142–226). Авторы резюмируют, что определение, кого можно считать мигрантом, — непростая задача, хотя разные трактовки зачастую пересекаются. Основные различия касаются правового статуса, причин, лежащих в основе миграции, а также страны происхождения. Доступность адекватного жилья для мигрантов во многом зависит от их правового статуса: регулярные мигранты⁶ могут получить доступ к официальному рынку жилья (государственному и/или частному), в то время как у нерегулярных мигрантов немного вариантов, и они часто полагаются на неформальные варианты решения жилищного вопроса. Мигранты в большей степени, чем граждане страны, уязвимы к дискриминации при доступе к жилью и другим услугам. Прекарность жилья мигрантов определяется комплексом факторов (страна происхождения, экономическое положение, возраст, пол, раса и этническая принадлежность, религиозные воззрения, знание языка и т. д.), а их взаимосвязи рассматриваются в междотраслевых подходах. Желающим получить убежище и беженцам должно быть предоставлено жилье посредством государственных институтов, однако в лучшем случае они получают временное размещение, а не жилье в строгом смысле. Неформальные пространства и релевантные практики проживания мигрантов в Европе авторы разделяют на четыре основные группы: сквоттинг (самовольное проживание в нераспределенном государственном жилье или заброшенных зданиях), импровизированные гетто в сельской местности, лагеря проживания и бездомное существование (р. 205).

Неформальные поселения стали объектом исследования в главе 5. Представлена концептуализация феномена неформальности как такового и применительно к жилью в частности. Отдельно обсуждается проблема сквоттинга и неформальных поселений цыган в Европе, а также меры государственного реагирования на них (р. 227–300). В заключении главы авторы подчеркивают, что неформальные поселения — это любые людские поселения, где жилье построено без необходимого юридического права собственности и/или использования земли для проживания. Однако такие поселения как часть неформальных социально-экономических практик представляют собой сложные явления, которые нельзя объяснить, просто рассматривая их как нарушение существующих формальных правил и норм городского планирования, жилищного строительства и т. п. Неформальные поселения (лагеря мигрантов, цыганские трущобы, городские сквоты) стали очень распространенными по всему миру из-за роста численности населения планеты, миграции и быстрой урбанизации. Имея разнообразные проявления, эти поселения служат различным целям, будь то форма социального протеста, стратегия выживания или проявление оппортунистического поведения. Неформальные поселения раскрывают некоторые

⁶ В монографии авторы придерживаются терминологии, рекомендованной Европейской комиссией. Термин «нерегулярный мигрант» предпочтительнее термина «нелегальный мигрант», поскольку последний имеет уголовный подтекст. Нерегулярный въезд в страну Евросоюза или пребывание в ней в статусе нерегулярного мигранта не квалифицируется как уголовное преступление, а рассматривается как административное правонарушение. Нерегулярная миграция не является синонимом нелегальной иммиграции: например, поездка с целью получения убежища, даже если она осуществляется без соблюдения всех формальностей, не считается преступлением.

наиболее серьезные проблемы на рынке жилья и в обеспечении доступным жильем населения по всему миру, а также бросают вызов нашему пониманию политических решений в сфере городского планирования и прав человека (р. 287).

Глава 6 посвящена проблеме бездомности, которая представляет собой одно из наиболее прекарных состояний в жизни человека. Авторами дискутируются право на жилище в европейских странах, проблемы измерения бездомности, причины, динамика и будущее бездомности, а также политика борьбы с ней (р. 301–347). В итоге авторы приходят к выводу, что бездомность со временем изменилась, включив новые ситуации и обстоятельства помимо просто отсутствия крыши над головой. Новые определения бездомности были разработаны в Евросоюзе и охватывали все большее число стран. Отношение к бездомным постепенно меняется в течение последних нескольких десятилетий: моральное осуждение и криминализация бездомности уступают место более толерантному отношению. Если раньше бездомность объяснялась в первую очередь личными чертами самих бездомных, то сейчас понимание ее причин трансформируется с учетом политических и социальных факторов. Сложности с оценкой бездомности сохраняются: большая часть данных по-прежнему собирается посредством периодических опросов, а не официальной статистики. Показатели бездомности исторически снижались, однако даже в самых развитых европейских странах все еще бывают периоды, когда бездомность растет, и мало какие обстоятельства указывают на то, что она может совсем исчезнуть в ближайшее время (р. 340).

В главе 7 предлагаются решения и ответы на проблему жилищной прекарности. Обсуждаются как роль непосредственно государства и жилищной политики в преодолении прекарности жилья, так и необходимость участия гражданского общества (р. 348–406). Авторы отмечают, что право на адекватное жилье является базовым. Наиболее уязвимые слои населения (городская беднота, безработные, мигранты, родители-одиночки, пожилые люди) должны получать поддержку в доступе к такому жилью. Государственная политика в жилищной сфере чрезвычайно важна для создания основы доступности жилья путем как предоставления субсидий на его покупку, так и регулирования рынка аренды, защиты арендаторов и предотвращения спекуляции жильем. Однако не все страны имеют сильную жилищную политику, а ответственность за решение жилищного вопроса лежит на разных властных уровнях. Национальные, региональные и местные органы власти могут быть вовлечены в этот процесс по-разному в зависимости от страны. Организации гражданского общества нередко играют решающую роль в содействии доступу к жилью для наиболее уязвимых слоев населения, особенно когда государственный сектор проявляет слабость в области жилищной политики (р. 398).

В качестве общего недостатка рецензируемой книги хотелось бы отметить полное игнорирование опыта измерений жилищной прекарности за пределами Евросоюза. Как минимум, можно было бы упомянуть Модель риска жилищной прекарности (Housing Precarity Risk Model, HPRM), предложенную в США в 2021 г., а также наработки австралийских исследователей, например, индекс жилищной прекарности и занятости по соседству (Neighbourhood Employment and Housing Precarity Index, NEHP), представленный также в 2021 г.⁷ В то же время в вышедшем в 2023 г.

⁷ На сегодняшний день, помимо указанных методов измерения жилищной прекарности, известны также индекс жилищной прекарности (Housing Precarity Index, HPI), предложенный Р. Уолдроном для Ирландии в 2023 г.; индекс прекарного жилья (Index of Precarious Housing, IPH), индекс прекарности окрестностей и городского жилья (Precarity Index for Neighborhood and City Housing, PINCH), предложенные разными коллективами исследователей в Австралии в 2022–2023 гг. [1].

манифесте жилищной социологии “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives” под редакцией Б.Дж. МакКейба и Е. Розен рецензируемая книга также не упоминается, хотя проблеме precariousности жилья в США посвящен целый раздел [2].

В книге нет общего заключения и списка использованных источников — основные выводы, вопросы для размышления и обширная библиография приводятся в каждой главе. Отдельно стоит отметить наличие ссылок на электронные модули: каждая глава имеет свою страницу на веб-сайте университета. Для облегчения ориентации модули одинаково структурированы и содержат следующие типовые разделы: короткие задания, предлагающие поразмышлять над прочитанным; дополнительная информация о ключевых концепциях и примеры из практики в аудиоформате; практические задания, побуждающие глубже изучать отдельные темы; источники для дальнейших исследований, включая дополнительные кейс-стади и другие материалы для чтения (р. 8–9).

Таким образом, монография, на первый взгляд представляющая интерес для определенного круга социологов и специалистов жилищной сферы, может быть использована непосредственно и в учебном процессе (как на аудиторных занятиях с преподавателем, так и для самостоятельной работы студентов). Неслучайно авторы книги отмечают, что она дополняет дискуссию о причинах, симптомах, последствиях и возможных решениях проблемы жилищной precariousности. Материал доступен для преподавания, обучения и самостоятельного изучения в рамках различных дисциплин в сфере высшего образования (р. 7). При этом книга может представлять интерес не только для тех, кто изучает жилищную проблематику именно в странах Евросоюза (включая некоторые страны бывшего СССР). Результаты исследований и измерений прекаризации жилья могут быть полезны ученым разных стран, в том числе России. Предложенный материал может использоваться как современная теоретико-методологическая основа социологических исследований жилищной precariousности, учитывающих национальную специфику, но при этом опирающихся на зарубежный опыт.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинцев Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Новосибирский государственный технический университет.
Телефон: +7 (383) 346-20-45. **Электронная почта:** denlitv@inbox.ru

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 161–167. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.9)

Review

DENIS B. LITVINTSEV¹

¹ Novosibirsk State Technical University.

20, K. Marx avenue, 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

HOUSING PRECARITY AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM.

REVIEW OF THE BOOK “PRECARIOUS HOUSING IN EUROPE: A CRITICAL GUIDE” EDITED BY S. MUENCH AND A. ZIDE

Abstract. Housing precarity (precarity of housing) is the modern issue of insecure/unstable living arrangements, which has only recently begun to be widely discussed in scientific circles. The first extensive experience with and research results on this multidimensional phenomenon were obtained by European

scientists representing various scientific fields. Instability in the labor market, financialization of housing, more intense migration processes, the threat of eviction and/or displacement, the development of informal living practices and other factors contributed to the precarization of the housing sphere, the development of a domestic culture of precarity and the formation of the so-called housing precariat. The book “Precarious Housing in Europe: A Critical Guide” edited by S. Münch and A. Siede, which has already received positive reviews from other scientists, is the first to summarize the results of many years of research into housing precarity in EU countries. The work pays special attention to various manifestations of housing precarity and its extreme form – homelessness, vulnerable social groups (youth, migrants, etc.), as well as state policy in the housing sphere. Despite the fact that the book is the result of interdisciplinary collaboration, it is a landmark publication in the field of housing sociology, and therefore is of interest to researchers from other countries.

Keywords: sociology of housing; precarization of housing; housing precarity; housing precariat; right to housing; informal housing; homelessness.

For citation: Litvintsev, D.B. Housing Precarity as a Sociological Problem. Review of the Book “Precarious Housing in Europe: a Critical Guide” Edited by S. Muench and A. Zide. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 161–167. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.9)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Litvintsev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Management, Novosibirsk State Technical University. **Phone:** +7 (383) 346-20-45. **E-mail:** denlitv@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Литвинцев Д.Б. Жилищная прекарность: факторы, дискурсы и зарубежный опыт измерения // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 3. С. 553–566. DOI: [10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566)
Litvintsev D.B. Housing Precarity: Factors, Discourses and Foreign Measurement Experiences. *The Journal of Social Policy Studies*. 2024. Vol. 22. No. 3. P. 553–566. DOI: [10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566) (In Russ.)
2. Литвинцев Д.Б. Жилищной социологии быть. Обсуждение книги под редакцией В.И. Мекке, Е. Розен “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives” // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 183–191. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.2.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.9) EDN: WOSYUN
Litvintsev D.B. Housing Sociology will become a Thing. Discussing the Book Edited by B.J. McCabe, E. Rosen Titled “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 183–191. DOI: [10.19181/socjour.2024.30.2.9](https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.2.9) (In Russ.)
3. Listerborn C. Book review of: Münch, Sybille; Siede, Anna (eds.) (2022): Precarious Housing in Europe: A Critical Guide. *Raumforschung Und Raumordnung | Spatial Research and Planning*. 2024. Vol. 82. No. 2. P. 186–187. DOI: [10.14512/rur.2527](https://doi.org/10.14512/rur.2527)
4. *Precarious Housing in Europe: A Critical Guide*. Ed. by S. Münch, A. Siede. Krems an der Donau: Edition Donau-Universität Krems, 2022. 406 p. DOI: [10.48341/N0QK-FD13](https://doi.org/10.48341/N0QK-FD13)

Статья поступила в редакцию: 18.11.2024; поступила после рецензирования и доработки: 12.02.2025; принята к публикации: 14.02.2025.

Received: 18.11.2024; revised after review: 12.02.2025; accepted for publication: 14.02.2025.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 89247 от 24.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдииков

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Сетевой журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2025. Том 31. № 1. Дата выхода в свет 28.03.2025

Адрес редакции: 117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru